

0839

Средневековый

ГОРОД

1968

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ
ГОРОД

СБОРНИК СТАТЕЙ

0839



Издательство Саратовского университета

1968

История средневекового города как специфического социально-экономического явления — один из стержневых и наименее изученных вопросов истории феодального общества. Не случайно последнее время он начинает привлекать особенно пристальное внимание советских историков.

Исследования, включенные в настоящий сборник, посвящены вопросам экономического и социального развития города (на материале истории Южной Франции и Германии), причем главным образом — наиболее «темного», раннего города, а также проблеме складывания идеологии средневековых горожан в Чехии.

Сборник рассчитан на специалистов — историков, аспирантов и студентов исторических факультетов.

Маргарита Емелина Казарева

на добрую память

от - в ознаменование ее юбилея
по истории Средневековой Тулузы.

4.10.68 год

С. Стам

С. М. СТАМ

СКЛАДЫВАНИЕ ГОРОДСКОГО РЫНКА СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТУЛУЗЫ

Продовольственные товары

Выяснение процесса складывания средневекового городского рынка сопряжено с немалыми трудностями. Трудности эти обусловлены в первую очередь крайней скудостью, а для начального периода почти полным отсутствием источников. Но дело не только в источниках. Даже там, где документы эпохи позволяют (как правило, с помощью ретроспективного анализа) выявить контуры этого процесса, его осмысление, в свою очередь, оказывается делом отнюдь не простым.

Поскольку рыночный обмен является непременным атрибутом товарного производства, а необходимым условием возникновения этого последнего было разделение общественного труда на две обособленные сферы — труда сельскохозяйственного и труда промышленного, то возникновение самостоятельного ремесла представляется безусловной предпосылкой возникновения рынка, самый же рынок может мыслиться только как сфера взаимного обмена продуктов ремесла и земледелия, то есть прежде всего как рынок ремесленных изделий. В самом деле, откуда же взяться обмену в условиях сельскохозяйственной однородности безраздельно господствующего натурального хозяйства?

И вместе с тем, факты из ранней истории средневековых городов свидетельствуют, что очень часто рынку ремесленных изделий предшествовал рынок сельскохозяйственных продуктов.

Как это объяснить? — Но, быть может, вернее было бы поставить вопрос по-другому: могло ли быть иначе? Если вер-

но, что развитие рынка есть необходимое следствие товарного производства, то не менее верно и то, что более или менее развитый рыночный обмен является необходимым условием производства товаров. «...Товарное обращение предшествует товарному производству», — писал В. И. Ленин¹.

Действительно, существование самостоятельного ремесла, самое его отделение от земледелия предполагают наличие какого-то рынка предметов питания. Без этого ни то, ни другое просто невозможно². Естественно поэтому, что, как показывают факты, отпочковывающиеся элементы свободного ремесла с самого начала тяготеют к пунктам обмена и именно здесь получают прочную базу для своего существования.

Зарождение центров рыночного обмена сельскохозяйственных продуктов могло совпадать с процессом возникновения городов. Но нередко оно задолго предшествовало широкому процессу отделения ремесла от земледелия и, по нашему убеждению, само по себе еще не может рассматриваться как начало этого процесса. Чем же оно вызывалось?

Поскольку речь идет не об отдельных, спорадических элементах ремесла и торгового обмена, сохранившихся, прозябавших кое-где в епископских резиденциях, в остатках старых римских городов, — возникновение средневековых городских центров было огромным экономическим сдвигом, рожденным глубоко в недрах феодального общества. Не подлежит сомнению, что предпосылки крупнейшего общественного разделения труда, составлявшего сущность этого процесса, коренились в сфере производства, а не обращения. Только значительное возрастание производительности труда в земледелии создавало возможность и необходимость отпочкования и обособления ремесленного труда, прежде составлявшего придаток земледелия и неотъемлемую часть единого и всеохватывающего натурального хозяйства.

Прежде чем такое выделение могло совершиться в общественных масштабах, возрастание производительных сил в раннесредневековом земледелии должно было вести к появлению излишков сельскохозяйственных продуктов, к превращению таких излишков из случайности в закономерное эко-

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений; т. 3, стр. 553.

² Рассматривая интенсивное развитие торговли как необходимое следствие разделения промышленного и сельскохозяйственного труда и возникновения города, К. Маркс вместе с тем отмечал, что городское развитие само требовало в качестве предпосылки известной степени развития торговли. (См.: К. Маркс. Капитал, т. III. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2-е, т. 25, ч. I, стр. 365).

номическое явление. А это должно было и продажу таких излишков превращать в более или менее регулярное экономическое явление и непременно порождать и стабилизировать пункты торгового обмена сельскохозяйственных продуктов — рынки.

Существование отдельных ярмарок, рынков, обмена сельскохозяйственных продуктов засвидетельствовано документами еще каролингской эпохи и особенно ощутимо в конце раннего средневековья. Известно относящееся к XI веку хозяйственное распоряжение Клунийского аббатства о том, чтобы вино и хлеб из дальних поместий, откуда эти продукты невозможно доставить на главную усадьбу, продавались бы на месте и камерарию пересылались бы деньги¹. Преобладание натуральнохозяйственных интересов несомненно. Чрезвычайность предлагаемой в данном случае меры очевидна, так же как и крайняя неразвитость путей сообщения и, значит, отсутствие сколько-то широкого торгового обмена. Но не менее очевидна и самая возможность продажи, а следовательно, и наличие определенной местной внутрирайонной потребности в коренных продуктах сельского хозяйства, вине и даже хлебе, в местном рыночном обмене сельскохозяйственных продуктов.

Казалось бы, откуда могла возникнуть потребность в таком обмене, да и самая его возможность в условиях земледельческой однородности, натуральнохозяйственной замкнутости и примитивности сельского хозяйства той эпохи?

Но, быть может, именно в этих особенностях и следует искать объяснения. Именно в силу примитивности техники и агротехники, в силу вытекавшей отсюда крайне низкой продуктивности, тогдашнее земледельческое хозяйство, как правило, не располагало сколько-то значительными потребительскими и производственными резервами. А это должно было вести к его крайней неустойчивости: неблагоприятные погодные условия в данном пункте или районе легко приводили не только к тяжелому неурожаю, но и к голодовке, ставили под угрозу возможность возобновления производства в следующем сезоне.

Подвоза продуктов массового потребления, особенно хлеба, из отдаленных районов в тех условиях почти не было. Но поскольку и в сравнительно тесных локальных рамках урожай зачастую бывал очень пестрым, возникала потребность в местном, внутрирайонном обмене продуктов питания (хотя в коли-

¹ E. Lesne. Histoire de la propriété ecclésiastique en France. Lille, 1950, vol. VI, p. 231: «De hiis autem villis quae tam longe sunt positae ut nec vinum nec annona quae ibi nascitur possit ad nos pervenire ibidem venditur et pretium camerario defertur». См. там же, стр. 237, 238.

чественном выражении эти вовлекаемые в обмен массы продуктов, по тем же вышеотмеченным причинам, могли быть лишь весьма скромными).

Эта потребность в рыночном обмене еще более должна была сказываться в отношении вина, которое даже в районах произрастания лозы производилось далеко не во всех хозяйствах. Но особенно настоятельная потребность в систематическом обмене продуктов возникала там, где земледельческие районы тесно соприкасались с районами преимущественно скотоводческими. Здесь обычно пункты более или менее регулярного обмена возникали очень рано. Значительный рост продуктивности всех отраслей земледелия, который предшествовал и подготовил отделение от него ремесла, а также упрочение и возрастание феодальной эксплуатации не могли не вести к возрастанию массы сельскохозяйственного продукта, вовлекаемой в обмен.

Иными словами, товарное обращение появляется еще до разделения земледельческого и ремесленного труда, еще в условиях господства натурального хозяйства. Это кажется логическим противоречием, но в действительности лишь отражает реальное противоречие жизни. Откуда бы взялось хозяйство товарное, если бы натуральное хозяйство всегда пребывало неизменным? Оно оставалось нерушимым, покуда его производительность держалась на столь низком уровне, что едва могла обеспечивать воспроизводство его необходимых элементов. Когда же производство излишков становится явлением более или менее регулярным, а их отток через рынок делается необходимым, внутренняя дуалистичность натурального хозяйства, до тех пор скрытая, начинает проявляться открыто. Экономические силы земледелия перерастают тесные рамки натурального хозяйства. Отсюда прежде всего — значительное развитие торговли сельскохозяйственными продуктами, а затем, и на этой основе, — высвобождение и экономическое обособление элементов промышленного труда, самостоятельного ремесла.

Не подлежит сомнению, что только на основе такого разделения основных сфер общественного труда рыночные, товарные отношения могли приобрести прочность и устойчивость. Шампанские ярмарки, как и ярмарки в Шалоне, существовали с каролингских времен. Но действительное значение они приобретают только с XII века¹. Однако не менее несом-

¹ F. Lot. Histoire urbaine. «Journale de savants», 1935, p. 78; P. Hu-

ненно и другое: устойчивый земледельческо-ремесленный рынок не был исходной точкой рыночного обмена. Он был результатом длительного экономического развития. Его важнейшей предпосылкой было складывание рынка сельскохозяйственных продуктов.

Внимательный анализ свидетельств источников, относящихся к наиболее раннему периоду в истории средневековой Тулузы, когда только начинался приток деревенского населения, рождались первые поселки, из которых затем вырос Бург, заселялись пустоши в пределах Ситэ и непосредственно за его стенами — по берегу Гаронны, на о. Тунисе и т. д. — убеждает в том, какую большую роль сыграло ремесло, особенно такие его виды, как кожевенное дело, уже в самом начале процесса складывания этого города. Оно было главным или одним из главных занятий той деревенской бедноты, вытолкнутой или бежавшей из поместий, приток которой явился важнейшим фактором роста и формирования города. Оно же должно было стать наиболее прочной основой того товарного обмена вещей, фокусом которого был город.

Но когда мы обращаемся к наиболее ранним данным о тулузском рынке, мы видим здесь прежде всего такие товары, как хлеб, вино, соль, мясо, рыба, то есть предметы питания. Затем — продукты животноводства, служащие ремесленным сырьем (шкура, шерсть), и самые ремесленные изделия. Но и в XII веке преобладание в тулузской торговле сельскохозяйственных товаров едва ли может вызвать сомнение. Во всяком случае несомненно, что рынок в Тулузе начался не с ремесленных товаров; он складывался прежде всего как рынок продуктов земледелия и скотоводства.

Чтобы яснее понять причины этого явления, следует, хотя бы в самых общих чертах, выяснить те экономико-географические условия, в которых протекало не только развитие Тулузы как города, но и ее, так сказать, догородская предыстория.

Тулуза расположена среди плодородного земледельческого района¹. Хлебопашество было здесь основным занятием жителей задолго до римского завоевания. Римляне были заинтересованы в дальнейшем развитии земледелия в Нарбоннской провинции, которая, наряду с Египтом и Сицилией, ста-

velin, Essai historique sur le droit des marchés et des foires. Paris, 1897, pp. 146—147, 245.

¹ P. Vidal de la Blache. Tableau de la géographie de la France. Paris, 1911, p. 364.

ла новой житницей Римской империи. В связи с этим они даже пытались ограничить распространение здесь виноградной лозы. По мнению Андре Дюпона, именно земледелием было обусловлено возвышение и расцвет городов этой римской провинции¹. Как античные города вообще, и, быть может, в еще большей степени, они были прежде всего и по преимуществу центрами землевладения и торговли продуктами сельского хозяйства. Но если в приморской Септимании (особенно в районе Безье) преобладала культура винограда, то западная часть провинции, в первую очередь Тулузен, славилась хлебом². Сюда проложили римляне свою Аквитанскую дорогу, которая через Норузский перевал соединяла Тулузу с нарбоннским портом и главной, Домициевой, дорогой, шедшей вдоль побережья Средиземного моря.

Развитию земледелия в этом районе способствовали как плодородные почвы, так и благоприятные климатические условия: теплый и влажный климат с обилием весенних дождей и с жарким летом. Следует отметить, что отнюдь не весь французский Юг, даже в его равнинной части, обладал такими благоприятными условиями. За Роной, в Провансе, обширные пространства от Арля до прибрежных холмов Марселя представляют собою возвышенное плато, покрытое мелким камнем и почти совсем лишенное влаги,— это знаменитые пастбища Крау. На западе, за Гаронной, в Гаскони, широко простираются обширные ланды, с песчаной и заболоченной почвой, поросшие сосною и вереском. И в самом Лангедоке обширная полоса земель, тянущаяся вдоль морского побережья от Восточных Пиренеев до низовьев Роны,— это по большей части пыльная равнина, скудная влагой и открытая ветрам, на которой хорошо произрастает оливковое дерево. Но для полеводства она была пригодна отнюдь не всюду и если не была заболочена, как в районе Нарбонны, то зачастую больше годилась для возделывания винограда (Безье) и технических культур (Монпелье), чем для хлебопашества³.

Значительно более благоприятны для культуры зерновых земли в северо-западной части этого района, за Норузским водоразделом, где на меридиане Тулузы резко расширяется

¹ A. Dupont. Les cités de la Narbonnaise première, depuis les invasions germaniques jusqu'à l'apparition du consulat. Nîmes, 1942, pp. 50—51.

² Цезарь писал об этом районе как о «в высшей степени хлебородных равнинах» — locis patentibus maximeque frumentariis (C. Iulius Caesar. De bello Gallico, I, 10).

³ P. Dognon. Institutions politiques et administratives du pays de Languedoc du XIII siècle aux guerres de religion. Toulouse, 1896, pp. 1—2.

расстояние между отрогами Пиренеев и предгорьями Центрального массива (250 км против 50 у Каркассона), и далее этот интервал еще более возрастает¹. Примыкающие к равнине плодородные речные долины предгорных районов и значительные участки плато, окруженные пологими, легко поддававшимися обработке холмами (что особенно характерно для Тулузена), были здесь главными очагами продуктивного хлебопашества. Хотя в средние века культура винограда, практиковавшаяся здесь и в античности, широко захватила Тулузен, производство зерна не только оставалось основой его сельского хозяйства, но получило дальнейшее развитие, и хлебопроизводящее значение Тулузена в эту эпоху еще более возросло.

От XV века до нас дошли весьма красноречивые свидетельства относительно высокого развития земледелия, богатства Тулузена хлебом, а также вином. Так, около 1408 года в докладной записке королю это отмечали тулузские консулы². В конце того же столетия ученый немец из Нюрнберга Иероним Мюнцер, в 1494—95 гг. путешествовавший по Южной Франции, с восхищением отмечал исключительное плодородие земли и изобилие пшеницы, вина и других продуктов сельского хозяйства в Тулузском районе³. В конце XVIII века англичанин Артур Юнг, совершая свое знаменитое путешествие по Франции и проезжая от Монтобана к Тулузе, записал лаконично и выразительно: «Я проехал хлебные поля, лучше которых невозможно встретить»⁴.

Но и для интересующего нас времени мы имеем достаточно убедительные свидетельства высокого развития зернового хозяйства в этом районе. Папские буллы по делам Тулузского университета в середине XIII века⁵, решения «провинциальных штатов», спонтанно возникавших в южных сенешальствах во второй половине того же столетия, и самые дебаты на их заседаниях неопровержимо свидетельствуют, что к этому

¹ P. Vidal de la Blache, Op. cit., p. 362.

² Ph. Wolff. Commerces et marchands de Toulouse (vers 1350—vers 1450). Paris, 1954, p. 169.

³ «Credo in tota Gallia tam uberem agrum non esset, tantum habundat frumento, vino, craco, gwalda, et ligno, et omnibus ad victum spectantibus». (Itinerarium sive peregrinatio excelentissimi artium ac utriusque medicine doctoris Hieronymi Monetarii de Feltkirchen civis Nuremburgensis. Pub. par E. Deprez. — «Annales du Midi», 1936, p. 74).

⁴ A. Young. Travels in France. London, 1924, p. 31.

⁵ Documents sur l'histoire de l'Université de Toulouse. Pub. par R. Gaudave, Toulouse, 1910; №№ 4, 5, 14, 14-bis.

времени здесь сложилась практика систематического вывоза хлеба на внешний рынок¹.

Что касается Тулузена, то сведения XII века позволяют говорить о наличии сложившихся локальных хлебных рынков в его мелких городских центрах уже в I половине этого столетия. В самой же Тулузе, в Бурге такой рынок налицо уже в первой половине XI века, а в Ситэ, по всей видимости, еще ранее². Затем он быстро развивается. В XII и XIII вв. на тулузском рынке зерно занимает исключительно важное место. На этой почве Тулуза превращается в крупнейший центр мукомольного промысла, а этот последний по своей экономической структуре достигает в те же столетия неслыханной для средневекового города сложности и интенсивности. При этом, насколько можно судить, на городском рынке Тулузы зерно явилось одним из самых первых товаров, а очагом хлебной торговли Тулуза сделалась раньше, чем стала собственно городом. Где следует искать объяснения этому явлению?

Разумеется, чрезвычайно важна сама вышеочерченная земледельческая характеристика района. Но, по всей видимости, дело заключалось не только в этом. Расположенная в юго-восточном углу Гароннской низменности, среди широкой холмистой долины, на правом берегу Гаронны, там, где река, текущая с Пиренеев на северо-восток, круто поворачивает на северо-запад, Тулуза оказывалась на стыке равнинных, земледельческих и горных, лесистых или песчано-болотистых районов. С востока к ней подступают отроги Центрального массива (Монтань-Нуар), с запада (за Гаронной) — гасконское плато Арманьяк, с юга — отроги Малых Пиренеев, лесистые холмы графств Комменжского и Фуа. Мало пригодные, а то и вовсе не пригодные для земледелия, особенно для хлебопашества, эти районы обладали превосходными пастбищами или густыми лесами. Это относится и к левобережью Гаронны, ниже Тулузы, и к междуречью Тарна и Гаронны, и к Альбижуа, то есть к району, примыкавшему к Тулузе с севера, где в дальнейшем широко развилось хлебопашество, но до XII века в значительной мере еще покрытому нетронутыми лесами и пустошами. Богатые скотом и продуктами скотоводства — мясом, шкурами и шерстью, а также лесом и пуш-

¹ Histoire générale de Languedoc; par Cl. Devic et J. Vaissète. Toulouse, 1872—1903; t. VIII. Preuves. Chartes et diplômes. №№ 443, 446, 529, 545 (Далее: HGL).

² См.: A. Dupont. Op. cit., p. 43.

ниной, эти районы постоянно нуждались в хлебе, особенно в пшенице¹.

Уже самым своим местоположением на стыке экономических зон древнего разделения труда между земледельцами и пастушескими племенами Тулуза была предопределена к роли связующего центра между ними, тем более что здесь тесно соприкасались лигуро-иберийские (аквитаны) и кельтские (вольки) группы племен. Равнина, разделяющая Пиренеи и Монтань-Нуар, и разделяла, и, позднее, соединяла иберийские племена с кельтскими². Тулуза должна была стать также центром межплеменного общения.

Это обстоятельство в свою очередь делало Тулузу наиболее удобным центром обмена и перевалочным пунктом такого древнейшего и необходимейшего объекта торговли, как соль. Ее привозили сюда с солеварен нарбоннских морских лагун по древней дороге передвижения племен, оставленной природой между южными отрогами Севени и северными склонами Корбьеров.

И затем — вино. К началу нашей эры, по данным Страбона, северная граница культуры винограда в Галлии проходила приблизительно в районе Тулузы. Правда, уже Плиний сообщает о дальнейшем распространении лозы к северу³, но в этом районе еще и в раннем средневековье Тулуза в значительной мере оставалась на северном рубеже главной зоны виноградарства⁴. Здесь должны были сходить для обмена «южане» и «северяне», производители вина и потребители его.

Тем не менее это не означает, что рынок сельскохозяйственных продуктов сложился в Тулузе еще в племенную эпоху и что средневековой Тулузе оставалось только продолжать то, что она «унаследовала» от прошлого. Отмеченные выше племенные контакты, элементы экономических обменных процессов, во всем (разве что кроме соли) должны были оставаться более или менее эпизодическими, нерегулярными. И не только в силу того, что мирное общение между племенами в этом районе то и дело сменялось бурными передвижениями,

¹ См.: C. Jullian. Histoire de la Gaule. Paris, 1907—1926, v. II, p. 450, 453, 500—501; см. также: v. I, p. 306, 309, 263—265, 277—278; v. II, p. 11—12; Ch. Higounet. L'occupation du sol du pays entre Tarn et Garonne au Moyen Age. — «Annales du Midi», 1953, p. 301—330.

² См.: P. Vidal de la Blache. Op. cit., p. 354, 362.

³ E. Desjardins. Géographie historique et administrative de la Gaule romaine. Paris, 1876—1899, v. I, p. 404, 444—449.

⁴ Даже в междуречье Тарна и Гаронны, непосредственно к северу от Тулузы, культура винограда стала широко продвигаться только с XII века (Ch. Higounet. Occupation du sol, p. 327—328).

конфликтами, открытой борьбой, потеснением одних племен другими. Но еще более потому, что в условиях крайней хозяйственной примитивности как скотоводства, так, особенно, земледелия, в силу общей натуральнохозяйственной направленности производства, в обмен могли поступать только излишки, а излишки эти образовывались отнюдь не регулярно.

Если данные археологических раскопок древней столицы вольков-тектосагов, многочисленные находки римских и греческих монет свидетельствуют о древности межплеменных и межзональных экономических нитей, рано завязавшихся вокруг этого очага обмена, то, вместе с тем, те же археологические данные предостерегают от преувеличенных представлений об интенсивности этой торговли и степени развития этого «городского» центра. Вопреки ожиданиям, «Старая Тулуза» не смогла дать свидетельств существования здесь ни сколько-то основательных городских стен, ни, тем более, богатых городских зданий. Она рисуется поднятым для большей безопасности на вершину прибрежного холма полуварварским торжищем, почти без построек, с весьма незначительным постоянным населением¹.

Очевидно, в римскую эпоху рыночные связи, концентрировавшиеся в Тулузе, стали значительно регулярнее, прочнее. Об этом свидетельствует и произведенное римлянами (при Августе или при Тиберию) перенесение города на новое, более доступное и удобное для торговли место,² и бурный рост, и богатение города, который, как показывают остатки римских стен конца III века, даже в пору начавшегося свертывания городской жизни на исходе Империи обладал едва ли не наибольшей территорией во всей Галлии³.

¹ E. Barry, Tolosa Tectosagum.—«Mémoires de l'Académie de Sciences de Toulouse», 1872, p. 360—362; L. Joulin. Les stations antiques des coteaux de Pech-David près de Toulouse. Ibid., 1902, p. 389—394.

² Ibid. В недавнее время Жан Копполани предпринял попытку отвергнуть это научно обоснованное предположение и доказать, что Тулуза «всегда стояла там, где стоит теперь» (J. Coppolani. Essai de solution géographique du problème des origines de Toulouse.—«Annales du Midi», 1950, p. 105—114). Но его система доказательств страдает по меньшей мере одним очень существенным изъяном. Отмечая, вслед за археологами, что в Старой Тулузе широко встречаются монеты III—I веков до н. э., но очень редки монеты императорского периода, он игнорирует другое важнейшее наблюдение археологов: на территории современной Тулузы римские монеты, начиная от Августа и Тиберия, встречаются широко, монеты же республиканской эпохи вообще почти не встречаются.

³ F. Lot. Recherches sur la population et la superficie des cités remontant à la période gallo-romaine. Paris, 1945—1946, I-re partie, p. 307, 335—336.

Существование в римской Тулузе большого скотского рынка едва ли может вызвать сомнения. За северной стеною города из-за Гаронны, через брод (badacleum) к Тулузе подходила дорога из скотоводческой Гасконии. О широком использовании этого брода свидетельствует раннее возведение здесь, для его охраны, замка Базакль, Видимо, здесь же, за северной стеной, происходила и самая торговля скотом. Не исключено, что название места (затем поселка и рынка в Бурге) — de Тауго старше агнографической легенды об обстоятельствах гибели в начале IV века св. Сатурнина и связано с давним существованием здесь рынка крупного рогатого скота. Видимо, от тех же времен идет название Соляной площади, или Соляного рынка — Salinum — в южной части Ситэ. Ж. Шаланд считает Салинум древнейшей частью Тулузы¹.

Но в раннем средневековье в де Тауро, по всей видимости, не было ни поселения, ни рынка — ничего, что могло бы рассматриваться как продолжение или принадлежность города². И лишь в XI веке здесь снова существует рынок³. Что касается соли, то бросается в глаза, что в начале XI века соляной рынок оказывается не в самой Тулузе, а приблизительно в 20 км к юго-востоку от города, в местечке Базьеж и деревне Эстап, под властью соседних сеньоров — Караманов; сюда прибывают вьючные караваны с солью⁴. На городской же площади Тулузы помещались главным образом графские соляные склады и графская соляная таможня⁵.

Общее захирение торговых связей в позднеримские времена, и особенно в раннее средневековье, не подлежит сомнению. Видимо, при этом имело место ослабление и межплеменных и межзональных связей. В этом направлении должны были действовать не только бурные волны варварских передвижений, но также и развитие местного земледелия, возобладание натуральнохозяйственной замкнутости в эту эпоху.

Когда эти связи начали оживляться, сосредоточиваясь вокруг города как своего естественного центра, они первоначально явно избегали концентрироваться в самой Тулузе, в Ситэ с его графской властью, фискальным аппаратом и жест-

¹ J. Chalande. Histoire des rues de Toulouse.—«Mémoires de l'Académie des Sciences de Toulouse», 1913.

² Cartulaire de l'abbaye de Saint-Sernin de Toulouse; publ. par C. Douais. Paris—Toulouse, 1887 (Далее: Cart. S.-Sernin); № 3.

³ Ibid., № 291.

⁴ Ibid., №№ 135, 137.

⁵ Cartulaire du Bourg (publ. par R. Limouzin—Lamothe. La commune de Toulouse et les sources de son histoire, 1120—1249. Toulouse — Paris, 1932; — Далее: Cart. Bourg), № 1.

кой системой обирания торговли. Да и сами эти центристские силы пробуждались медленно: город лишь постепенно выходил из анабиотического состояния, и долгое время феодальное окружение было сильнее его.

Таким образом, нити древнего межплеменного и межзоныального обмена, издавна тяготевшие к Тулузе, несомненно подготовили возникновение именно здесь значительного рынка сельскохозяйственных продуктов¹. Но упрочивается он только вместе с широким притоком в Тулузу деревенского населения, с образованием Бурга, кристаллизовавшегося вокруг возникавших ремесленных посёлков и рынков, и, в связи с этим, вместе с коренной трансформацией старого землевладельческого Ситэ в землевладельческо-торговый и ростовщический, а частью — и ремесленный центр.

Начало собственно городского развития, опирающегося на товарное производство, создавая прочную основу для постоянных рыночных связей в данном центре, не обрывало уже наличной рыночной традиции, но неизмеримо усиливало ее, вливалось в нее новые силы и постепенно придавало ей принципиально новые черты².

Если очерченные выше экономико-географические различия и в то же время силы сцепления в какой-то мере и в древности способствовали возникновению и возвышению центра толозатов на Гаронне, то в новую эпоху, начиная с XI века, силы, превращавшие Тулузу в важнейший в этом районе рынок зерна и животноводческих продуктов, должны были действовать неизмеримо интенсивнее. Пример Тулузы еще раз убеждает: там, где средневековые города возникали на месте своих античных предшественников, это происходило не в силу непосредственной преемственности самого городского развития, но потому, что и в древности наиболее устойчивые городские центры, как правило, возникали в пунктах, где особенно четко проявлялось и особенно полно (по тем време-

¹ В докладной записке 1408 года тулузские консулы, отмечая, что город и сенешальство богаты хлебом и вином, вместе с тем подчеркивали, что им недостает соли, скота, оливкового масла и пряностей.

² Ф. Веркаутерен, подходя к проблеме городского рынка в связи с общими социально-экономическими процессами, определившими лицо этой эпохи, приходит к выводу, что возрастание городского населения, широкая внутренняя колонизация, распашка нови вызвали более широкую торговлю предметами потребления. Сначала это были продовольственные товары, затем ткани, одежда, строительные материалы и позднее предметы роскоши. F. Vercauteren. De la cite antique a la commune medievale. — Académie Royale de Belgique. Bulletin de la Classe de-Lettres; t. 48, 1962.

нам) могло реализоваться намечавшееся общественное разделение труда.

Попробуем теперь, насколько позволяют источники, проследить раннее развитие городского сельскохозяйственного рынка средневековой Тулузы по двум важнейшим видам продовольственных товаров — хлебу и вину.

Первые дошедшие до нас достоверные сведения о систематической хлебной торговле в Тулузе относятся к концу XI века. Но это отнюдь не ее начало. Грамота Гильема Аквитанского 1098 года¹ касается только зернового рынка в Бурге и при этом лишь по поводу введения на нем новой пошлины в пользу Сен-Сернена. Иными словами, она не только не учреждала этого рынка, но исходила из факта его существования, как из необходимой предпосылки. Даруемая пошлина могла быть эффективной только при наличии здесь регулярной и обильной торговли хлебом. Такой рынок должен был в тех условиях иметь за плечами не одно десятилетие постоянного функционирования. Его начало, по-видимому, восходит еще к первой половине XI века.

Но едва ли рынок в Бурге, новом поселении, возникавшем в эту пору за северной стеною города, был первым хлебным рынком в Тулузе. Еще ранее рынок сельскохозяйственных продуктов, и особенно зерна, должен был возникнуть в Ситэ. Правда, прямых свидетельств на этот счет источники не содержат. Но вряд ли разумно требовать от них этого. И не только потому, что от начала XI и, тем более, от конца X века документов, вышедших из канцелярий светской (графской) власти, до нас дошло ничтожно мало; не менее важно другое: там, где рынок возникал спонтанно, никакой феодальной «учредительной» хартии вообще не было. Такие хартии, как правило, относятся к более поздней эпохе. В значительной мере они были вызваны к жизни сопротивлением горожан, требовавших ограничения безудержного обирательства торговли со стороны сеньоров, так что сеньоры далеко не всегда были заинтересованы в таких «учредительных хартиях». Даже для рынка во вновь возникавшем Бурге мы имеем лишь позднейшую жалованную грамоту другому феодалу, вызванную случайным поводом — разрушением Сен-Серненской церкви в конце XI века. Отсутствие прямых свидетельств

¹ Cart. S.-Sernin, № 291.

источников о раннем существовании хлебного рынка в Ситэ, на наш взгляд, не может служить доказательством отсутствия самого рынка. У нас немало косвенных доказательств его более раннего существования, чем такого же рынка в Бурге.

Уверенно предположить значительно более раннее возникновение хлебного рынка в тулузском Ситэ нас побуждают не только общие представления о Тулузе как естественном фокусе обмена продуктов хлебопашества, виноделия, скотоводства и лесных промыслов, едва только нити этого обмена начали возникать и сплетаться (о чем речь шла выше). В пользу такого предположения говорит факт раннего возрождения Тулузы как центра соляной торговли. Документы самого начала XI столетия говорят о том, что в сфере солеторговли уже тогда сила экономического тяготения, только возникавшая во вновь рождавшемся городе и используемая графскою властью и тулузскою церковью, начинала одолевать могущество некоторых деревенских феодалов¹. Средоточием торговли солью снова становилась Салин — площадь в южной части Ситэ, с навесами для соли и графской соляной мытней, по соседству с резиденцией тулузских графов — Нарбоннским замком².

Едва ли торговля здесь ограничивалась солью: именно здесь в город входила Нарбоннская дорога, ведущая из хлебородных районов Лорагэ, почти вплотную примыкающих к Тулузе с юго-востока. Здесь же, у берега Гаронны, почти у самых Нарбоннских ворот, был древнейший причал для судов, шедших с Арьежа, из лесных и горных скотоводческих районов. Именно сюда раньше всего начинается систематический подвоз зерна³. Сюда стекается пришлое население, здесь, у стен Ситэ, возникает какой-то поселок, а затем первые в Тулузе «убежища», причем для того, чтобы вырвать у графской власти право (очевидно, очень выгодное) основания первого такого «сальветас», церковники не останавливаются даже перед самыми крайними средствами обмана и вымогательства⁴. Именно эти пути, подводившие к Ситэ с юга и юго-востока, рано были перекрыты полосой мытных застав, принадлежавших нескольким сеньорам, и тулузские горожане раньше всего добивались выкупа тех ненавистных пошлин,

¹ Cart. S.-Sernin, №№ 137, 134.

² Cart. Bourg, № 1.

³ A. Dupont. Cites, p. 43.

⁴ HGL, V, Preuves, №№ 453, 454; Cart. Bourg, № 11.

которые взимались именно здесь¹. Наконец, косвенным доказательством раннего возникновения хлебного рынка в Ситэ может служить и то обстоятельство, что в дальнейшем эталоны правильного веса и меры зерна в Тулузе хранились в первую очередь на рынке Ситэ и в Сент-Этьенском соборе, а также в Бурге, в Сен-Серненской церкви². Сопоставление всех этих данных позволяет предположительно отнести начало хлебного рынка в Ситэ по крайней мере к концу X — самому началу XI века.

Но так как наиболее ранние непосредственные данные о хлебной торговле содержат источники, относящиеся к Бургу, обратимся к их более подробному рассмотрению. В 1098 году Гильем, герцог Аквитанский, и его жена Филиппа пожаловали каноникам Сен-Серненской церкви, наряду с местечком Бланьяк на Гаронне, право сбора пошлины с зернового хлеба (аппона), привозимого в Тулузу на рынок в Бурге, в размере 1 юнкаты (пригоршня) с каждого сетье (ок. 95 кг) зерна³.

Дарованная пошлина на первый взгляд представляется весьма скромной: юнката (около 1 кг. ?) с каждого сетье составляла не более одного процента общего веса зерна. Но пошлина эта даровалась специально для восстановления приорства, незадолго перед тем разрушенного. Очевидно, она могла служить этой цели только в том случае, если на рынке одновременно продавалось немалое количество таких сетье. Ведь пошлина, предназначенная не на потребительские нужды каноников, взималась продуктом в натуре, значит, она должна была приносить аббатству такие количества зерна, что продажа их могла дать суммы достаточно значительные для восстановления Сен-Серненской церкви. Хотя, разумеется, монастырь использовал не только этот источник, любопытно отметить, что именно в начале XII века Сен-Сернен отстроился во всем своем великолепии и была воздвигнута колоссальная для доготических времен его знаменитая романская колокольня.

Сбор пошлины в натуре, очевидно, в данном случае отнюдь не означал преобладания натуральнохозяйственных интересов, ибо собранный хлеб с самого начала предназначался на продажу. Видимо, такая торговля хлебом была для каноников выгоднее сбора денежной пошлины, а это значит, что систематическая торговля хлебом на рынке Бурга стала явля-

¹ Cart. Bourg, № 14.

² Ibid., № 17.

³ Cart. S.-Sernin, № 291.

2 Средневековый город

нием постоянным, стабильным, вовлекавшим в свою орбиту значительное количество зерна, и делом весьма выгодным. Не зря же и каноники не пожалели вознаградить графа за щедрое пожалование (включая и Бланьяк) огромной суммой в 4,5 фунта чистого золота и сверх того 800 тулузских солидов.

Несомненно, хлебный рынок в Бурге возник не в момент появления грамоты и не только что перед тем. Грамота дана в июле 1098 года. Герцог Аквитании и граф Пуатье Гильем IX захватил тулузский престол в 1097 году. Как пишет в грамоте сам Гильем, «злонамеренные люди со всего графства восстали, чтобы разрушить церковь святого Сатурнина»¹. При этом, как отмечает граф, это произошло «в наши дни», то есть во время его правления. И если сразу же после таких грозных событий, развернувшихся на территории самого Бурга, частью которого был Сен-Сернен, даруется хлебная пошлина, предполагающая наличие здесь стабильной и весьма интенсивной торговли зерном, то едва ли могут быть сомнения, что торговля эта сложилась и упрочилась задолго до этих событий, где-то в середине или даже в первой половине XI века, и у каноников были все основания домогаться у графа этой выгодной пошлины.

Каково было происхождение этого зерна, кто его продавал? Видимо, в какой-то мере, это могли быть жители Тулузы, но основную массу продавцов зерна составляли люди посторонние, приезжие: в грамоте специально оговаривается, что пошлина взимается с зерна, привезенного на рынок для продажи любым лицом, кроме жителей Бурга и Ситэ². Хлеб был привозной. Любопытно, что, мотивируя пожалование пошлины каноникам, граф писал: «дабы каждый, кто повинен в нападении на эту церковь, таким образом возместил причиненный ущерб»³. Очевидно, хлеб на тулузский рынок привозился из сеньорий Тулузена.

¹ Cart. S.-Sernin, № 291. Давно враждовавший с тулузскими графами Сен-Жилльского дома, которые настойчиво добивались ослабления быстро возвышавшегося монастыря (в 90-е годы XI века граф Бертран фактически начал открытый поход против могущественного приорства), Сен-Серненский монастырь был явно замешан в аквитанской интервенции и держал сторону графа Пуатье. (См.: J. Mundy. Liberty and political power in Toulouse, 1050—1230. New York, 1954, p. 16). Потому-то, видимо, на Сен-Сернен и обрушилась вся ненависть феодалов Тулузена против узурпатора.

² «Ut quicumque preter inhabitantes in suburbio vel in civitate allatam annonam amodo vendiderit, de unoquoque sextario...» etc. (Cart. S.-Sernin, № 291).

³ «...ut quicquid invasione huius ecclesie deliquerunt hoc modo satisfactione corrigant». Ibid.

Но так ли это? Ведь самая оговорка грамоты относительно обложения пошлиною только тех продавцов зерна, которые не являются жителями города, свидетельствует, что какие-то горожане Тулузы тоже принимали участие в торговле хлебом. Да и можно ли предположить, что средневековая Тулуза была свободна от тех элементов аграрности, которые в большей или меньшей степени присущи всем городам этой эпохи? Нет, наличие в ее хозяйстве весьма устойчивых аграрных придатков не подлежит сомнению.

В самом деле, в 1152 году консулат издал постановление, регулировавшее штрафы за поправу виноградников, лугов, плодовых садов и даже нив — *segetes*, принадлежавших жителям Ситэ и Бурга¹. При этом перечисляются домашние животные: быки и коровы, лошади, мулы, ослы, свиньи, овцы, козы. Очевидно, содержание этого скота для тулузских горожан XII века было делом столь же обычным, как и обладание вышеперечисленными земельными угодьями. В этом нас убеждают и некоторые более поздние источники. Из знаменитой грамоты 1189 года — соглашения между коммуной и графом, завершившего бурные события 80-х годов XII века, — мы узнаем о разрушении виноградников, опустошении полей и садов, уничтожении скота, принадлежавшего горожанам, — в городе или вне города².

Но и в XIII веке земледельческие занятия, в том числе, очевидно, и полеводство, не утратили своего значения для горожан Тулузы. В провансальской «Песне о крестовом походе против альбигойцев» рассказывается, что, когда в 1213 году возникла опасность осады Тулузы, граф Раймунд VI обратился к горожанам с речью, в которой, в частности, сказал, что крестоносцы хотят лишить их возможности убрать урожай³. Известный хронист Альбигойских войн Гильем де Пюилоран также сообщает, что в начале лета 1213 года Симон де Монфор, пытаясь блокировать и задушить Тулузу, поставил в небольшой крепостце Пюжоль, близ города, вооруженный отряд, который должен был закрыть тулузцам выход на поля для уборки урожая⁴. Позднее, в 1218 году, когда Тулуза

¹ Cart. Bourg., № 4.

² Ibid., № 8.

³ Chanson de la croisade contre les Albigeois; pub. par P. Meyer. Paris, 1875—1879; t. 1, vers. 2786—2797.

⁴ «...qui Tholosanis ad messes exeuntibus imminerent». Guillelmus de Podio Laurentii. Chronica, cap. XIX, éd. Beyssier (Paris, 1904), p. 135.

была осаждена Монфором, горожане, по словам того же хрониста, были почти полностью лишены доступа продовольствия и вовсе отчаялись убрать свой урожай¹.

Таким образом, значение городского земледелия в экономической жизни Тулузы интересующего нас периода выглядит весьма существенным. Поэтому, имея в виду в первую очередь средневековую Тулузу и пытаясь дать более широкое обобщение, Филипп Вольфф в одной из своих работ делает следующий вывод: «Города лишь частично рассчитывали на покупку продовольствия, они оставались полуаграрными»².

Такой вывод, в обоснование которого нетрудно привести немало аргументов из хозяйственной истории и других городов средневековья, представляется самоочевидным. Однако нельзя не заметить, что вывод этот отличается крайней широтой, включает в одни скобки не только все города, но и все периоды средневековья, даже если иметь в виду только ту часть этой эпохи, когда городское развитие было реальным фактом. Насколько обоснована такая однозначность в пространстве и во времени? И, даже если допустить такую неизменность, — каковы были те тенденции, которые развивались под ее покровом, в каком направлении они действовали? Вполне ли правомерен здесь сам термин «полуаграрные»? Действительно ли эти города в основном сами обеспечивали себя продовольствием и их зависимость от подвоза сельскохозяйственных продуктов и особенно хлеба была лишь частичной?

Не претендуя найти формулу, безусловно пригодную для всех городов средневековья и для всех периодов, попытаемся проверить точность этого вывода для Тулузы XII и XIII веков. Дошедшие до нас документы о купле-продаже земельных участков в Ситэ и Бурге в начале XIII века, некоторые акты второй половины того же столетия дают убедительные свидетельства того, что городские *casales* и *honores* были

¹ «...qui poterentque de colligendis messibus diffidere in estate». (chronica cap. XXVIII, p. 144). Хронист, хотя в годы Альбигойских войн еще подросток и юноша, был коренным тулузцем, черпавшим сведения из первых рук (см.: Y. Dossat. Le chroniqueur Guillaume de Puylaurens était-il chapelain de Raymond VII ou notaire de l'Inquisition toulousaine?—«Annales du Midi», 1953, p. 343—353), а потому его свидетельства, несомненно, заслуживают доверия.

² Ph. Wolff. France du Nord, France du Midi. Les luttes sociales dans les villes du Midi français (XIII—XIV siècles)—«Annales. Economies — Sociétés — Civilisations». 1947, № 2, p. 445.

первоначально мансами и даже мелкими поместьями в пределах городских стен. Но эти же документы не менее убедительно свидетельствуют о том, что уже к XIII веку эти владения, как правило, утратили свое сельскохозяйственное назначение, застроились, раздробились на мелкие и мельчайшие участки, состоявшие из дома (зачастую — хижины или мастерской) с маленьким двориком¹.

Интенсивный приток населения и бурная застройка города в течение XII века должны были привести к постепенному вытеснению из Ситэ, а затем и из Бурга, сельскохозяйственных угодий, особенно пахотных участков. Если в 20—30-х гг. XII века в Бурге рядом с улицами могли располагаться целые (хотя, по сравнению с деревней, и небольшие) поместья², если еще в 1197 году Бернар де Капденье мог купить в черте города примыкавший к улице участок, который состоял из пашни, пустыря и луга³, то в XIII веке мы уже почти не встречаем в источниках подобных примеров. Нужда в земельных участках в городе стала настолько острой, что консулы Бурга отдавали в держания его жителям валы и склоны оборонительных рвов⁴. Едва ли эти участки на скатах и откосах могли использоваться под пашни, вернее всего, они пускались под виноградники и огороды, луга и мелкие выпасы⁵.

По мере развития товарного обмена с деревней и превращения города в ремесленно-торговый центр земледельческие занятия, особенно полеводство, все больше оттеснялись на окраины города и в те небольшие поселки, которые в эту пору образовывались за стенами Ситэ и Бурга⁶. Процесс этот шел далеко не прямолинейно. Приток деревенского населения в XI—XII веках и основание «убежищ» приводили к скоплению на периферии и за стенами города ремесленного люда. Но эти же факторы способствовали сосредоточению здесь и населения земледельческого или полужемледельческого.

Не следует упускать из виду, что процессы, происходившие в этот период в феодальной деревне, выталкивали из нее в го-

¹ Cart. Bourg, №№ 31, 32, 35, 36, 43, 45, 46, 47, 49; HGL, VIII, № 360.

² Cart. S.-Sernin, № 18.

³ P. Gérard. Le Cartulaire des Capdenier (Douzième Congrès d'études de la Fédération des Sociétés académiques et savantes Languedoc — Pyrénées — Gascogne. Toulouse, 21—23 Avril 1956. Actes du Congrès. Albi, 1958), p. 17.

⁴ Cart. Bourg, № 91; HGL, VIII, № 515.

⁵ Нужно отметить, что ни один документ не дает нам ни малейшего указания на существование у тулузцев городской альменды за стенами города.

⁶ HGL, V, № 454.

рода отнюдь не только ремесленные, но также и собственно земледельческие элементы. Потому-то при основании первых убежищ на южной окраине Ситэ и за его стенами, у Нарбоннских ворот, тулузские графы, стремясь привлечь в город беглых крестьян, обещают предоставить каждому новоприходцу, очевидно, небольшой, но все-таки манс (casale) и даруют им освобождение от ввозной пошлины с зерна, винограда и вина, привозимых в город, а также от торговой пошлины с этих продуктов¹. Как явствует из источников, приток деревенского населения в Тулузу не прекратился не только в 1195, но и в 1226 году². Для многих из этих людей земледелие, в том числе и хлебопашество, и в городе оставалось важным занятием. Земледелие это определенно имело товарную направленность. Но, как показывает само освобождение от ввозных пошлин, их полевые участки находились вне города.

Наличие и развитие на окраинах и за стенами города рынков, промысловых (например, мукомольных) центров и чисто ремесленных поселков не могло полностью вытеснить отсюда аграрных и полуаграрных элементов. Видимо, именно здесь более всего проживал тот бедный городской люд (порой даже феодальнозависимого состояния), который, как сообщает Тулузский кутюм, брал чужой скот на выпас исполу³. Выпасы, очевидно, были за городом. Там же были и сенокосы в пойме Гаронны, выше Нарбоннского замка, а также на речных островах около города⁴.

Что же касается пашен, то они, несомненно, к XIII веку были вытеснены за стены города, в пределы городской округи. Ведь приведенное выше сообщение современника Альбигойских войн со всею очевидностью свидетельствует: чтобы собрать урожай и обеспечить себя продовольствием, тулузцам было необходимо выйти из города. Об этом же говорят и данные второй половины XIII века. Около 1265 года граф Альфонс Пуатье освободил тулузцев от провозной пошлины (пеажа) с продукта полей и виноградников (terra gum et vine gum), принадлежавших им в пределах городской округи — infra decos Tholose civitatis⁵. Согласно коммунальному поста-

¹ HGL, V, № 454; Cart. Bourg, № 11. ✓

² Cart. Bourg, № 11, № 102.

³ Coutumes de Toulouse, pub. par A. Tardif. Paris, 1884; art. 149.

⁴ Comptes royaux, pub. par R. Fawtier. Paris, 1954; t. II, №№ 16732, 17077, 17078.

⁵ Correspondance administrative d'Alfonse de Poitiers; pub. par A. Molinier. Paris, 1894—1900; t. II, № 2059, art. 1; t. I, №№ 341, 363.

новлению 1226 года, размер этой территории (так сказать — тулузского контадо) определялся радиусом в среднем в 12 км¹.

По всей видимости, в эту пору сколько-то значительные пашни располагались не непосредственно за городскими стенами, а именно в этой деревенской округе города. Этим обстоятельством, а главное, высокою степенью отрыва ремесла от земледелия и устойчивостью его товарных связей и следует объяснить то, что в Тулузе рядовые, мелкие горожане пахотными участками владели редко. Во всяком случае, если источники иногда упоминают держания полевых участков, то никогда не связывают с ними каких бы то ни было натуральных чиншей². Видимо, и продуктивность их была несущественной, и назначение — только подсобно-потребительским.

Между тем, в ту же пору в мелких городках дело обстоит иначе. Еще в 1231 году в местечке Монтель, в округе Гайяка, тулузский граф собирал «хлебный побор» (bladada), хотя и допускалась замена продукта деньгами³. При этом Раймунд VII предоставил жителям Монтеля право свободного пользования пастбищами, водами, лесами. И даже в более значительном городке Савердене (на р. Арьеж, в графстве Фуа, примерно 50 км южнее Тулузы) в 1246 году семи ремесленников — ткачей, сапожников сообще пользовались довольно значительными держаниями, платили местному приорату Сен-Серненского аббатства, помимо альберги (видимо, в деньгах), также овсом и ячменем в натуре⁴. Быть может, именно в отношении хозяйственной жизни городков такого типа определение «полуаграрная» наиболее полно отвечало бы своему содержанию.

Что мы чаще и более всего (из сельскохозяйственных объектов) встречаем в стенах и под стенами Тулузы, так это виноградники, сады и снова виноградники. Уже в первой половине XII века вокруг Бурга, а также, как видно из графской хартии 1141 года, и вокруг Ситэ складывается обширная полоса виноградников и молодых насаждений лозы — maloles⁵.

¹ Cart. Bourg., № 102.

² Cart. S.-Sernin, №№ 128, 72, 129.

³ HGL, VIII, № 297.

⁴ Documents sur l'ancienne province de Languedoc, pub. par C. Douais. Paris — Toulouse, 1904, t. II, p. 36.

⁵ Cart. S.-Sernin, №№ 9, 28, 35, 82, 92, 93, 96, 100, 102, 108, 120, 128, 154, 376, 423, 439, 495, 496, 554, 569; Ap., № 66; Cart. Bourg, № 1.

В этом отношении Тулуза едва ли много отличалась от Каркассона, который был окружен садами и виноградниками¹.

Нельзя не обратить внимания на то, что одна из самых первых известных нам вольностей, которую тулузцы вырвали у графской власти еще до создания консулата (в 1141 году), содержала освобождение горожан, продающих собственное вино, от торговой пошлины и предоставляла им право свободно торговать вином в течение всего года. Примечательно, что, даруя эту вольность «всем мужчинам и женщинам, проживающим в городе Тулузе и в пригороде» (Бурге), граф Альфонс-Журден счел необходимым специально добавить: «а также всем, кто проживает вокруг города и вокруг бурга»². Очевидно, уже к этому времени здесь, непосредственно за стенами города, сложилась важная зона городского виноградарства.

В XIII веке, когда городское землевладение уже широко проникло в тулузскую округу, и здесь также горожане использовали свои земли более всего для садоводства и виноградарства. В 1211 году, жалуясь арагонскому королю Педро II на бесчинства северных крестоносцев, опустошавших пригородные владения горожан, тулузские консулы называют прежде всего виноградники, затем сады и лишь в последнюю очередь — нивы³. Виноградники, сбор винограда, торговля вином занимают важное место не только в частных актах⁴, но и в коммунальных постановлениях XII—XIII веков⁵. Торговле вином большое внимание уделяет и тулузский кутюм⁶.

Вопрос о торговле вином рассматривается ниже. Пока отметим лишь, что изобилие вина на тулузском рынке (а Тулуза была и крупным центром вывоза этого продукта⁷), помимо притока деревенского вина округи, в немалой степени определялось устойчивой и значительной товарностью виноградарства и виноделия самих горожан.

Иначе обстояло дело с хлебом и другими сельскохозяйственными продуктами. Папские буллы, издававшиеся по де-

¹ Ordonnances des roys de France, t. I. Paris, 1723; p. 64, № 15.

² «...circa urbem et circa burgum». Cart. Bourg, № 1.

³ HGL, VIII, № 161.

⁴ Cart. S.-Sernin, №№ 9, 13, 28, 35, 39, 50, 52, 54, 56, 61, 62, 74, 78, 82, 84, 92, 93, 96, 100, 102, 108, 121, 128, 147, 150, 154, 300, 376, 400, 404, 412—414, 430, 439, 446, 457, 495, 496, 554, 569. Ap. №№ 52, 66, 67 etc.

⁵ Cart. Bourg, №№ 1, 4, 25, 52, 93.

⁶ Coutumes de Toulouse, art. 103a.

⁷ Cart. Bourg, № 1; Rôles Gascons; publ. par F. Michel et Ch. Bémont. Paris, 1885—1900; t. I, № 2175; t. II, №№ 672, 762, 897, 921.

лам Тулузского университета, основанного в 1229 году, уже с 1230-х годов содержат указания о том, что в связи со значительным вывозом хлеба из этого района Тулуза нередко испытывала острую нехватку продовольствия¹. В приведенной выше грамоте Альфонса Пуатье (около 1265 года) обращают на себя внимание два момента. Граф освободил тулузцев от провозной пошлины с продукта полей и виноградников, но только с тех, которые им самим принадлежали². Как это следует понимать? Едва ли графа интересовала юридическая трактовка отношений феодальной собственности; просто вольность не распространялась на зерно и вино, скупленное горожанами в деревнях и ввозимое в город. Оставляя пока в стороне вино, отметим, что ввоз в Тулузу «чужого», деревенского, не горожанам принадлежащего хлеба, был явлением обычным, постоянным. Столь же необходимым был и ввоз в город других продуктов питания: Альфонс Пуатье в той же грамоте освобождал тулузцев от провозной пошлины со всего того, что привозится в город Тулузу «ad usum civium»³, то есть для нужд городского потребления, а не для перепродажи.

Очевидно, сельскохозяйственной продукции, производимой самими горожанами, было совершенно недостаточно для их пропитания. Этот вывод должен быть отнесен не только к Тулузе, но и к другим большим городам этой эпохи, во всяком случае — к Лангедоку. Со всею несомненностью это вытекает из анализа конфликта между консулатами крупнейших городов южных сенешальств и крупными феодалами этого района (церковными и светскими) — экспортерами хлеба из Лангедока, того конфликта, который вспыхнул в 1250—1270-х годах по вопросу о запрещении вывоза зерна и обеспечении городов продовольствием⁴. Именно этот конфликт послужил причиной первых, вынужденных для королевской власти, созывов местных «провинциальных штатов» в южных сенешальствах⁵. Дебаты и решения этих собра-

¹ Documents sur l'histoire de l'Université de Toulouse, №№ 4, 5, 14, 14-dis.

² «...terrarum et vinearum suarum propriarum» (Correspondance administrative d'Alfonse de Poitiers; t. II), № 2059, art. 1.

³ Ibid.

⁴ HGL, VIII, №№ 446, 529, 545.

⁵ В противоположность Андрею Дюпону, отрицающему историческое значение этих ассамблей, Анри Жиль обосновано видит в них зачаток провинциальных штатов Лангедока (H. Gilles. Les Etats de Languedoc au XV-e siècle. Toulouse, 1965, p. 23). К сожалению, от его внимания ускольз-

ний свидетельствуют, что, поскольку это касается хлебопашества, не только мелкие участки рядовых горожан, но даже земельные владения богатых городских патрициев в XIII веке фактически товарного зерна почти не производили и были совершенно неспособны обеспечить потребности города в хлебе¹. Городское земледелие, за исключением, пожалуй, виноградарства, имело сугубо подсобное значение. И чем дальше шел процесс разделения общественного труда между городом и деревней, чем интенсивнее совершался товарный обмен веществ между ними, тем ошутимее проявлялась эта потребительская природа городского земледелия. Город зависел от привозного (деревенского) хлеба.

Исследование феодального поместья в Южной Франции и его эволюции выходят за рамки нашей задачи. Мы можем здесь лишь бегло коснуться некоторых существенных моментов аграрных отношений, поскольку без учета этой важнейшей стороны экономической жизни феодального общества невозможно уяснение многих особенностей городского развития в данном районе и прежде всего — особенностей складывания и развития рыночных отношений.

Абсолютно господствующей формой земельной ренты в феодальных поместьях Лангедока этого периода несомненно была продуктовая рента — вот важнейший вывод, вытекающий из анализа картулярного материала. Как только во владениях Сен-Серненского аббатства мы выходим за стены Тулузы и за пределы самой ближайшей, непосредственно подгородной полосы, мы видим, как денежные чинши все больше отступают перед главной — оброчной формой феодальной эксплуатации.

Барщину на основных сельскохозяйственных работах, да и самое доменальное хозяйство, сколько-то уверенно можно отметить лишь в отдельных случаях². Главная форма барщинных повинностей (преимущественно с виноградных держаний) — это доставка чиншевого продукта на господский двор, к господскому прессу и т. д.³. Иными словами, барщина, по-

нули два существенных момента: вынужденность для королевской власти созыва этих ранних собраний сословий и решающая роль в их созыве городов, их интересов, их настойчивой инициативы.

¹ См.: С. М. Стам. Тулузский городской патрициат в XI—XIII вв. Cart. S.-Sernin, №№ 46, 49 (?), 51 (?), 55 (?), 57 (?), 106, 175 (?), 205 (?); HGL, V, № 277.

² Cart. S.-Sernin, №№ 78, 82, 100, 121, 368, 412, 413, 437, 693; Ap. № 57; Documents de Languedoc, II, p. 8. Cp. Cartulaire de Mirepoix, publ. par F. Pasquier. Toulouse, 1921, t. II, p. 27, 28 (1294), 131.

скольку она применялась, самостоятельного значения не имела и лишь обслуживала оброчную систему эксплуатации.

Денежные цензы на крестьянских держаниях встречаются нередко, но обычно они или упоминаются в общей форме, или невелики¹. При этом держания на чисто денежном цензе крайне редки². Там, где отмечается денежный чинш, он почти всегда сочетается с продуктовыми оброками³.

Зато почти повсюду деревенское держание сопряжено с уплатою земельному собственнику tasca — натурального оброка, обычно в форме доли произведенного продукта⁴. Так что держание без такого натурального оброка (sine tasca) отмечается особо как явление в известном смысле исключительное⁵. Эта система применяется в равной мере к зерну, винограду, оливкам и оливковому маслу, фруктам, орехам, к скоту и птице⁶.

Каков размер доли продукта, присваиваемой феодальным земельным собственником? На землях Сен-Серненского аббатства он, как правило, колеблется от одной четверти до одной трети, а нередко — еще выше⁷. Аналогичная картина рисуется

¹ Обычно от 1 до 12 денье с арпана. Там, где годовой денежный чинш достигает нескольких су, он, как правило, оказывается только денежным исчислением стоимости продуктового оброка. См.: Cart. S.-Sernin, № 364: «de qua (terra) dabat eis tascam et decimum, per III sol. et II den. de Morlanis»; № 368: чиншевой продукт должен быть доставлен на двор сеньора, но при этом он исчислен в деньгах.

² Ibid., №№ 254, 305.

³ Ibid., №№ 41, 63, 235, 320, 323, 324, 338, 355, 400.

⁴ Cart. S.-Sernin, №№ 42, 62, 63, 110, 205, 303, 307, 321, 323, 335, 358, 363, 364, 367, 368, 382, 389, 398, 400, 429, 558, 599, 688; Ap. 57. Cartulaire et divers actes des Alaman, de Lautrec et des de Lévis, XIII et XIV siècle; publ. par E. Cabié et L. Mazens. Toulouse—Albi—Paris, 1883, p. 104: «...reddere quoque anno tascam, in garba vel in grano ad ejus (domini) electionem, de omni fructu qui exierit... de illa terra». Иногда продуктовые оброки выступают, помимо tasca, под другими названиями: annona agraria (agerii), spicatum, balagium, solaminium (Cart. S.-Sernin, №№ 205, 303, 307, 323). Термин tasca (tascha), как обозначение продуктового оброка, встречаем и в Провансе. См., например, Cartulaire de l'abbaye de Saint-Victor de Marseille. Paris, 1857, t. I, №№ 120, 135 (1110 год).

⁵ Cart. S.-Sernin, № 340.

⁶ Ibid., №№ 175, 189, 233, 235, 242, 262, 265, 266, 300, 340, 341; Ap. №№ 13, 65; HGL, VIII, col. 1758; Comptes royaux. II, № 16561. Cp. Cart. Mirepoix, loc. cit. (1294 г.).

⁷ Cart. S.-Sernin, №№ 41, 150, 228, 235, 385, 412, 413, 437, 495. Documents de Languedoc, t. II, pp. 8, 9, 17, 23—25, 30, 34. G. Saige. Les juifs du Languedoc antérieurement au XIV siècle. Paris, 1881. Pièces justificatives, № 8, 16. Отсюда распространенные в источниках выражения: «aripentum quartanarium», «vinea quartaneria», «feui quartanerii» (Cart. S.-Sernin, №№ 150, 437). Иногда $\frac{1}{5}$ урожая (Cart. S.-Sernin, №№ 407, 410; Documents

ся по данным картуляриев и таких крупнейших монастырей Юга, как Конкский и Пруильский¹. Монахи Пруильского аббатства св. Девы получали со своих владений, видимо, значительные суммы деньгами — главным образом за счет судебных пошлин (кстати, это аббатство обладало правом высшей юрисдикции), частью — за счет тальи и небольших денежных чиншей с некоторых мансов. Но главную массу доходов аббатства составляли продуктовые оброки — с зерна, с сыров, яиц, соломы, винограда, с приплода скота — обычно в размере третьей части продукта².

Весьма показательно, что в поместных документах этого района ценность земельных участков зачастую определяется количеством зерна, которое доставлялось с них ежегодно в ка-

de Languedoc, t. II, p. 36). Но часто — гораздо выше, достигая в отдельных случаях, особенно на виноградниках, половины продукта (Cart. S.-Sernin, № 437: «medietatem vindemie et decimam»; № 235: «censum quartum de suo laborato et de vinea medietate», — но здесь сверх того с держателей взималось до 6 сетье зерна, поросьята, ягнята с шерстью, каплуны, 4 денье деньгами, а также постой и фуражировка нескольких рыцарей. См. также: HGL, V, № 495; Documents Languedoc, II, p. 36). Очень же часто в грамотах продуктовая рента только отмечена в общей форме (tasca, аннопа), но количественно не регламентирована. Как считает С. Дуэ, менее всего склонный преувеличивать тяжесть сеньориальной эксплуатации на церковных землях, в этих случаях обычно ее размер определялся по воле сеньора (С. Douais, Cart. S.-Sernin, Introduction, p. LXXXIII). И в самом деле, порою и в самих источниках, например в описи имуществ и доходов Сен-Серненского аббатства, сделанной в 1246 году, мы встречаем формулу: «сколько будет угодно приору» (Documents Languedoc, t. II, p. 36).

Но даже там, где ежегодный оброк определялся как $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{3}$ валового продукта, к нему непременно прибавлялась десятина, которая также взималась в натуре (Cart. S.-Sernin, №№ 42, 49—52, 54—56, 78, 82, 84, 86, 92, 93, 96, 100, 121, 194, 205, 355, 437, 440, 531, 551, 554, 575, 693; Ар., № 57). Размер же десятины (а к ним добавлялись и начатки, и даже нередко «контр-десятины» — 0,1 десятины) в действительности намного превышал десятую долю урожая. Об этом говорит не только постоянная погоня землевладельцев как церковных, так и светских (в том числе и городских), за этими десятинами, особенно с виноградников, но также и неоднократные жалобы тулузских горожан (при этом — даже во второй половине XIII века) на непомерно высокие поборы десятинами и начатками, которые взимали в Тулузене церковники (в частности с земельных владений горожан). (См. Correspondance administrative d'Allonse de Poitiers; t. II, № 2058, art. 11; t. I, № 840). Так что за распространенной в документах формулой «quartum et decimam» зачастую скрывался оброк, захватывавший $\frac{1}{3}$, половину, а то и более половины произведенного на держательском участке продукта.

¹ Cartulaire de l'abbaye de Conques en Rouergue; publ. par G. Desjardins. Paris, 1879; № 87.

² Cartulaire de Notre-Dame de Prouille; publ. par J. Guiraud. Paris, 1908; t. II, № 1, 241.

честве оброка¹. Отсюда широко распространенный в аграрных документах эпохи термин «terra sextariata» или «sextariata terre» как обозначение такого участка земли, годовой чинш которого (а не урожай!) составляет 1 сетье зерна². При этом нередко ценность данного держания параллельно выражается в деньгах, проставляется примерный денежный эквивалент причитающегося с данного держания количества продукта³. Это достаточно ясно свидетельствует о том, что превращение феодалом собранного с держателей-крестьян хлеба и других сельскохозяйственных продуктов в деньги стало делом обычным, регулярным. И вместе с тем, как видим, это решительное вовлечение сеньоров в товарное обращение отнюдь не привело их к отказу от продуктовой ренты как основной формы эксплуатации феодальнозависимых крестьян.

Отметим, что Конкский картулярий охватывает вторую половину XI, а также XIV столетие, Сен-Серненский — XII век, а картулярий Пруильского аббатства, основанного Домиником Гусманом в районе Сен-Понса (Монтань-Нуар, около 100 км восточнее Тулузы, приблизительно на полдороге между Безье и Кастром), — XIII столетие. И всюду налицо абсолютное преобладание продуктовой формы ренты. Если здесь почти нельзя обнаружить элементов барщины, то не найти и каких-либо признаков перехода к денежной ренте.

Чем следует объяснить такую длительную устойчивость в этом районе оброчной системы эксплуатации? На заложенную в этой форме ренты тенденцию к застойности обращал внимание К. Маркс⁴. Источник этой тенденции он усматривал в прочности натуральнохозяйственных отношений, из которых вырастает и на которых базируется рента продуктами.

В самом деле, как это вообще присуще натуральному хозяйству, составляющему фундамент феодализма, при этой форме ренты с особенной очевидностью жизненно необходимые

¹ Cart. Prouille № 251: «quinque pecie terre... valent annuatim sex sextarios frumenti censuales».

² Ibid.: «tres sextariatas terre... que valent annuatim tres sextarios frumenti censuales»; Cart. S.-Sernin, № 200, 558: sextariada, sestarada terre; № 235: modiatia de terra; Cartulaire et divers actes des Alaman, des de Lautrec et des de Lévis (publ. par E. Cabié et L. Mazens. Toulouse, 1882); p. 103—105: eminata terre; Chartes de franchises de Lauragais (publ. par J. Ramière de Fortanier. Paris, 1939), p. 120—121: «...unam sextariatam terre» (1242).

³ Cart. Prouille, № 251: «...constiterunt X lib. tur.»; «et constiterunt XII lib. tur.».

⁴ См.: К. Маркс. Капитал, т. III.—К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 359—360.

элементы производства, «...условия хозяйствования целиком или в подавляющей части производятся в самом хозяйстве, возмещаются и воспроизводятся непосредственно из его валового продукта»¹. А это предполагает более или менее полное соединение сельского хозяйства с домашней промышленностью. Все это может вести к превращению оброчного крестьянского хозяйства в некую самодовлеющую единицу, чуждую рыночных связей и независимую «...от исторического движения стоящей вне ее части общества»². Маркс при этом указывает на пример азиатских феодальных обществ.

Значение всех этих соображений очень велико для понимания особенностей эволюции феодального производства на базе продуктовой ренты — и отнюдь не только в Азии. Но они вовсе не предполагают фатальной однолинейности возможного развития. Маркс решительно предостерегал от всякой поспешной схематизации: «... один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны основных условий — благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств»³.

Самый факт длительной сохранности данной формы феодальных отношений еще отнюдь не означает неперенной неподвижности и крестьянского хозяйства, и феодального поместья, взятого в целом. Маркс обращал внимание на то, что эта рентная форма, при которой как необходимый продукт, так и прибавочный, производятся внутри самого держательского хозяйства, несет в себе для феодальнозависимого крестьянина большую возможность изыскать время для производства избыточного продукта сверх того, который присваивается сеньором, а значит, и большие возможности накопления в крестьянском хозяйстве и большие различия в хозяйственном положении отдельных крестьян⁴. Не подлежит сомнению, что эти потенции, заложенные в оброчной системе, поскольку они реализуются, должны вести к нарушению самодовлеющей замкнутости крестьянского хозяйства или во всяком случае —

¹ К. Маркс. Капитал, т. III.—К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 359.

² Там же.

³ Там же, стр. 354.

⁴ См.: Там же, стр. 359.

отдельных групп крестьянских хозяйств, к установлению их связей с рынком и к усилению указанных процессов под могущим обратным воздействием рынка.

Но вместе с тем, как отмечал К. Маркс, господство продуктовой ренты содержит в себе и противоположную тенденцию. При определенных условиях феодальная земельная рента в этой форме «...может достигать таких размеров, при которых она является серьезной угрозой воспроизводству условий труда, самих средств производства, делает более или менее невозможным расширение производства и принуждает непосредственного производителя довольствоваться физически необходимым минимумом жизненных средств»¹.

Пример с Индией, приводимый здесь Марксом, лишь крайний случай. Там, где возникала устойчивая система значительных городских рынков, к которым тяготела обширная деревенская округа, там, где эти рынки служили не только нуждам местного потребления, но также широкого обмена с соседними неземледельческими районами, и где, что особенно важно, появлялась возможность значительной вывозной торговли, — там, очевидно, с рынком более всего должен был связаться феодал, аккумулировавший в своих руках значительные массы сельскохозяйственных продуктов, в первую очередь хлеба, там верх должна была брать вторая тенденция.

По всем тем данным, на которые мы можем опереться, в Лангедоке XI—XIII веков дело обстоит именно таким образом. Там, где феодальная рента, включая десятину, пожирала от одной трети до половины всех плодов крестьянского труда, причем во всех сферах сельского хозяйства, крестьянин едва ли мог располагать сколько-то значительными излишками, чтобы регулярно выступать на местном городском рынке; что касается внешнего рынка, то он, по понятным причинам, был для крестьянина просто недоступен.

Вместе с тем, там, где в форме земельной ренты сеньоры присваивали одну треть, а то и половину крестьянского урожая, там в их руках должны были сосредоточиться такие массы сельскохозяйственных продуктов, какие не могли не превышать значительно, и при этом систематически, их потребительских нужд. Связь с рынком, рыночная ориентация этого помещичьего хозяйства вытекает здесь из самого факта господства в нем той оброчной системы. При этом едва ли можно сомневаться, что эта система сложилась в таком виде под силь-

¹ К. Маркс. Капитал, т. III.—К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 360.

нейшим обратным воздействием рынка — городского, регионального и внешнего.

Порою слишком прямолинейное понимание общих закономерностей развития феодальной земельной ренты приводит к схематическим представлениям о некоторых моментах эволюции аграрных отношений при феодализме. Таковы, например, еще бытующие мнения, будто 1) развитие товарно-денежных отношений при феодализме должно непременно (или почти всегда) вести к возобладанию денежной ренты; 2) связь феодального хозяйства с рынком непосредственно ведет к разложению натуральнохозяйственных основ феодализма; 3) преобладание продуктовой ренты означает ненарушенное господство архаических натуральнохозяйственных отношений, потребительской замкнутости.

Что касается первого из этих ходячих представлений, то его преодолению немало способствовало начавшееся углубленное изучение экономических основ так называемого «второго издания крепостничества», возобладавшего в странах Восточной Европы в последние столетия средневековья и в начале нового времени¹. Стало ощутимо выясняться, что только при благоприятных условиях приспособление феодального поместья к товарно-денежным отношениям выводило его на путь широкого перехода к денежной ренте. Тот же вариант особенно интенсивного развития по этому пути, приводящий к быстрому разложению феодализма, который с такой выразительностью продемонстрировала аграрная история Англии (и с такой силой, пожалуй, только она одна), должен рассматриваться более как результат особо благоприятного стечения исторических обстоятельств, нежели как наиболее обычный вариант развития.

Как известно, тщательное изучение аграрной истории Англии XIII—XIV веков в различных ее районах показало, что и в этой стране коммутация не была единственной формой ответной реакции феодального поместья на воздействие стихии рыночных отношений. Огромной заслугой Е. А. Косминского было то, что, осмыслив массу новых фактов с позиций творчески понятого и творчески примененного Марксова учения об эволюции феодальной ренты, он убедительно показал, что приспособительная реакция феодального поместья на воздействие товарно-денежных отношений отнюдь не была однознач-

¹ См.: С. Д. Сказкин. Основные проблемы так называемого «второго издания крепостничества» в Средней и Восточной Европе. — «Вопросы истории», 1958, № 2.

ной, что она могла быть различной в зависимости от данных конкретных условий. Даже в самой Англии, где ведущей была линия перехода к денежной ренте, одновременно имели место обратные тенденции возврата к барщинам, принципиально однозначные или очень близкие к тому, из чего выросло «второе издание крепостничества» в Восточной Европе, хотя в Англии в силу объективных условий эти тенденции не получили доминирующего значения¹. Этот ход мыслей получил дальнейшее (хотя отнюдь не прямолинейное) развитие в исследованиях современных советских медиевистов-аграрников, в первую очередь — у М. А. Барга².

Но изучение воздействия рыночных отношений на эволюцию форм феодальной ренты в поместье требовало анализа не только английского материала. Проблема приспособления к развитию товарно-денежных отношений до недавнего времени в нашей литературе изучалась почти исключительно на примере барщинного поместья. Ю. Л. Бессмертный одним из первых обратился к изучению процесса товарной эволюции сеньории с преобладанием продуктовой ренты. Анализируя материал аграрной истории Среднего Рейна XII—XIII веков, он приходит к обоснованному выводу, что продажа части продукции вовсе не обязательно разрушала натуральную основу феодального хозяйства, «поскольку критерием его натуральной природы служит прежде всего возможность воспроизводства в нем самом основных условий хозяйственной деятельности»³. И тем не менее поместья с преобладанием продуктовой ренты отнюдь не всегда были замкнутыми и потребительскими⁴. Иными словами, не только денежная рента, но и рента продуктами могла стать формой приспособления ко все больше захватывавшему обществу потоку товарного обращения.

Очень убедительно показала это Л. А. Котельникова на своеобразном материале аграрной истории средневековой Тосканы. Ей удалось проследить не только, как продуктовая рента сохраняется в условиях интенсивного развития товарно-де-

¹ Е. А. Косминский. Исследования по аграрной истории Англии в XIII веке. М., 1947.

² М. А. Барг. Исследования по истории английского феодализма в XI—XIII вв. М. 1962. См. также: М. А. Барг, академик С. Д. Сказкин. История средневекового крестьянства в Европе и принципы ее разработки. — «Вопросы истории», 1967, № 4; особенно стр. 74—75.

³ Ю. Л. Бессмертный. Деревня и рынок в бассейне среднего Рейна в XII—XIII вв., стр. 161—162.

⁴ Там же, стр. 155. См. также его же: К изучению торговли в среднерейнской деревне XII—XIII вв. — «Средние века», вып. 25, стр. 95—96.

³ Средневековый город

нежных отношений и обслуживает его там, где она преобладала прежде, но даже — как в отдельных случаях бурное развитие городского рынка приводит к вытеснению господствовавшей здесь ранее денежной ренты, к полному и длительному возобладанию оброчной системы¹. Нельзя не согласиться с Ю. Л. Бессмертным, когда он приходит к выводу, что «ни один из видов ренты не представлял в XII—XIII вв. непреодолимого препятствия для приспособления к товарно-денежным отношениям»².

Отнюдь не была таким препятствием и господствовавшая на французском Юге оброчная система. Все имеющиеся в нашем распоряжении данные убеждают в том, что при известном участии крестьянства решающей силой на тулузском региональном рынке интересующей нас эпохи была торговля сеньоров, торговля тем хлебом, вином (а также некоторыми другими сельскохозяйственными продуктами), которые сеньоры сосредоточивали в своих руках посредством продуктовой ренты³.

Как было отмечено выше, эта связь с рынком еще не превращала феодальные поместья Лангедока в товарные хозяйственные организмы. Процесс воспроизводства, процесс внутреннего кругооборота и восстановления веществ в хозяйстве поместья (как и в крестьянских хозяйствах, бывших его неотъемлемыми составными элементами) совершался внутри данной хозяйственной единицы, на натуральной основе. Рыночные связи, выросшие из спорадической продажи излишков, не были имманентной необходимостью данной экономической

¹ Л. А. Котельникова. Земельная рента в Тоскане в XI—XIII вв. (по материалам Луккской округи). — «Средние века», вып. 24, стр. 80, 83—84; е е же: Земельная рента в округе Флоренции в XI—XIII вв. — «Средние века», вып. 25, особенно стр. 74—75; е е же: Итальянское крестьянство и город в XI—XIV вв. По материалам Средней и Северной Италии. М. 1967; гл. I, особенно стр. 111—115; также стр. 316—329.

² Ю. Л. Бессмертный. Деревня и рынок, стр. 158.

³ Именно продуктовые оброки, а не мелкие денежные платежи держателей в первую очередь интересовали сеньоров этого района. Вот два любопытных примера из XIII столетия. В 1207 году «освобождая» семейство сервов в пользу Пруильского аббатства, их сеньоры (в каркассонской округе) оставляют за собою все чинши «освобождаемых», среди каковых 4 денге за хижину тоули в массе тщательно перечисленных натуральных оброков: зерном (аппопа), виноградом, приплодом скота, сырами и другими продуктами (HGL, VIII, № 137, I). А в 1279 году Сикарт Аламан-младший, завещая все доходы со своего большого поместья в Кастанете (округа Гайяка), определяет их следующим образом: «omnes redditus et proventus, sint blada, vina vel denariorum, clamores et justicias... et omnia alia» (Cart. Alaman, p. 26). Главные доходы поместья, зерно и вино, отодвигают на задний план не только судебные сборы, но и денежные чинши.

структуры. К новым экономическим потребностям, порожденным интенсивным развитием городов и регионального рынка, а затем и рынка внешнего, феодальная вотчина продуктового типа пыталась приспособиться старыми, насквозь натуральнохозяйственными методами: путем увеличения массы сельскохозяйственных продуктов, особенно зерна, присваиваемой посредством внеэкономического принуждения в натуральной форме из валового продукта хозяйств феодальнозависимых крестьян.

Перед нами в сущности не переход к товарному производству, а лишь вовлечение натуральнохозяйственных организмов в товарное обращение. Но решительно утверждая это, едва ли было бы правильно не замечать того, насколько чувствительно оброчное поместье в Лангедоке было (во всяком случае в XIII веке) затронуто рыночными интересами. При всей натуральности хозяйственной природы этих поместий их рыночные связи, из более или менее эпизодических сделавшиеся весьма устойчивыми и регулярными, не могли остаться для них только чем-то внешним, малосущественным.

В условиях интенсивного развития городов и ремесла, городского, регионального, а частью и внешнего рынка, в условиях резкого возрастания роли денег (не только тех возможностей, которые открывал перед их обладателями рынок, но также и роли денег во внутрifeодальных отношениях), систематическое сосредоточение в руках помещиков значительной массы сельскохозяйственных продуктов (особенно зерна и вина), массы, намного превышавшей их потребительские нужды, должно было постепенно превратить рыночные связи этих поместий из некоей дополнительной, необязательной, но выгодной возможности в экономическую потребность и даже необходимость.

Очевидно, при этих условиях невозможно исчерпать экономический смысл этих феодально-поместных организмов только потребительскими целями. И, хотя фундамент экономики этих поместий оставался, безусловно, натуральнохозяйственным, их, если позволительно будет так выразиться, верхний этаж все более явно приобретал товарную направленность. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить непримиримость той позиции, которую заняли главные экспортеры лангедокского хлеба, крупнейшие церковные и светские магнаты Юга, на упомянутых выше «штатах» южных сенешальств в 1260—1270 гг., чтобы не допустить запрета вывоза хлеба из страны. Нас не должна удивлять эта кричащая противоре-

чивость: всякое приспособление имеет в своей основе противоречие, является попыткой его разрешения. Достаточно вспомнить, что ведь и барщинное поместье XVII—XVIII веков, выбрасывавшее на рынок огромные массы товарного хлеба, при всей своей противоположности капиталистическому производству, было по сути дела лишь своеобразной формой приспособления натуральнохозяйственной экономики феодального поместья к могучим, неодолимым потребностям товарного и капиталистического рынка.

Разумеется, поместье, чьи товарные ресурсы определялись производством продукта в мелких хозяйствах зависимых держателей, обладало гораздо меньшими способностями приспособления к потребностям рынка, чем (при всей его исконной экономической противоположности потребностям товарного производства) крупное поместье с барщинным трудом крепостных крестьян. Так ведь и объективные экономические условия интересующей нас эпохи никоим образом не могут быть поставлены вровень с условиями эпохи так называемого первоначального накопления капитала. Здесь (в XII—XIII веках) общественная потребность в товарном хлебе и промышленном сырье не могла иметь ни той широты, ни той неотвратимой силы, здесь перед феодальным дворянством не могло возникнуть той неустрашимой дилеммы, которая встала перед ним на заре капитализма¹. Естественно, здесь не могло возникнуть и той всепожирающей, ненасытной жажды прибавочного труда², которая так колоритно отличала позднейших крепостников, а их крестьян из феодальнозависимых мелких производителей низводила почти до уровня рабов с жалкими наделами, достаточными лишь для их систематического голодания и общей деградации и земледелия, и земледельцев.

В конкретных условиях Южной Франции XI—XIII веков наиболее надежным для сеньоров путем получения денег и основной формой приспособления поместной экономики к потребностям рынка явилась не барщинная система и не денежная рента, а старая рента продуктами. Сложившаяся здесь, видимо, еще в догородской период, наиболее привычная для местных сеньоров, она, естественно, должна была стать реальной основой активных рыночных связей феодального поместья и наиболее удобным средством использования товарно-

¹ См.: Ф. Энгельс. Марка. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 341.

² См.: К. Маркс. Капитал, т. I.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 247—249.

денежных отношений (на их тогдашнем уровне интенсивности) в интересах феодальных эксплуататоров.

Так, в ходе этого приспособления функция продуктовой ренты должна была существенно измениться: предназначенная первоначально удовлетворять потребительские нужды сеньора и его двора, она, чем дальше, тем больше превращалась в орудие аккумуляции в руках земельного собственника значительных масс сельскохозяйственных продуктов (в первую очередь зерна) в целях рыночного сбыта и обращения в деньги.

Вот почему, вопреки тому, что можно было бы предположить, вовлечение сеньории в систему товарно-денежных отношений не привело здесь к отказу от оброчной системы и к замене натуральных повинностей денежными, но, наоборот, упрочило, законсервировало отношения продуктовой ренты, выполнявшие теперь, как было отмечено выше, существенно новые и гораздо более сложные, чем прежде, экономические функции. Как ни странно это выглядит с первого взгляда, логика противоречивого развития феодализма в данных конкретных условиях вела к тому, что именно развитие городов, возрастание населения, более или менее оторванного от земледелия, особенно от хлебопашества, и вызванное этим вовлечение поместья в систему товарно-денежных отношений имели своим результатом длительное консервирование такой примитивной формы натуральнохозяйственных отношений, как продуктовая рента. Отсюда и сохранение в этом районе крестьянской личной несвободы, крепости держанию — фактически серважа, хотя, казалось бы, в этом не было необходимости, поскольку барщины здесь существенной роли не играли.

И вот тот главный источник, который питал и региональный тулузский, и внешний рынок сельскохозяйственных продуктов, особенно хлеба и вина.

Мы видели выше, что в XI веке в Тулузе был постоянный и обильный хлебный рынок, а корни его, вероятно, уходят в предыдущее столетие. Насколько можно судить, главную массу продавцов зерна на этом рынке составляли чужаки, люди приезжие. Однако, несомненно, были и тулузцы: это достаточно ясно вытекает из текста диплома графа Гильема Аквитанского от 1098 года¹.

¹ «...ut quicumque preter inhabitantes in suburbio vel in civitate allatam annonam amodo vendiderint...» (Cart. S.-Sernin, № 291).

Кто же были эти тулузцы: городские купцы, скупавшие зерно в поместьях, во всяком случае, в деревне, или городские крупные землевладельцы, производившие значительные количества товарного хлеба, или же мелкие, рядовые горожане — аллодисты и держатели, продававшие излишки продукта своих полей? Ответить на эти вопросы нелегко. Прямых данных на этот счет нет, и чтобы приблизиться к наиболее близкому действительности представлению, нужно попытаться осторожно сопоставить те крупницы сведений на этот счет, какие можно почерпнуть из более поздних источников, и очень малочисленных, и немногословных, и отнюдь не отличающихся очевидною ясностью.

При всей своей скупости, дарственная грамота Гильема Аквитанского весьма определена в одном отношении: она не позволяет видеть в продавцах зерна на тулузском рынке этого времени мелких торговцев. Зерно привозилось хлеботорговцами в количествах, измеряемых мешками (сетью). Очевидно, уже в конце XI века на тулузском хлебном рынке сеть стал фактически наиболее обычной, рядовой мерой. Это значит, что количество зерна в одних руках составляло обычно несколько сетей (200—500 кг), а у более крупных продавцов хлеба — и больше. Ибо если бы сеть был, как правило, максимальным весом зерна, привозимого одним продавцом, то для взимания пошлины в пользу Сен-Серненской церкви несомненно была бы избрана меньшая исходная мера.

Около 1120 года тулузцы отвоевали себе первую вольность — выкупили «за большие деньги» (pro rescunia magna) освобождение от двух провозных пошлин (portaticum)¹. Каждая из этих пошлин принадлежала двум рыцарям (milites), по всем данным — деревенским помещикам. Первая из них взималась постоянно в самом городе со всех ввозившихся грузов или, во всяком случае, со всех продовольственных продуктов, как сказано в грамоте: «со всех вещей, которые нужны им (всем людям Тулузы и Бурга)»². Вторая пошлина, как следует из той же хартии, собиралась со всех грузов на широком участке километрах в семи к югу и юго-востоку от Тулузы, начиная от Гаронны у Нарбоннского замка, до речки Соны (Сауны) близ ее впадения в Эр. Примечательно, что эта пошлина взималась в определенный период года: от праздника Иоанна Крестителя до праздника Всех святых, то есть от 24 ию-

¹ Cart. Bourg, № 14.

² «de totis rebus que eis fuerit opus». Cart. Bourg, № 14.

ня до 1 ноября, иначе говоря, — во время уборки и вывозки урожая.

Отказ четырех рыцарей от этой пошлины в пользу горожан («в пользу всех мужчин и женщин Тулузы и Бурга») обставлен в грамоте большою торжественностью. Он скреплен одобрением графа (видимо, выкупленные пошлины были рентными ленами, предоставленными графом его вассалам) и тулузского епископа. А в числе свидетелей этого документа, наряду с 14-ю подписавшими его probi homines (предтечи позднейших коммунальных капитуляриев), фигурирует «весь народ Тулузы»¹. Засим следует грозная формула проклятия всякому, кто посмеет нарушить эту приобретенную вольность (libertas). Любопытно, что грамота угрожает нарушителю не только, как всегда в таких случаях, муками ада, но и (что совсем не обычно) беспощадной расправой всего тулузского народа, вооруженного мечами, палками и камнями².

Очевидно, отмеченные пошлины очень близко затрагивали интересы не только богатой городской верхушки, но и всей массы горожан (если одни готовы защищать добытую вольность мечами, то другие — камнями и палками). И ведь это была первая вольность, завоеванная едва только рождавшейся тулузскою коммуной.

Что же она была призвана защищать? Несомненно, прежде всего интересы горожан как потребителей, страдавших от феодального обложения продовольствия, регулярно подвозимого из ближайшей деревенской округи. Но, по всей видимости, она должна была защитить горожан также и в качестве производителей, главным образом мелких производителей сельскохозяйственных продуктов в пригородной зоне. Об этом заставляет думать ни с чем не сравнимое негодование массы, которое осязаемо прорывается сквозь косно-канцелярский язык хартии. Значит, многие горожане имели какие-то земельные угодья в ближайшей городской округе, и именно в период уборки и ввоза в город собранного урожая на важнейших путях этого ввоза его перекрывали эти ненавистные сеньориальные пошлины.

Активное участие в приобретении этой вольности тех прюдомов, которые за большие деньги выкупили (redimerunt) данные провозные пошлины, свидетельствует о том, что земле-

¹ «lotus Tolose populus». Cart. Bourg, № 14.

² «...et insuper Tolose populus et burgi et etiam totus tolosanus populus, cum gladiis et baculis et lapidibus, super eum irruat et interficiant eum omnes homines turpiter». I b i d.

владение богатых горожан уже имело определенные позиции в пригородной зоне. Но, видимо, сельским хозяйством здесь занималась и масса рядовых городских жителей.

И все-таки этот момент никак нельзя преувеличивать. Любопытно, что тщательно отмечая топографически линию мытных застав, по которой взималась выкупленная пошлина, и дойдя до впадения Соны в Эр, грамота добавляет: «et sicuti Saona ducit recte de toto Tolosano», что указывает на то, что пошлина взималась не только в устье Соны, но и далее по ее течению «со всего Тулузена», то есть со всех товаров, которые привозились из юго-восточных районов Тулузена, из хлебного Лорагэ с его жирными почвами. Иными словами, речь шла прежде всего и больше всего не о продуктах земледельческого труда самих тулузцев, а о продовольствии, привозимом в Тулузу из деревенской округи.

Но не противоречат ли этим нашим выводам те вольности, которые граф Альфонс-Журден несколько позднее, но не позже 1140 года¹, даровал поселенцам основанного им «убежища» на территории Ситэ и за его стенами, около Нарбоннского замка², то есть именно в том же районе, куда прежде всего притекали продукты, проходившие прежде мытные заслоны, отмененные около 1120 года? Помимо свободы занятия любым ремеслом, жители убежища (*salvetatis*) получали освобождение от провозной пошлины с зерна, с винограда и с вина, а также от торговой пошлины³.

Несомненно, многие из жителей этого сальветас были вчерашними крестьянами, только теперь или недавно переселившимися в город, да и здесь остававшимися в значительной мере городскими земледельцами. Как показывает текст графской хартии, именно на привлечение беглого сельского люда в первую очередь и рассчитывал граф, основывая убежище⁴. Но здесь были отнюдь не одни только земледельцы; здесь граф даровал поселенцам свободу занятия мясным промыслом и любым ремеслом. Значит, если вольности, связанные с сельским хозяйством, в том числе освобождение от провозной пошлины с зерна, так живо интересовали жителей сальветас, надо полагать, что аналогичные сельскохозяйственные интересы бы-

¹ См.: E. Roschach. Note sur la commune de Toulouse.—HGL, VII, p. 216.

² Cart. Bourg, № 11.

³ «neque def lezdam» (Cart. Bourg, № 11).

⁴ Граф обещал каждому поселенцу нарезать усадьбу, а другим сеньорам запрещал сыск беглых людей на территории убежища. См. там же

ли близки и другим рядовым горожанам Тулузы. Недаром граф закрыл для них доступ на привилегированную территорию убежища¹.

Это снова подводит нас к, казалось бы, бесспорному выводу о полуаграрной природе хозяйства массы тулузских горожан и о том, что продовольственными продуктами, и в частности хлебом, они себя обеспечивали сами. Может быть, даже они выступали и продавцами зерна на тулузском рынке. Не потому ли вопросам торговли хлебом так много внимания уделяют и постановления консулата, и Тулузский ку-
тюрм?

Но о чем заботится консулат в своем постановлении 1152 года, которое более всякого другого затрагивает вопросы торговли съестными припасами? Отметив бегло, что при продаже зерна должно пользоваться правильной мерой, консулы далее строго запрещают кому бы то ни было скупать зерно летом и осенью для перепродажи². Едва ли подобное постановление могло иметь место, если бы горожане полностью, или хотя бы в основном, обеспечивали себя хлебом сами. Очевидно, очень многие тулузцы в течение года, а абсолютное большинство — зимою, жили покупным хлебом. Очевидно также, темпы возрастания городского населения, и при этом именно населения ремесленно-торгового, неземледельческого, обгоняли не только очень ограниченные возможности производства хлеба горожанами, но и темпы возрастания подвоза хлеба. И все это — в таком городе, как Тулуза, расположенном посреди плодородного края, который, как в начале XV века писали сами тулузские консулы, был богат хлебом³.

Связь города с окружавшей его деревней, именно товарная связь, строилась не на уподоблении, а на противопоставлении. Она была тем необходимее и прочнее, чем полнее был отрыв ремесла и торговли от породившего их земледелия. Рост неземледельческого населения, вызывая повышение цен на хлеб, особенно в зимние месяцы, создавал возможность широкой спекулятивной деятельности богатых городских перекупщиков зерна (чью алчность пыталось ограничить консульское постановление 1152 года). Но так или иначе этот рост неземледель-

¹ См. Cart. Bourg, № 11.

² «Item nullus emat annonam vel bladum ad revendendum a nativitate sancti Johannis Baptiste unque ad festivitatem omnium Sanctorum» (Cart. Bourg, № 4).

³ См.: P. h. Wolff. Commerces et marchands de Toulouse (vers 1350—vers 1450). Paris, 1954, p. 139.

ческого населения города должен был способствовать возрастанию роли привозного, продажного хлеба в продовольственном обеспечении населения Тулузы, возрастанию роли крупной торговли на тулузском хлебном рынке.

Об этом же свидетельствуют и данные позднейших источников. Когда через 45 лет, в 1197 году, консулат в своем постановлении снова предписал соблюдение правильности мер и веса в торговле продовольствием и строгую их сверку с имевшимися эталонами, он считал необходимым при этом добавить, что тулузцы по-прежнему сохраняют свое особое право: при продаже зерна пользоваться такими мерами, какими им заблагорассудится, как подобным образом при продаже зерна поступали их предки¹.

Формально эта привилегия принадлежала «всем мужчинам и женщинам» Тулузы, но, кто в действительности извлекал из нее выгоду, достаточно ясно говорит Тулузский кутюм. В качестве старинного обычая он закрепляет за каждым тулузцем право продавать зерно любой мерой, даже не имеющей городского клейма (в других случаях это решительно запрещается)², и, что особо подчеркнуто, не обязательно мелкою мерой³. Иными словами, речь шла прежде всего о крупных хлеботорговцах-оптовиках, продававших зерно большим весом. Фактически эта «общетулузская» привилегия была привилегией богатейших городских хлеботорговцев. И если король Филипп III, санкционируя Тулузский кутюм, не утвердил этого пункта⁴, то именно потому, что королевская власть всячески стремилась ослабить могущество землевладельческо-купеческой верхушки Тулузы.

Как позволяют заключить приведенные данные, отмеченная привилегия крупных хлеботорговцев сложилась давно, — по всей видимости около середины XII века, если не ранее. Она свидетельствует о давнем развитии в Тулузе крупной хлеботорговли, о том, что именно крупная торговля играла решающую роль на тулузском рынке зерна, а значит, и о том, спять-таки, что хлеботорговля мелких, рядовых горожан никакой сколько-нибудь существенной роли на этом рынке не играла. Их карликовое хлебопашество (там, где оно имело место) служило целям не товарным, а потребительским. Да и в

¹ Cart. Bourg, № 17.

² Coutumes de Toulouse; art. 102, 103a.

³ Ibid., art. 103b.

⁴ A. Tardif. Le droit privé au XIII siècle d'après les coutumes de Toulouse et de Montpellier. Paris, 1886, p. 86.

этой области оно выполняло лишь сугубо подсобную роль.

На этот счет никакого сомнения не оставляет Тулузский лейдариий — тариф провозных и торговых пошлин со всех товаров, составленный в самом начале XIV века¹ и явно отразивший положение дел, сложившееся еще в предыдущем столетии². По этому тарифу любое зерно полностью свободно от всякого обложения³.

Этот момент заслуживает, чтобы на нем коротко остановиться. Известно, что продовольственную политику средневековых городов отличала тенденция ко всемерному облегчению условий подвоза и рыночного сбыта хлеба в городе. Полная реализация этой тенденции вела к отмене каких бы то ни было пошлин с торговли зерном. Так, например, обстояло дело в Меце уже в XIII веке⁴. Но отнюдь не всюду и не сразу эта тенденция реализовалась так полно. Даже в таких значительных городах, как Трир и Люксембург, от пошлин освобождались только свои, городские хлеботорговцы, «чужие» же продавцы зерна должны были платить⁵. В Кагоре все приезжие купцы обязаны были привозимое на продажу зерно складывать и перемерять в специальном консульском доме, уплачивая за это особую пошлину в натуре, тогда как местные купцы были свободны от этого побора⁶. Иными словами, город нуждается в

¹ Ph. Wolff. Un leudaire de Toulouse.—«Annales du Midi», 1962; p. 291.

² В этом убеждают нас три обстоятельства. а) Основной единицей обложения по всем видам товаров здесь остается вьюк. б) Хотя пошлины называются королевскими, все они исчислены только в тулузской монете. Однако, хотя эта монета имела хождение в Тулузене и примыкающих районах еще до 70—80-х годов XIV века (см.: Ph. Wolff, Commerces, p. 324), уже с 70-х годов XIII столетия все официальные поборы и тарифы в южных сеньшалствах исчислялись либо в обеих монетах (местной и королевской), либо в королевской — турской монете (HGL, VIII, № 541; HGL, X, № 21; см. также M. Castaing-Sicard. Les monnaies féodales de Languedoc au Moyen Age. Toulouse, 1961, p. 77). в) И если сам лейдариий появился в начале XIV века, то обстоятельство, что этому предшествовали два опроса, на основании которых он и был составлен (см.: Ph. Wolff, Un leudaire, p. 291), неопровержимо свидетельствует, что он отразил ситуацию, сложившуюся давно, на протяжении предыдущего столетия.

³ Leudaire de Toulouse (publ. par Ph. Wolff — «Annales du Midi», 1962), art. 186.

⁴ J. Schneider. La ville de Metz au XIII et XIV siècles. Nancy, 1950, p. 213.

⁵ T. Roslanowski. Recherches sur la vie urbaine et en particulier sur le patriciat dans les villes de la Moyenne Rhénanie septentrionale (fin du XI-e — début du XIV-e siècle). Warszawa, 1964, p. 51.

⁶ Coutumes de Cahors (publ. par E. Dufour: La commune de Cahors au Moyen Age. Cahors. 1846), art. 53.

хлебе, весовая пошлина собирается натурой, но эта нужда в хлебе еще не настолько остра, чтобы лишить привилегий «своих» городских купцов.

Аналогичная картина рисуется и в Тулузе конца XI века. Припомним, что дарственная грамота Гильема Аквитанского на чужих, приезжих хлеботорговцев все-таки налагала пошлину. Следовательно, на рубеже XI и XII веков Тулуза нуждалась в подвозе хлеба, но опять-таки не настолько остро, чтобы не поставить в привилегированные условия «своих», тулузских купцов.

Однако уже к середине XII века положение существенно меняется. Как явствует из консульского постановления 1152 года, тулузские горожане уже тогда без покупного хлеба прожить не могли. Вопрос этот стал настолько острым, что патрицианский консулат был вынужден пойти на существенное ущемление богатых спекулянтов зерном. Сделать это было тем более нелегко, что представители некоторых богатых и могущественных консульских родов сами основательно втягиваются в торговлю зерном. Надо полагать, не для собственных потребительских нужд держал хлебный амбар (*granerium*) в Ситэ, на берегу Гарроны, Пейре де Тулуза¹. Амбар был, очевидно, не маленьким, если принадлежал королю, которому знатный тулузец платил *redditus*².

Не удивительно, что и в XIII веке консулат стремился сохранить привилегии крупных тулузских хлеботорговцев и закрепить их в городском кутюме. Но это была теперь только весьма ограниченная привилегия продажи любой мерой. От торгового обложения теперь были полностью освобождены как тулузские, так и «чужие» купцы. Таким образом, тулузские горожане в эту пору не только не боялись конкуренции привозного хлеба, но были заинтересованы в его привлечении на городской рынок, настолько они оторвались от земледелия, во всяком случае — от хлебопашества. Как видим, вопрос о «полуаграрности» средневековых городов, столь просто решаемый с первого взгляда, в действительности отнюдь не так прост.

¹ *Comptes Royaux*, t. II, № 17087. Сведения относятся к концу XIII века, но амбар был несомненно старше.

² *Ibid.*, Весьма вероятно, что Пейре де Тулуза хранил в этом амбаре также и хлеб, полученный в качестве таски с держателей, сидевших на каких-то принадлежавших ему внегородских земельных владениях. Но это не меняет того, что большие количества зерна, собранные в таком складе (по всей видимости — по соседству с большим рынком в южной части Ситэ), предназначались для продажи.

Но если хлеб, произведенный горожанами, не имел никакого или почти никакого значения на тулузском хлебном рынке, то каково было происхождение основной массы продававшегося зерна? Как было отмечено выше, ведущую силу на городском рынке зерна были крупные хлеботорговцы — *bladerii*. Насколько можно судить по примеру тулузских виноторговцев¹, купцы, торговавшие зерном, скупали его в деревне и затем перепродавали в Тулузе горожанам и приезжим купцам.

Но у кого скупали? В какой-то степени, надо полагать, и у крестьян, хотя крестьянство ближайшей городской округи могло выступать на городском хлебном рынке и самостоятельно. В той или иной форме, но возможность участия крестьянства в хлебной торговле заключена уже в более или менее устойчивой ограниченности нормы феодальной эксплуатации. После уплаты продуктового чинша в одну четверть — одну треть урожая, церковной десятины и других поборов в более крепких хозяйствах держателей, особенно в урожайные годы, могли все-таки оставаться некоторые излишки зерна сверх необходимых потребностей. Более того, можно говорить даже об известной необходимости участия крестьян в торговле сельскохозяйственными продуктами, в том числе и хлебом, поскольку какие-то (хотя и второстепенные, незначительные по объему и не всегда регулярные) денежные платежи все-таки встречаются среди повинностей зависимого крестьянства в Тулузене².

Но вместе с тем при наличной норме феодальной ренты, поглощавшей в общей сложности около половины всего продукта крестьянского двора, излишки, а значит и товарные возможности держательских хозяйств, не могли быть ни значительными, ни регулярными. И именно то обстоятельство, что в тулузской деревне среди крестьянских повинностей мы почти не встречаем сколько-то значительных регулярных денежных чиншей, служит тому убедительнейшим доказательством.

Иное дело — сеньоры. Те, кто в форме таски и десятины присваивали себе четверть, треть и даже половину произведенного крестьянином хлеба, почти всегда имели что продать скупщику-хлеботорговцу. Особенно это относится, разумеется, к крупным сеньорам — церковным и светским. Острая борьба между городскими консулатами и крупнейшими церковными и светскими феодалами Нижнего Лангедока, которая разгорелась в 1260—1270 годах по вопросам снабжения хлебом круп-

¹ *Cart. Bourg*, № 1.

² *Cart. S.-Sernin*, №№ 63, 235, 254, 305, 320, 338, 340, 400. *Cart. Alaman*, p. 103—105.

нейших городов Юга, со всею очевидностью показала, кто распоряжался большими массами хлеба, от кого зависело, будет ли этот хлеб продан на местных городских рынках или будет вывезен (если это им выгоднее) в чужие страны (причем даже в неурожайные для Лангедока годы). Это были такие крупнейшие светские землевладельцы (*tergarii*), как Филипп де Монфор, и такие прелаты и богатейшие церковные общины, как архиепископ нарбоннский, аббатства Сен-Поль, Сен-Пьер де Томьер и другие подобные церковно-феодалные магнаты¹.

Что касается Тулузы и ее регионального рынка, то, например, активное участие Сен-Серненского аббатства в торговле зерном едва ли может вызвать сомнения. Неукоснительно взыскивая таски и десятины (в зерне или в снопах), аббатство при этом, как правило, точно определяло, каким именно зерном (пшеницей, рожью, овсом, просом, ячменем или фуражной смесью) должна быть выполнена повинность². Согласно инвентарю 1246 года только с приората Савердена аббатство, наряду с 31 солидом деньгами, ежегодно получало 393 сетье зерна различных видов³. Порою, инфеодируя участки земли в наиболее хлебобродных районах, Сен-Сернен даже с субсеньоров требовал поставки значительных количеств пшеницы натурой⁴. В отдельных случаях держателю даже не разрешалось вывозить урожай со своего поля без специального на то разрешения аббата⁵. О том, какое значение придавало Сен-Серненское аббатство получению хлеба в натуре и какие количества зерна должно было оно аккумулировать в своих руках, убедительно говорит та упорная и в целом успешная борьба за обладание десятинами, которую вело оно на протяжении XII века со светскими сеньорами, частью — с богатыми горожанами⁶. Именно торговые цели этой погони за десятинами могут объяснить, почему в Лангедоке, и особенно в Тулузском

¹ HGL, VIII, №№ 529, 545. Насколько натуральные чинши служили не потребительским, а торговым интересам землевладельцев, можно видеть из того, как даже в Нарбонне, куда стекалась значительная часть западнолангедокского хлеба, и даже необработанные участки в 1195 году отдавались в феодал (дарение дому госпитальеров!) за *agerii* в размере $\frac{1}{5}$ и $\frac{1}{4}$ продукта. (G. Saige, op. cit., P. J., № 8).

² Cart. S.-Sernin, №№ 175, 210, 235, 238, 242, 265; Ap., №№ 13, 58, 60.

³ Documents de Languedoc, II, p. 36.

⁴ Cart. S.-Sernin, № 217: «quinque modios de frumento optimo»; №№ 349, 350.

⁵ Ibid., № 42.

⁶ Ibid., №№ 49, 51, 55, 56, 57, 59, 62, 65, 70, 77, 78, 80, 90, 91, 100, 113, 117, 142, 156, 160, 165, 166, 180, 181, 186, 187, 190, 195, 198, 205, 207, 210, 211, 215, 247, 255, 257, 263, 268, 274, 275—279, 283, 284, 298 etc.

диоцезе, десятины и начатки, как об этом свидетельствуют жалобы тулузцев графу Альфонсу Пуатье, взимались в неслыханно большом объеме¹.

Об активном участии Сен-Серненского аббатства в торговле зерном на тулузском рынке свидетельствует и то обстоятельство, что дарованную Гильемом Аквитанским пошлину с приезжих хлеботорговцев монахи предпочитали взимать в натуре². Ведь для того, чтобы обратить полученное таким образом зерно в средства для восстановления разрушенного приорства, это зерно необходимо было продать. Остается предположить, что из такой торговли Сен-Сернен рассчитывал извлечь больше, чем могла бы дать денежная пошлина. Едва ли это было бы возможным, если бы монахи были новичками в хлебной торговле. Следовательно, уже в конце XI века монастырь имел значительный опыт торговли зерном. Да и могло ли быть иначе, когда хлебный рынок располагался тут же, в Бурге, у самых стен Сен-Сернена. Но поскольку и помимо этой пошлины Сен-Серненское аббатство с его обширнейшими владениями в Тулузене и даже за его пределами должно было располагать большими массами хлеба, оно, очевидно, не могло остаться в стороне от активного участия в тулузской хлебной торговле, тем более — в XII и XIII вв.

Что касается крупных светских феодалов, то едва ли можно сомневаться в том, что, например, тулузские графы, весьма активно участвовавшие в торговле вином, солью и скотом, не остались в стороне от торговли хлебом. Как полагает Огюст Молинье, ту зерновую пошлину с хлебного рынка в Бурге, которую в 1098 году тулузский граф пожаловал Сен-Сернену и которая, как видим, должна была приносить немалые количества зерна, предназначенного для продажи, ранее сам граф собирал в свою пользу³. Несомненно, хлеботорговые интересы побуждали тулузских графов неукоснительно взимать *blada* — натуральный побор в зерне с жителей их сеньориальных городов и местечек. Населению таких городов, как Гайяк, Корд, Монмираль, Рабастенс, только в XIII веке удалось добиться замены этого натурального налога денежным⁴. Но, как показывают данные описи владений Альфонса Пуатье в Альби-

¹ HGL, VIII, № 526, II.

² Cart. S.-Sernin, № 291.

³ A. Molinier. Administration féodale en Languedoc au Moyen Age.— HGL, VII, p. 178.

⁴ E. Rossignol. Etude sur l'histoire des institutions seigneuriales et communales de l'arrondissement de Gaillac (Tarn). Toulouse, 1866, p. 51—52.

жуа, произведенной в 1259—1261 гг., в деревне — с графских вотчин и даже с ленных поместий графских вассалов — и во второй половине XIII столетия большая часть поступлений и платежей взималась в натуре, прежде всего и главным образом хлебом. И даже в Гайяке с мельниц и с хлебного рынка графскую подать по-прежнему собирали в зерне¹.

В этой связи отметим также упомянутый выше большой хлебный амбар в Тулузе, на берегу Гаронны. Тот факт, что в первые годы XIV века Пейре де Тулуза платил за него рендиту королю, заставляет предположить, что прежде этот амбар был собственностью графов, наследниками которых после 1271 года стали французские короли. Расположенный вне территории Нарбоннского замка, амбар этот, вероятно всего, был не потребительским, а торговым хлебным складом. По-видимому, и в хлебной торговле тулузские графы участвовали непосредственно.

О том, что этот вывод должен быть отнесен вообще к феодалам Тулузена, свидетельствует, как было отмечено выше, уже дарственная грамота Гильема Аквитанского. Даруя Сен-Сернену натуральную пошлину с зерна приезжих хлеботорговцев, граф прямо пишет, что этой мерою хочет выискать возмещение с тех «злонамеренных людей всей провинции», которые повинны в разрушении Сен-Серненской церкви². Собиратели продуктовых рент, феодальные землевладельцы Тулузена, были главными поставщиками зерна на тулузский хлебный рынок.

Любопытна также эволюция налога *pezada*. Введенный сеньорами Юга во второй половине XII века как общее обложение для сохранения мира и защиты от банд мародеров-наемников, он первоначально взимался преимущественно деньгами. Но к началу XIII века местные сеньоры превратили его в постоянный побор и взимали уже в натуре — хлебом³. Такая трансформация была бы невозможна в условиях господства денежной ренты, и, наоборот, она вполне естественна там, где господствует рента продуктовая и где продажа присвоенного хлеба является важнейшим источником дохода сеньоров. Ка-

¹ Ch. Higounet. Une carte agricole de l'Albigeois vers 1260. — «Annales du Midi», 1958, p. 66.

² «Et quia maligni homines totius provintie dementati, ad destruendam ecclesiam Sancti Saturnini insurrexerant, ab illis deinceps pensionem extraximus... ut quicquid invasione huius ecclesie deliquerunt, hoc modo satisfactione corrigant» (Cart. S.-Sernin, № 291).

³ A. Molinier, op. cit., p. 161—162.

кое количество хлеба и, соответственно, какие суммы денег давал этот побор, можно судить уже по тому, что, выкупая его у епископа, жители Гайяка уплатили в 1252 году 19 тысяч кагорских су, а в 1256 году за графскую долю того же налога еще 300 марок серебра¹.

Очень ярким свидетельством хлеботорговых интересов сеньоров Тулузена служит их алчность в отношении десятин, которые собирались в натуре и должны были приносить их обладателям огромные количества зерна. Запечатленная в источниках ожесточенная борьба за десятины между церковными и светскими феодалами, которая развернулась с начала XII века (см. выше), была борьбой за дележ зерна не как предмета непосредственного потребления, но прежде всего как товара и важнейшего источника дохода землевладельцев в условиях бурного развития городов и товарно-денежных отношений².

Как было отмечено выше, Тулузен был районом древнего распространения виноградной лозы. Виноградничество и виноделие не угасали и в раннем средневековье, а с возрождением города и повышением спроса на вино стали развиваться усиленно. Рано возник здесь и рынок вина. Об этом свидетельствует грамота графа Гильема IV, относящаяся приблизительно к 1080 году. Вновь основанному под эгидой Сен-Серненского аббатства и поблизости от него госпиталю, будущему госпиталю св. Рамуна, граф (вместе с тулузским епископом) пожаловал право беспошлинной продажи вина, но только в случае наличия излишков и только в пределах 5 модиев, не более³.

Очевидно, новое церковно-благотворительное учреждение, возникшее на территории Бурга, с самого начала обладало столь значительными виноградниками, а винный рынок в Тулу-

¹ E. Rossignol, op. cit., p. 54.

² Подчеркивая товарную направленность присвоения десятин в эту эпоху, Марк Блок писал: «Вместо того, чтобы расходиться по рукам мелких дворянчиков или приходских кюре, мешки с зерном стали отныне сосредоточиваться в амбарах нескольких крупных сборщиков десятины, которые отправляли их на рынок. Без этой эволюции... где бы нашли себе пропитание города, столь интенсивно развивавшиеся в XII—XIII вв.» (М. Блок. Характерные черты французской аграрной истории (пер. с французского). М., 1957, стр. 132).

³ Cart. S.-Sernin, № 546: «...et si habundaverit vinum ad pauperes et ad omnes habitantes istius domus, vendant V modios sine ullo usagge quod non dent, et non amplius».

⁴ Средневековый город

зе во второй половине XI в. уже настолько стабилизировался, что у этой новой церковно-хозяйственной единицы сразу же возникло стремление использовать выгоды виноторговли. Но на рынке властвует графская монополия. Все прочие продавцы вина платят пошлину; освобождение от нее — особая милость и редкое изъятие из правил. В принципе продавать разрешается только излишки, т. е. только вино своего производства, и в строго определенном количестве.

Мы едва ли ошибемся, если заключим, что тулузский рынок был уже весьма основательно насыщен вином и что сеньор-граф сам активно участвовал в виноторговле. Однако это участие отнюдь не может служить свидетельством гармонии, совпадения интересов сеньора и интересов общего развития товарного обращения. Это участие не было фактором, благоприятствовавшим развитию производства и торговли вином.

Граф выступал на винном рынке как монополист, обладавший, во-первых, правом беспошлинной торговли, а во-вторых, как сообщают источники XII в.¹, правом продажи вина в наиболее выгодное для этого время. Даже в отношении тех феодальных (как правило, церковных) хозяйств, которым в виде особой привилегии он также даровал право беспошлинной продажи вина, граф, как мы видим, мог устанавливать количественный лимит, далее которого эта привилегия не простиралась. Иными словами, и здесь его монополия сохраняла свою силу.

Нетрудно видеть, что эта феодальная монополия и, значит, самое участие сеньора-феодала в торговле должны были сдерживать развитие виноградарства в нефеодальной среде, особенно в хозяйствах горожан. Феодальная монополия коверкала отношения товарного обмена, естественно возникавшие в богатом виноградом районе Тулузы, крайне снижала заинтересованность купцов в расширении торговли, сдерживала свободное складывание местного рынка вина.

Более того, монополистская торговая политика сеньора-феодала, направленная на недопущение какой бы то ни было конкуренции сбываемому им товару, активно способствовала консервированию натуральнохозяйственных отношений. Из той же грамоты об учреждении госпиталя св. Рамуна мы узнаем, что граф и епископ даровали госпиталю также свободное пользование солью и вином и всем, что необходимо прожива-

¹ Cart. Bourg., № 1.

ющим «в этом доме»¹. Речь шла об освобождении от пошлин уже не при продаже, а при покупке соли (что было особенно существенно), а в случае нужды — и при покупке вина и других продуктов питания. Эта политика всеобщего обложения торговых сделок как продажи, так и купли, должна была побуждать подданных графа всюду, где можно, избегать такого рода сделок и стараться, насколько возможно, обеспечить себя всем необходимым из ресурсов своего хозяйства. Она вела к консервированию потребительской замкнутости и была немалым препятствием развертывания рыночных связей. Если же и при этих условиях торговля вином в Тулузе развивалась, то ясно, что потенциальные производственные возможности тулузского виноградарства и виноделия в этот период были значительно выше наличной степени их реализации.

Однако развитие города, быстрое возрастание его торгово-ремесленного населения, которое по самой своей экономической природе не могло, во-первых, вести сколько-то полноценного земледельческого, даже виноградарского, хозяйства и, во-вторых, просто не могло существовать без отношений купли-продажи, должны были круто изменить положение. Для ремесленника и торговца связь с рынком означала разрешение не проблемы эпизодически возникавших излишков, а проблемы повседневного существования.

Перед напором этих новых сил сеньориальная торговая монополия, так же как и система сеньориальных торговых пошлин, не могла устоять. До поры отдельные и, как мы видели, ограниченные изъятия из сеньориальной системы пошлин и монополий ограничивались узким кругом наиболее значительных церковных вотчинников, умевших вырвать у графской власти эту особую милость. Начало городского развития пробило первую брешь в этой системе.

В ходе широкой кампании по основанию «убежищ», развернувшейся в Лангедоке в начале XII в., светские феодалы и, в частности, тулузские графы явно отставали от церковников. Включившись в это движение, дабы привлечь и закрепить приток сельского населения в город, графы должны были пойти на предоставление новоприходцам более широких льгот, самым основательным образом затрагивавших давно сложившиеся прерогативы первых феодалов Тулузского графства.

Хартия Альфонса-Журдена об основании *salvetas* вокруг

¹ «...damus ...sale et vinum et omnia qui necesse ad habitatores istius domus francament sine engan» (Cart. S.-Sernin, № 546), см. также № 547.

Нарбоннского замка (20-е—30-е годы XII в.) открывалась декларацией: «Ни один мужчина или женщина, который поселится в этом убежище, не будет платить провозной пошлины ни с зерна, ни с винограда, ни с вина, а также не будет платить торговой пошлины»¹. По своему смыслу краткая формула «*neque det lezdam*» должна была означать освобождение от торговых пошлин с тех самых продуктов, которые освобождались от поборов за провоз, но и довольно расплывчатый термин *lezda* (*ledda, leida, leuda, levda*—из позднелатинского *levatio* — побор), и краткость приведенной фразы не гарантируют бесспорной ясности текста (как, впрочем, этой ясности не обеспечивало и пустое канцелярское многословие, в меньшей мере свойственное средневековым грамотам). Весьма возможно, что граф и сам не очень желал исчерпывающей ясности и четкости декларируемых привилегий. Во всяком случае он счел необходимым сделать в конце хартии уточняющую приписку: «А также граф сохраняет за собою (в этом убежище) побор с продажи вина, как он обычно взимается»².

Видимо, от торговой пошлины освобождались не все товары, освобожденные от провозной пошлины, а может быть и все, но, как можно понять из более поздних источников, особый «*usus*» с продажи вина взимался графской властью в определенные месяцы года (с сентября по ноябрь)³, и этот-то побор граф оставлял за собой.

Так или иначе, не подлежит сомнению, что уже этой хартией граф вынужден был сам чувствительно поколебать систему своих рыночных пошлин и монополий, в частности также и в отношении вина. Впервые привилегия беспошлинной торговли вином (хотя бы частично или в течение нескольких месяцев в году) предоставлялась не влиятельному церковному вотчиннику, а безвестным, простым, отнюдь не богатым горожанам, вчерашним беглым крестьянам, нередко вчерашним сервам.

Но это было только начало. Еще незадолго перед тем, давая свою санкцию «убежищу», учрежденному Лезатским аббатством у самого Нарбоннского замка, за стенами Ситэ, и утверждая его вольности, граф предупредил жителей своей

¹ «*Quod ullus homo aut femina qui in hac predicta salvetate steterit et mansionem ibi habuerit, non det portaticum de blato neque de vindemia neque de vino, neque det lezdam*» (Cart. Bourg., № 11).

² «...et retinet comes usum venditionis vini, ita ut consuetum est». Ibid.

³ Ibid., № 1.

столицы, которые вздумали бы переселиться в новое *salvetas*, что предоставленные убежищу вольности на них не распространяются¹. Теперь он и не пытался остановить волну, мощь которой превышала его силы. Чего хотела, чего требовала масса тех людей, привлечения которых граф не мог не желать, ясно видно из того, что именно это освобождение от пошлин, связанных с производством и обменом продуктов, стоит на первом месте, оставляя далеко позади юридические и прочие льготы. В своих собственных интересах граф был вынужден основать «убежище» и дать ему важные привилегии, прежде для простолюдинов совершенно недоступные. Неодолимый процесс городского развития вынуждал сеньора перестраиваться и, чтобы не упустить из рук золотиносных источников городского накопления, отказываться от старых и искать новых методов и приемов эксплуатации товарного обращения.

Возникновение привилегированного «убежища» для новоселов развязало давно копившиеся антисеньориальные силы в самой Тулузе. В 1141 году Алфонс-Журден, давая всем горожанам Тулузы несколько важнейших для них вольностей экономического свойства, прежде всего предоставляет им («каждому мужчине и женщине») право свободной продажи своего вина в любое время года без какой-либо пошлины². Едва ли графу было легко принести этот, по его словам, добровольный и бескорыстный дар («*mea bona et gratuite voluntate*»), но ведь по сути дела именно тулузцам он был обязан возвращением на свой княжеский престол, который перед тем вынужден был покинуть, спасаясь от новой узурпации Тулузского графства Гильемом Аквитанским. А его верные тулузцы, видимо, достаточно настойчиво требовали отмены ненавистой пошлины с винной торговли.

Обратим внимание, что хартия освобождает от пошлины только тех, кто продает «свое вино», т. е. вино, полученное из винограда, выращенного на своих владениях. Очевидно, к этому времени виноградарство в самой Тулузе и непосредственно за ее стенами распространилось широко. Недаром в той же графской хартии городу (и, пожалуй, только в ней) уточняется, что вольность даруется не только жителям Ситэ и Бурга, «но также всем, кто проживает или когда-либо будет про-

¹ HGL, V, № 454.

² «...quisque homo et femina libere vandat vinum suum omni tempore quo voluerit, sine ullo usatico quod inde nunquam donet alicui homini vel femine». Cart. Bourg., № 1.

живать вокруг города и вокруг бурга»¹. Не в это ли время именно виноградарство превратилось в важнейшую, абсолютно господствующую отрасль земледелия тулузских горожан, поскольку они занимались земледелием?

Но это виноградарство отнюдь не было чисто потребительским. Ведь горожане добивались отмены именно пошлины с продажи вина. Это было торговое земледелие и виноделие. Требования тулузцев, посредством хартии Альфонса-Журдена, получившие легальную силу, явно преследовали двоякую цель: во-первых, сбросить гнет графской торговой пошлины и, во-вторых, насколько возможно устранить конкурентов.

Первым привилегированным конкурентом, против интересов которого были направлены постановления хартии, был сам тулузский граф. В самом деле, и то, что граф разрешил теперь каждому тулузцу свободно продавать свое вино в любое время, когда пожелает, без какой-либо пошлины, и содержащийся далее намек на то, что до тех пор пошлина взималась от сентябрьского праздника св. Марии до праздника Всех святых (1-го ноября), и отмеченное выше в дарственной грамоте Гильема IV госпиталю св. Раймунда (около 1080 года) ограничение количества вина, каковое госпиталь мог продавать беспошлинно, пятью модиями,— все это позволяет заключить, что тулузский граф был не только собирателем торговых пошлин, но и сам участвовал в торговле вином. Но участвовал он отнюдь не на равных с прочими правах, а как сеньор города, защищенный феодальной монополией: во время сбора винограда и самых высоких цен на вино только он мог продавать его свободно, все прочие в этот период допускались к продаже вина только по уплате ему же особой пошлины — одного денье с каждого вьюка вина.

Хартией 1141 года не только отменялась ненавистная пошлина, но и ликвидировалась графская торговая монополия, особое привилегированное положение одного товаровладельца, и тем самым граф, низведенный до уровня прочих продавцов вина, устранялся как наиболее опасный конкурент горожан на винном рынке Тулузы.

Затем хартия должна была защитить торговлю городских виноделов от конкуренции привозного вина. Отмена пошлины не распространялась на чужаков (*homines extranei*), привозивших в Тулузу вино для продажи. Более того, текст хартии заставляет предположить, что эта пошлина, визи-

¹ «...et etiam omnibus qui habitant et unquam habitabunt circa urbem et circa burgum». Cart. Bourg, № 1.

мавшаяся прежде, видимо, только в период сбора винограда и непосредственно после него, теперь для приезжих виноделов была распространена на весь год. Но, и уплатив пошлину, они могли продавать вино только оптом — целыми вьюками, т.е. дешевле¹.

Кто же были эти «чужие люди», откуда они приезжали? В хартии сказано, что они проживают «в городах, местечках и других населенных пунктах», а из позднейшего источника мы узнаем, что лучшие сорта вина привозились в Тулузу из Бальма, Ланта, Верфей, из Карамана². Все это — приблизительно в радиусе 15 км от Тулузы. Должно быть, отсюда подвоз вина в Тулузу осуществлялся систематически, и в этой-то городской округе скупали вино тулузские виноделов-перекупщики, «которые выезжают за город закупать вино»³.

Это позволяет утверждать, что уже в первой половине XII века в Тулузе сложился локальный винный рынок. И рынок этот изобиловал вином. Конкуренция здесь развилась весьма рано. Не удивительно, что тулузские виноделы старались поставить приезжих виноделов в неравные условия, снизить их конкурентоспособность.

Но в хартии 1141 года находим и нечто большее: тулузские виноделов, которые скупают вино вне города и затем привозят в Тулузу для перепродажи, в отношении уплаты виноделовой пошлины поставлены в те же условия, что и купцы-чужаки⁴. Выходит, что графская монополия отменена, и выгода от этой отмены принадлежит всем. Но право беспошлинной торговли вином получили лишь тулузцы и опять-таки не все, а только продавцы «своего вина». Это одно из убедительных свидетельств того, что не купечество было ведущей силой в зарождавшемся и раннем тулузском консулате.

Чем объяснить, что в неравноправное положение по сравнению с другими горожанами были поставлены тулузские

¹ «Homines vero extranei, qui foris habitant in villis aut in castris vel in aliis locis, habeant eundem usaticum quem solent habere, de festo sancte Marie Septembris usque ad festum omnium Sanctorum, et deinde de festo omnium Sanctorum usque ad festum sancte Marie Septembris, de quaque saumata quam attulerint, donent domino I denarium et vendant suam saumatam integram, sine mensura». Cart. Bourg, № 1.

² Ibid., № 93.

³ Ibid., № 1.

⁴ «sed vinatarii istius ville, qui foris ibunt emere vinum et in hanc villam revendere portaverint, dent de quaque saumata I denarium domino et vendant». Ibid.

купцы, скупавшие вино вне города? Ведь они тоже были горожанами. Но они торговали чужим вином. Дело не только в том, что они наживались на не очень благовидной, с точки зрения средневековой этики, перепродаже того, чего сами не произвели. Важнее другое. Они сбывали на тулузском рынке деревенское вино, затрудняя тем самым сбыт вина, произведенного горожанами, т.е. выступали как конкуренты горожан.

Нелегко с полной уверенностью ответить на вопрос, у кого же именно скупали вино эти тулузские перекупщики, управлявшиеся за своим товаром «за город». Едва ли можно сомневаться, что какую-то долю в их балансе составляло крестьянское вино. Однако вряд ли эта доля была велика. Посредством таски, десятины и начатков лишенный половины (а то и более) произведенного винограда (а на виноградниках, как мы видели выше, все эти поборы неукоснительно взимались в натуре) крестьянин не мог ни произвести, ни тем более продать купцу сколько-то значительного количества вина. Кроме того, о слабости рыночных связей крестьянства Тулузена выразительно свидетельствует крайняя незначительность денежных цензов в общей массе крестьянских повинностей.

Иное дело феодалы. С помощью продуктовой ренты, десятины и начатков они аккумулировали в своих руках массу винограда и, очевидно, выбрасывали на рынок львиную долю вина, производившегося в деревне. Возможно, что в какой-то мере продажа вина осуществлялась самими сеньорами через лиц их вотчинной администрации. Но примечательно, что, например, на препятствия, чинимые на пути следования на тулузский винный рынок из Памье, тулузскому судье в 1255 г. жаловались не сеньоры, а консулы Памье от имени общины (*universitas*) города¹. Видимо, феодалы, как правило, сбывали свое вино через купцов-винооторговцев. Тулузские перекупщики *vinatarii* сбывали в основном поместное вино.

После того, что было сказано выше в связи с анализом хлебного рынка, едва ли есть необходимость подробно останавливаться здесь на том, что широкое участие феодалов в торговле вином должно было и в поместном виноградарстве явиться стимулом консервирования отношений продуктовой ренты.

¹ HGL, VIII, № 449.

Но кто были те продавцы «своего вина», кто стремился устранить конкуренцию винооторговцев-перекупщиков? Если сопоставить тулузский рынок вина с хлебным рынком в том же городе, то в глаза не может не броситься противоположность ситуации. В то время, когда в области торговли хлебом чем дальше, тем сильнее проявлялось стремление привлечь на рынок больше привозного товара и (хотя и не полностью) сблизить условия торговли приезжих и местных продавцов зерна, на винном рынке наблюдалась обратная тенденция — настойчивого отеснения чужих винооторговцев и даже тулузских купцов-профессионалов, перекупщиков вина.

Поскольку хартия 1141 года защищала интересы тулузских горожан именно как продавцов вина, ясно, что источник этой тенденции скрывался отнюдь не в натуральнохозяйственной замкнутости городского виноградарства и виноделия, а в их ярко выраженной товарной направленности. Только интенсивное развитие в городе и под городом торгового виноделия могло породить так рано острую конкурентную борьбу на тулузском винном рынке.

Разумеется, товарность крохотных виноградников мелких ремесленников не могла быть значительной. Их назначение было действительно по преимуществу потребительским, подсобным. Но виноградарство более зажиточных горожан, а также жителей непосредственно подгородной зоны — за стенами обеих частей города (*circa urbem et circa burgum*), где виноградная лоза заняла значительные пространства (см. выше), имело ярко выраженную товарную направленность. В условиях Тулузы, как нам представляется, именно в этой отрасли земледелия, в виноградарстве, в наибольшей мере проявлялись аграрные черты городского хозяйства. Выполняя в какой-то мере подсобно потребительские задачи, эти аграрные занятия горожан в главном и основном имели рыночную ориентацию, были составною частью товарной экономики города.

Но дело не ограничивалось собственно городским и непосредственно подгородным виноградарством. Да и трудно представить, что на столь чувствительную для его интересов уступку граф пошел, только внемля пожеланиям массы мелких или даже рядовых зажиточных горожан. Ведь понятие «свое вино» отнюдь не должно было означать только вино, произведенное своими руками, но гораздо шире — непокупное вино, вино со своих земель. А богатых тулузцев, обладавших виноградниками в городской округе, и нередко — больш

шими виноградниками, требовавшими для своей обработки чужого труда, в Тулузе XII—XIII вв. было уже немало.

Уже в первой половине XII в. с помощью ипотеки, купли и приобретения (фактически также покупки) ленов богатые горожане начали проникать в городскую округу (преимущественно в радиусе 10—15 км). Одним из важнейших видов принадлежавших им здесь угодий были виноградники. Среди владельцев преобладали патрицианские фамилии¹. В качестве владельцев подгородних виноградников не столь большого масштаба встречаются и зажиточные бюргеры, не входившие в состав патрицианской верхушки². Но патрицианское землевладение было здесь абсолютно преобладающим. И именно это патрицианское виноградарство и виноделие явилось, по всей видимости, тою главной силой, которая вырвала у графской власти уступку 1141 г.

Значит, это виноградарство, опиравшееся на использование чужого труда, было сугубо товарным. Его развитие отразило быстрый подъем города, бурное возрастание его населения и складывание устойчивого локального рынка вина. Затем географические рамки этого рынка расширяются. Видимо, в XIII столетии формируется в Тулузе обширный региональный рынок вина. Так, в 1255 году мы узнаем о систематическом привозе в Тулузу вина из Памье (около 55 км к югу от Тулузы, вверх по Арьежу)³.

Это уже совсем иной радиус и иная сфера экономического тяготения. Но такое расширение должно было еще более усилить конкуренцию на Тулузском винном рынке. Широко стала практиковаться торговля вином с помощью наемных глашатаев. Пытаясь защитить тулузских виноделов от конкуренции лучших сортов вина, поступавших из Тулузена, городской консулат в 1221 году специальным постановлением ограничил возможности такой рекламы лучших сортов привозных вин⁴.

Следует также иметь в виду, что очень серьезным конкурентом горожан в торговле вином была церковь, особенно крупнейшие монастырские общины. Так, например, богатейшее и, надо сказать, энергичнейшее в своей хозяйственной

¹ Де Турре, де Клаустре, Дейде, Баптизаты, Арнауты, Астрэ, Баррау и др. См. Cart. S.-Sernin, №№ 9, 52, 54, 56, 78, 84, 92, 93, 96, 100, 102, 108, 121, 128, 139, 147, 154, 376, 404, 554. Cartulaire général de l'Ordre du Temple (1119?—1150), publ. par D'Albon. Paris, 1913, № 20.

² Cart. S.-Sernin, №№ 28, 82, 100, 121, 128, 495, 496; Ap., № 66.

³ HGL, VIII, N 449.

⁴ Cart. Bourg, № 93.

экспансии цистерцианское аббатство Грансельв (около 40 км к северу от Тулузы, вниз по Гаронне) в XII в. настойчиво собирало дарения с виноградниками¹, а также широко практиковало насаждение лозы в приобретенных владениях². В столь широких масштабах виноград возделывался, несомненно, в целях торговли вином.

Острая конкурентная борьба на тулузском винном рынке должна была способствовать поискам иных возможностей сбыта и выталкиванию части производимого здесь вина во внешнюю торговлю. Приблизительно с середины XIII столетия отмечается более или менее систематический вывоз тулузского вина по Гаронне в Аквитанию. Из Бордо это вино шло в Северную Францию, Фландрию и, особенно, в Англию. К началу XIV века этот экспорт становится и регулярным, и довольно значительным по объему³.

До конца интересующего нас периода вино продолжало оставаться одним из важнейших товаров на тулузском рынке. По спросу, по повсеместной и, можно сказать, повседневной потребности в нем этот товар в средние века уступал только хлебу. К тому же виноград, в отличие от зерновых, требующий значительно меньших площадей, был сельскохозяйственной культурой, наиболее удобной для возделывания в условиях города и в непосредственно пригородной зоне, наиболее совместимой с городскими занятиями. Вот почему этот вид земледелия, наряду с садоводством и огородничеством, игравшими подчиненную роль, должен был полностью или почти полностью вытеснить хлебопашество не только из города, но также из непосредственно пригородной зоны Тулузы.

Это вытеснение, насколько можно судить, происходило широко еще в XII в., оно было продиктовано интенсивным развитием Тулузы как торгово-ремесленного центра. Хартия 1141 года, отвоєванная рождавшейся тулузской коммуной, должна была явиться могучим стимулом дальнейшего развития тулузского виноградарства, виноделия и виноторговли: графская монополия была сломлена, торговля иногородних

¹ Catalogue des actes de l'abbaye de Grandselve (HGL, V), №№ 312, 465, 467, 502, 540.

² Ibid., №№ 712, 758.

³ Так, по данным регистра английского коннетабля Бордо, приводимым Ш. Игунэ, в 1306—1307 гг. только из городов северной части Тулузена — из Монтобана, Муассака, Кастельсарразена и Лявильдьё — в Бордо поступило свыше 8300 бочек вина. См.: Ch. Higounet. Occupation du sol, p. 328.

купцов и тулузских перекупщиков, торговавших деревенским, в основном поместным, вином, была существенно потеснена, а горожане — производители и продавцы вина — приобрели на городском рынке наиболее благоприятные условия.

Дальнейшая политика консулата, как было отмечено, действовала в том же направлении. А Тулузский кутюм закреплял за горожанами Тулузы (правда, в дальнейшем этот пункт также был отменен королем) особое право продавать вино, так же как и зерно, любой мерою, какую они пожелают, даже без коммунального клейма¹.

В XIII в. виноград в основном одолел и вытеснил из-под стен Тулузы полевые культуры. Они были наименее совместимы с ведущими и наиболее доходными городскими занятиями. В этом же направлении действовало и развитие рынка. Обещая большие доходы продавцу вина, оно вместе с тем гарантировало горожанину обеспечение его продовольственных нужд покупным хлебом. В XIV в. в иных экономических условиях начался, как отмечает Ф. Вольфф, процесс обратного вытеснения в районе Тулузы виноградной лозы зерновыми культурами².

¹ Coutumes de Toulouse, art. 103a, 103b.

² Ph. Wolff. Commerces, p. 176.

Т. М. НЕГУЛЯЕВА

ВОЗНИКНОВЕНИЕ СВОБОДНОЙ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В СТРАСБУРГЕ И ЕЕ СУДЬБЫ В XIII — НАЧАЛЕ XIV ВЕКА

Свободное городское держание, оформившееся в средневековых городах к XIII веку, несмотря на все его привилегии по сравнению с поместным, не могло полностью отвечать интересам бюргерства. В условиях феодализма поземельная зависимость — в какой бы то ни было форме и степени — делала неустойчивой, негарантированной и личную свободу, и свободу в распоряжении имуществом, то и дело создавая почву для рецидивов феодального произвола¹. Естественно поэтому, что остановиться на стадии свободного городского держания земельные отношения не могли. Возникало, усиливаясь по мере торгово-ремесленного развития города, стремление к полному высвобождению земли из-под власти феодалов, к полному объединению в руках держателей права распоряжения и пользования (*dominium directum et dominium utile*), к установлению полной частной собственности на землю.

Немецкие буржуазные исследователи², изучавшие городские земельные отношения, обойти стороной этот процесс не могли: он был слишком заметен и важен в городской жизни, но результаты их исследования нельзя считать верными и полными. Одни из этих авторов, правильно оценив общее направление в развитии городских земельных связей, тем не менее

¹ Достаточно вспомнить обстановку, сложившуюся в Страсбурге в конце 50-х годов XIII века и приведшую к вооруженному столкновению городской общины с епископом в 1262 г.

² В советской исторической литературе эта тема пока не нашла своего исследователя.

переоценили степень их «буржуазного» перерождения и видели свободную собственность на недвижимость даже там, где эта недвижимость еще облагалась чиншем в пользу верховного собственника, следовательно, не выходила из рамок держания по городскому праву¹. Другие же, напротив, фактически отрицали все новое, что сложилось в практике городских земельных отношений, и приравнивали их к обычным феодальным².

Изучение материала частнопроводных земельных сделок, заключенных в Страсбурге в XIII—начале XIV века, может представить конкретный путь постепенной перестройки в отношении собственности на землю, т. е. в наиболее существенной области феодальных общественных отношений.

В 1210 г. в страсбургских грамотах встречается первая запись, по которой можно судить о попытке ликвидировать верховное право собственности феодала на земельный участок: вдова пекаря Зигфрида попыталась присвоить усадьбу, принадлежавшую церкви св. Томаса³. Грамота не говорит о подробностях тяжбы, видимо, вдова отказалась платить чинш каноникам, суд решил дело в пользу церковников, но важен сам факт такой попытки. Вероятно, в начале XIII в., а может быть, и несколькими десятилетиями раньше, в Страсбурге уже бывали случаи, когда ремесленники и другие бюргеры-простолюдины становились обладателями недвижимости по праву полной частной собственности, т. е. собственности, никакими чиншами и обязанностями не обремененной. Иначе подобная тяжба не могла бы возникнуть: должностные лица церкви попросту согнали бы со двора вдову-самозванку без всякого судебного разбирательства.

В пользу такого мнения свидетельствует и еще один факт. За городской стеной, неподалеку от южных ворот, на реке Илле лежало местечко Иल्लीрх. Там располагалось большинство страсбургских мельниц, собственниками которых были, как правило, монастыри и церкви. Город на протяжении столетий пытался заполучить эти мельницы, но и в XIV в. ему не удавалось вырвать Иल्लीрх из рук церковников. Тем более интересным кажется решение тяжбы по поводу одной из этих

¹ Arnold W. Zur Geschichte des Eigentums in den deutschen Städten. Basel, 1861.

² См.: Rietschel S. Die Entstehung der freien Erbleihe. Zeitschrift der Savigny — Stiftung für Rechtsgeschichte. G. A. Bd. XXII, 1901.

³ Urkundenbuch der Stadt Strassburg. Strassburg, 1878—1884. Bd. I, № 153. (В дальнейшем — Urkundenbuch).

мельниц. Это было весьма доходное владение: трехвальная мельница, к которой «относились» три манса лесного выгона и четверть манса «плодоносного поля». Капитул церкви св. Петра считал мельницу своей собственностью, но в 1187 г. предъявил свои притязания на третью часть этого владения некий клирик Эберхард. Тяжба затянулась, стороны обратились в епископскую курию¹. Видимо, притязания Эберхарда имели какое-то реальное обоснование, ибо епископ, хотя и присудил мельницу церкви, но обязал каноников выплатить клирику 17 ливров страсбургской монетой. И тут в тяжбу вмешалось еще одно лицо: Гумберт, «почтенный гражданин Страсбурга, родом из Ломбардии, врач (medicus) по профессии», он уплатил капитулу 8 талантов и «освободил для себя и наследников своих дом в квартале шорников и упомянутую мельницу в Иल्लीрхе от всякого обязательства, которым он мог быть обязан капитулу св. Петра»².

Собственно, эти два документа, приведенные выше, уже дают представление о том, какими путями складывалась полная частная собственность на недвижимость в Страсбурге: либо через выкуп чинша, либо через захват земли, отказ платить этот чинш. Трудно сказать, какой способ был более употребительным. Запутанность держательских связей, возраставшая по мере того, как ширились права держателя на свободное завещание, отчуждение третьему лицу без согласия собственника и т. д. в самом деле часто приводили к тому, что верховный собственник утрачивал возможность доказать свое *dominium directum* на участок и терял не только землю, но и чинш. В 1224—1228 гг. в списках чиншевых участков соборной церкви сделана выразительная запись: «участок близ Брантхофа должен давать 2 унции. Этот участок *marschalcus* незаконно присоединил к своему двору. Не дает чинша, говоря, что это его право»³. И далее в тех же списках: «Известно, что участок в Витенгассен, который внес мирянин Хетцель и с которого нам следовали 4 солида, и участок близ церкви св. То-

¹ Urkundenbuch. Bd. I, № 122.

² Ibid. Многие кажется странным в этом документе: церковь так упорно не хотела уступить клирику даже треть владения, а тут продала его целиком и не за такую уж высокую цену. Сам Гумберт, конечно, работать на мельнице не будет, вероятно, сдаст ее в держание, — но среди документов больше нет упоминания об этом объекте. Неизвестно, удалось ли Гумберту и его наследникам сохранить мельницу в своих руках, но один из его сыновей стал каноником св. Петра, так что возможно, что мельница вернулась к прежнему собственнику.

³ Ibid. Bd. IV, Theil I, № 25.

маса, с которого шли 4 солида 3 денария, утрачены»¹. Разумеется, церковники не мирились с таким исходом дела, и нередко им удавалось отстоять землю или дома, ускользавшие из их рук. Например, в 1243 г. четверо держателей продали манс, который они получили от конвента монастыря св. Екатерины, бюргеру Гуго. Гуго отказался от каких-либо платежей в пользу монастыря и только после вмешательства соборного капитула был вынужден признать за собой чинш в 10 фунтов². В 1301 г. горожанин Страсбурга Арнольд Рибенаг и его сыновья признали, что они не имеют никакого права собственности на дом и участок, которые некогда принадлежали Генриху Фогелину, и обязались чиншем в пользу приорства францисканцев³.

Не менее часто встречаются в документах иные сведения: горожане стараются выкупить чинш со своих дворов, усадеб или домов. Одна из первых грамот такого рода от 1272 г.: монастырь св. Екатерины продал два участка, «на одном из которых живет Бертольд де Фирстенберг, названному Бертольду за 28 марок серебром»⁴. В 1333 г. монастырь св. Елизаветы продал бюргеру Генриху Мюльнхейму чинш в 2 фунта, который Генрих платил монастырю за дом, участок и усадьбу (de domo, de area et curia)⁵. В том же году выкупил чинш со своей усадьбы и бюргер Иоганн Вольве: он платил Кларе, дочери страсбургского рыцаря, один фунт денариев и давал двух каплунов, а выкупил этот чинш за 19 фунтов⁶. Вильгельм-мясник платил бюргеру Эбелину де Мунольцхейму «9 солидов без четырех денариев» за два прилавка (de duobus scampris) в рынке мясников; в 1334 г. он выкупил этот чинш за 5 фунтов денариев, став собственником этих прилавков⁷. Жакелино Дрибель был держателем дома и усадьбы, принадлежавших Делии де Мардей, за 15 унций и 2 денария. В 1335 г. он уплатил собственнице чинша 15 фунтов денариев, выкупив таким образом «все права собственности и владения» на прежний чиншевой участок⁸. Выкупали чинш не только с домов, но и с пахотной земли, — правда, такие сделки редки... Так, в 1339 г. Агнеса, вдова горожанина Буркарда де Виссэ, выкупи-

¹ Urkundenbuch. Bd. I, № 153.

² Ibid., Bd. I, № 281.

³ Ibid., Bd. III, № 443.

⁴ Ibid., № 52.

⁵ Ibid., Bd. VII, S. 7, 8.

⁶ Ibid., S. 6, 7.

⁷ Ibid., S. 24.

⁸ Ibid., Bd. VII, S. 36.

ла чинш в 10 шиллингов, которым она была обязана за «поле, плодоносящее в деревне Ротенкирхен»¹.

Эти и подобные им сделки не были инфеодацией: всякие платежи с недвижимости прекращались, все права бывших собственников ликвидировались (причем обычно эту ликвидацию прав подтверждали жена, дети, а зачастую и другие родственники, подтверждали от своего имени и от имени наследников своих, которых в тот момент иногда и на свете не было) — и бывший держатель становился полным собственником своего чиншевого участка.

Обращает на себя внимание то, что нет ни одного документа, в котором выкупался бы чинш с участка, только что поступившего в держание, с новообразованного владения. В каждом случае держатель сидит на этом агеа уже не первый год; а если речь идет об участке-усадьбе, то, как правило, выясняется, что держатель уже застроил ее и, главное, он собственник этих построек, — выкупные платежи к дому и прочим строениям не относятся, условия сделок говорят только о выкупе земли².

Не так уж много актов об уничтожении чинша, о выкупе прав собственности сохранилось среди страсбургских документов. Но можно предположить, что сделки такого рода были многочисленнее, чем сохранившиеся грамоты. Иначе невозможно объяснить тот поток актов купли-продажи недвижимости, который развивается в Страсбурге в конце 70-х годов XIII в. Конечно, многие бюргеры, независимо от социального положения, продолжают оставаться держателями по городскому или ленному праву или заново вступают в держательские отношения. Но наряду с этим какая масса продаж домов и усадеб! Причем сделки оформлены так подробно, так дотошно, что нельзя заподозрить в них скрытую инфеодацию, и если уж с недвижимости предусмотрен чинш, то обязательно указано, кому, сколько, в какие сроки он уплачивается. Чтобы не возникало каких-либо кривотолков и тяжб после купли-продажи (явление-то новое, куда привычнее было «держат», чем приобретать в собственность), в грамотах, особенно в ранних, самый акт продажи всячески подчеркивается и усиливается. Например, в 1261 г. бюргер Гуго Сарбург продал бюргеру Дитриху, «его детям и наследникам навечно каменный дом, который в просторечье называется штейнхофе, для вла-

¹ Urkundenbuch, Bd. VII, S. 69.

² См., например, Urkundenbuch. Bd. III, №№ 59, 315, 31 и др.

³ Средневековый город

дения по праву собственности, для содержания и владения и совершения (с ним) что бы ему и детям его ни угодно было, за 25 с половиной марок серебра страсбургского веса»¹.

К концу XIII в. эта формула продажи постепенно упрощается и сокращается, но в ней обязательно говорится: «продали и передали для вечного владения по праву частной собственности». И эта формула не случайна: ведь можно было продать, но не «передать для владения», остаться на проданном участке в качестве держателя.

Насколько новыми и непривычными были поначалу отношения частной собственности, можно судить по таким фактам. В 1292 г. страсбургский рыцарь Буркард де Римундехейм продает собору двор, «который в просторечье называется Кельбелинехоф», за 80 марок серебра. Грамота удостоверяет: «Иоганн Кельбелине заявил, что никаких прав в том дворе он не имеет, а если и имеет, то отказывается от них в пользу собора»². Видимо, Иоганн давно продал или иным путем утратил этот двор (ведь рыцарь продает его «свободно именем вечной собственности»³), а двор все еще носит его имя и тогда, когда отказ его от всех прав зафиксирован в грамоте. И это вовсе не единичный случай. В 1284 г. бюргер Рюдгер и его сестра продают «часть свою в доме, который некогда принадлежал Эберлину Шпизеру»⁴. В 1264 г. рыцарь Фридрих де Тан продает приорству св. Елизаветы «усадьбу, которая называется herrn Stehellene hof»⁵. Штегеллины—известный в Страсбурге род епископских министериалов, им принадлежали многие дома и усадьбы в городе. Допустим, что они недавно уступили эту усадьбу рыцарю Фридриху, поэтому она и в 1264 г. носит имя прежних собственников. Но вот проходит около тридцати лет, и в 1302 г. приорство св. Елизаветы «из-за общей необходимости сестер» продает эту усадьбу Катарине, дочери главной кухарки монастыря, а усадьба по-прежнему называется herrn Stehellene hof⁶.

Размеры чиншей и цена на дома и усадьбы не оставались постоянными. Документы отразили их эволюцию, причем особенно заметна эта эволюция на протяжении 60—70 лет: с 70-х годов XIII века по 30-е годы XIV века.

¹ Urkundenbuch. Bd. I, № 479.

² Ibid., Bd. III, № 269.

³ Ibid.

⁴ Ibid., № 177.

⁵ Ibid., Bd. I, № 565.

⁶ Ibid., Bd. III, № 476.

Как правило, до XIV в. чинши с домов и усадеб остаются высокими, в среднем их размеры колеблются от 10—12 солидов до 20 марок (возможно, в зависимости от величины дома или двора, но, по-видимому, не всегда; случалось, что за четверть дома брали чинш больший, чем за целый дом, или за 2 дома меньше, чем за один)¹. Цена же дома без усадьбы составляла от 15 до 36 марок, цена дома с усадьбой достигала 70 марок, но такие высокие цены—редкость². До XIV в. грамоты называют цену в 70 марок всего один раз³. По одному разу названы суммы 60 и 68 марок⁴, один раз—46 марок⁵; как правило, покупная цена выше 30 марок не поднималась, составляя обычно сумму годового чинша или немного превышая ее.

Положение резко изменяется на рубеже XIV века. Размеры земельных и «домовых» чиншей уменьшаются и, можно сказать, стабилизируются. Все чаще в документах встречаются одни и те же цифры: не выше 1—2 фунтов, с каплунами или без них. Очень редко встретишь чинш, превышающий эти размеры. Например, в 1312 г. в одной из грамот зафиксирован платеж в 5,5 фунта, в 1313 г.—3 фунта. Чаще же всего называются суммы от пяти до десяти солидов. Но зато на глазах возрастает покупная цена домов, лавок, усадеб, мельниц, прилавков на городских рынках, причем эти объекты все чаще дробятся; в документах то и дело фигурируют половина, четверть, треть, пятая часть дома, половина мельницы, девятая часть пекарни и т. д. За дом с усадьбой теперь платят 154 фунта серебра⁶, за одну шестую часть дома—20 марок⁷ (а в 1261 г. бюргер продал каменный дом за 25,5 марок⁸), за половину мельницы—112,5 фунтов⁹.

Эти десятилетия—70-е годы XIII—30-е годы XIV века—были временем наивысшего расцвета Страсбурга; после победы у Хаузбергена власть сеньора-епископа была сведена к минимуму, фактически городской совет стал истинным господином во внутренней и внешней политике, многие монастыри и свет-

¹ Urkundenbuch. Bd. III, № 476.

² В грамоте 1264 г. названа цена в 240 марок, но ведь там, кроме усадьбы, продаются еще и участок с капеллой и право патронажа над капеллой.

³ Urkundenbuch. Bd. III, № 268.

⁴ Ibid., №№ 117, 134.

⁵ Ibid., № 194.

⁶ Ibid., № 587.

⁷ Ibid., Bd. I, № 479.

⁸ Ibid., № 45.

⁹ Ibid., Bd. VII, S. 38—39.

ские феодалы искали союза с городской общиной и не рисковали вступать с нею в распри. Избавленная от многих платежей в пользу епископского фиска, страсбургская торговля переживает подъем, то же можно сказать и о городском ремесле¹. Не случайно на эти же годы приходятся заметные перемены в поземельных отношениях. После поражения епископа в 1262 году многие его министриалы покинули город, вернувшись, по всей вероятности, в свои сельские поместья². Городские же их владения в большинстве случаев были ликвидированы. Правда, ни в договоре 1263 г., ни в позднейших городских хартиях нет требования удалить из города министриалов и других ленников епископа и союзных с ним церковников — как бывало во многих немецких³ и французских городах⁴ — но, видимо, и без такой статьи в городском праве можно было сделать жизнь в городе малопривлекательной, иначе чем объяснить это многочисленное бегство недавних сторонников епископа в поместья? Конечно, очень большая часть их городских владений попала в руки церкви и монастырей через покупку⁵ и, еще чаще, в результате дарений⁶. Но кое-что попадало и в руки бюргеров, иногда покупавших дома и усадьбы, иногда бравших их в качестве держания. Во всяком случае мобилизация городских земель, и прежде более заметная здесь, чем в деревенской округе, теперь становится особенно интенсивной, под влиянием не только экономических, но и политических факторов. Причем стремление бюргерства получить недвижимое имущество в полную частную собственность, свободную от каких-либо феодальных платежей и обязанностей, становится настолько сильным и настолько соответствует условиям городской жизни, что старая форма земельных отношений удержаться здесь оказалась не в состоянии. Частнособственнические отношения, давно сложившиеся в ремесленно-торговой сфере деятельности горожан, пробилась и в земельные связи, как ни противились этому феодалы.

Характерное противоречие городской жизни: среди город-

¹ Schmoller G. Strassburgs Blüte und die Volkswirtschaftliche Revolution im XIII. Jahrhundert. Strassburg, 1875.

² См. в кн.: Bogries. Geschichte der Stadt Strassburg. Strassburg, 1909.

³ Орпинский Ф. Приморские, вендские города и их влияние на образование Ганзейского союза до 1370 г. Киев, 1877.

⁴ Ляскоронский В. Филипп-Август в его отношении к городам. Киев, 1902.

⁵ Urkundenbuch. Bd. I, № 565 etc.

⁶ Ibid., Bd. I, № 520; Bd. III, № 5 etc.

ских жителей именно ремесленники и торговцы должны были бы особенно активно стремиться к полному освобождению своих домов, усадеб и иной недвижимости от каких-либо феодальных платежей, тем не менее первыми освобождают свои владения, превращая их в свою частную собственность, министриалы и рыцари. Уже в середине XIII века они то и дело свободно распоряжаются землей в Страсбурге и в округе, не испрашивая согласия у верховных собственников, епископа и монастырей.

В 1251 г. один из епископских министриалов, Рейнбольд Штубенвег-старший, выкупил pro allodio proprio «девять с половиной участков», которые он держал в качестве феода от Вальтера-Шультгейса, министриала; сам Вальтер получил эти участки в феод от епископа¹. В 1235 г. рыцарь Отто де Стоцхейм продал свои ленные владения в Вестхузене — 32 поля и 4 луга — каноникам св. Томаса, и ландграф Эльзаса, Генрих де Верде, ленником которого по данным владениям был этот рыцарь, вынужден был признать сделку законной². В 1259 г. рыцари Гуго и Лентфрид из рода Штейнбургетор, старинного рода епископских министриалов, и рыцарь Вернгер Штамф продали за 130 марок усадьбу со всеми относящимися к ней постройками, расположенную около городских ворот, в месте, именуемом Штейнбургетор. Все права «господства и собственности» на эту усадьбу получил покупатель Вальрам де Герольдзекке, декан Шпейерской церкви³. Род Штейнбургетор получил эту усадьбу и башню в крепостной стене в лен от епископа еще в начале десятого века⁴, но в документе нет ни слова о каком-либо согласии епископа на продажу, о каком-либо платеже в его пользу с этой сделки, а ведь по феодальному праву сеньор должен был получать определенную долю продажной суммы, если вассал продавал свой феод. Сделка 1259 г. оформлена не в городском совете, а в епископской курии, но никакого участия епископа в ней не отмечено. Документы подобного рода, как уже отмечалось, составлялись очень подробно, с оговорками по поводу различных условий, платежей и прав. Допустить, что в данном случае просто опущено согласие епископа, невозможно, ибо сохранилось достаточно грамот, в которых ленники епископа и других феодалов продают свои владения, и везде согласие сеньора-собственни-

¹ Urkundenbuch. Bd. I, S. 264—265.

² Ibid., № 242.

³ Ibid., № 440.

⁴ Achtnich. Der Bürgerstand in Strassburg bis zur Mitte des XIV. Jahrhunderts. Leipzig, 1901, S. 7.

ка оговорено и подчеркнуто. В 1279 г. сыновья рыцаря Арнольда фон Хиттенхейма, которые держали как лен от епископа двор возле церкви св. Андреаса, получили разрешение продать этот двор «кому пожелаю, без противодействия со стороны сеньора. Получатель уплатит сеньору (епископу) 20 марок»¹.

Если же рыцарь выкупал свой лен у сеньора, как поступил в 1251 г. Рейнбольд Штубенвег (а такие случаи в XIII—XIV вв. довольно часты), то этот выкуп не только зафиксирован в специальной грамоте, но и в течение ближайших лет, иногда десятилетий, о нем упоминается в каждой сделке, заключенной по поводу таких бывших, выкупленных, ленных владений. Упомянутый выше Рейнбольд Штубенвег продал выкупленный у епископа лен капитулу церкви св. Петра². Прошло 11 лет, капитул продает часть этих земель монастырю в Эккехольцхейме и в сделке подробно напоминает, каким образом эта бывшая собственность епископа попала в его руки³. Так же поступает и рыцарь Фридрих де Тан: продавая монастырю св. Елизаветы двор, он в грамоте указывает, как этот двор, некогда принадлежавший «господину Штегеллину» и поныне носящий его имя (herrn Stehellines hof), стал его собственностью⁴. Эти оговорки и ссылки на давние грамоты были необходимы при запутанности городских земельных отношений. Время от времени епископская курия предпринимала проверку ленных владений, уточняла права церковников на городские земли и обязывала держателей и ленников неукоснительно платить чинши, от которых рыцари и министерялы пытались избавиться без всякого выкупа. При таких проверках, конечно, важно было располагать документами, в которых законные права нынешнего собственника выводились бы ab ovo. В противном случае грозила утрата прав собственности. Так, в 1286 г. епископская курия провела расследование о городском участке в Сгитенове, которым владел в то время рыцарь Гуго де Фегерсхейм. Рыцарю пришлось признать, что он «не имеет никакого права на участок в Крутенове. А если что и имеет, то возвращает настоящей записью страсбургской церкви»⁵. В 1326 г. рыцарь Гуго Шуп после судебного разбирательства признал, что он должен уплачивать монастырю св. Стефана «две унции за

¹ Urkundenbuch. Bd. III, № 118.

² Ibid., Bd. I, № 439.

³ Ibid., Bd. III, № 29.

⁴ Ibid., Bd. I, № 565.

⁵ Ibid., Bd. III, № 204.

дом zu dem von Morburg; 6 шиллингов и 2 каплуна за усадьбу с большим каменным домом, в котором он сам живет; 19 пфеннигов за усадьбу, которая в старину принадлежала бюргеру Дюррену (опять упоминается прежний собственник); 1 шиллинг за другую усадьбу, которая принадлежала мастеру Энгельбрехту, его шурина; 1 шиллинг за дома напротив Рингендорфа и 3 пфеннига еще за один дом»¹. Немалый аппетит был у этого Гуго! Однако такие проверки и расследования не всегда достигали цели, да и проводить их, видимо, было нелегко. Во всяком случае, десятки рыцарей оказались удачливее Гуго де Фегерсхейма и Гуго Шупа: им удалось обратить в полную частную собственность дома, усадьбы и другую недвижимость, некогда полученную в лен. Рыцарь Бурхарт Спендер в 30-е гг. XIII в. взял в лен у епископа усадьбу на епископском fronthove (господский двор), а в 1291 г. он передает ее бюргеру Эльхарту, причем ни согласие епископа, ни платеж в его пользу в грамоте не предусмотрены, хотя рыцарь признает, что он 60 лет назад взял эту усадьбу в лен у епископа². А ведь fronthove — это, можно сказать, сердцевина епископских земель в Страсбурге³.

Часто фигурируют в актах купли-продажи недвижимости церкви и монастыри Страсбурга, причем, как правило, в качестве покупателя. Оно и понятно: церковное имущество считалось неотчуждаемым, следует скорее удивляться тому, что есть все-таки материал о продаже церковных домов и усадеб, чем его малочисленности. Обычно в условиях сделок такого рода недвусмысленно сказано: «Продаем из-за нужды нашей обители...»⁴, «продали из-за тяжелой необходимости нашей обители...»⁵. Причем продавали-то землю в большинстве случаев небольшие монастырьки, лежащие в подгородных селах⁶, — обители св. Елизаветы, св. Агнессы, св. Марии Магдалины. В самом городе продавцами земель и домов лишь изредка выступают госпиталь св. Леонарда⁷ и мастерская Собора⁸. Соборный капитул, церковь св. Томаса или церковь св. Петра,

¹ Urkundenbuch. Bd. III, № 1143.

² Ibid., № 264.

³ О продаже рыцарями их владений см. также Urkundenbuch. Bd. I, № 264; Bd. III, №№ 219, 395, 1316, 1322 etc.

⁴ См. грамоту 1274 г., там же, № 58.

⁵ Там же, № 131.

⁶ См. грамоту 1241 г. монастыря в Kunigeshoven. Urkundenbuch. Bd. I, № 276.

⁷ Urkundenbuch. Bd. III, № 82.

⁸ Ibid., №№ 242, 311, 483.

монастыри св. Арбогаста и св. Стефана среди продавцов почти не встретишь, эти корпорации, напротив, активно скупали земли у тех же рыцарей, бюргеров, даже у городской общины. И в XIV в. эти церковные организации продолжали оставаться крупнейшими земельными собственниками в городе и эксплуатировали свои владения на прежний лад, сдавая в чиншевое держание. Епископы же, видимо, основательно растеряли свои страсбургские земли и уже не в силах были конкурировать с монастырями в самом городе, во всяком случае, в сделках по купле-продаже земли и домов епископы участвуют крайне редко¹.

При изучении социального статуса участников в купле-продаже недвижимости обращает на себя внимание довольно неожиданная деталь: среди продавцов и покупателей почти нет купцов и торговцев. Более того, они редко встречаются и среди чиншевых свободных держателей. Так, в 1240 г. официалы кожевников отдали в наследственное держание участок земли (агеам) мелочному торговцу Герману за 9 унций и 3 каплуна ежегодного чинша². В 1285 г. купец Вольмар взял за 4 шиллинга в год усадьбу в городе «с правом наследства»³. Другой купец, Гуго Шпендер, в 1290 г. стал наследственным держателем усадьбы за 11 унций чинша⁴. В грамоте 1302 г. упоминается торговец маслом Вернгер, держащий от собора дом на конном рынке⁵. В качестве покупателей дома или усадьбы в полную собственность купцы встречаются также редко: мелочный торговец Кунцелин в 1297 г. купил два смежных участка за городской стеной у рейнского перевоза⁶, в 1302 г. Берлин, торговец хлебом, купил дом и двор в деревне Финквейлер, расположенный на подворье монастыря св. Елизаветы,⁷ а в 1324 г. этот же торговец купил чинш с дома и участка в Крутенове⁸.

В то же время ремесленники в актах купли-продажи с середины XIII в. встречаются то и дело: скорняк⁹, рыбак¹⁰, карет-

¹ Urkundenbuch. Bd. III, № 427; Bd. IV, S. 188.

² Ibid., Bd. I, № 268.

³ Ibid., Bd. III, S. 60.

⁴ Ibid., № 243.

⁵ Ibid., № 483.

⁶ Ibid., №№ 381, 382.

⁷ Ibid., № 487.

⁸ Ibid., № 1065.

⁹ Ibid., № 209.

¹⁰ Ibid., № 242.

ник¹, мясник², шерстяник³, сапожник⁴, булочник⁵, башмачник⁶, оружейник⁷ и др.

Чем можно объяснить это отсутствие купцов среди земельных собственников Страсбурга? Занятостью в сфере торгово-денежного хозяйства и нежеланием обременять себя недвижимым имуществом? Но материалы по истории любого средневекового города свидетельствуют, что всюду купечество стремилось поместить свободный капитал в землю, в дома. Мешал высокий чинш и цена? Но нелепо предполагать, что купцы Страсбурга были беднее ремесленников. Скорее всего, купцов-профессионалов, купцов, занимающихся исключительно торговлей, в Страсбурге было немного, хотя о них упоминает уже Древнейшее право города⁸. Торговлей изделиями своего ремесла, как правило, занимались сами ремесленники, без посредников; а крупная, оптовая торговля хлебом, вином и другими продовольственными товарами, а возможно, и привозными — тканями и пр., была почти целиком в руках министералов церкви, рыцарей и клириков, из которых и состоял на 9/10 страсбургский патрициат. Совмещение землевладения с торговлей у епископских министералов к XIII в. имело уже достаточно давнюю традицию. Когда в 775 г. Карл Великий освободил «людей страсбургской церкви» от уплаты пошлины с торговли вином⁹, то под «людьми церкви» явно подразумевались епископские ленники, министералы и рыцари. Пользуясь в качестве привилегированных держателей церкви немалыми льготами по сравнению с рядовым бюргерством (крестьянско-ремесленного происхождения), они действительно могли сколотить большие состояния, занимаясь торговлей, и стремились поместить их в наиболее обеспеченные в условиях феодализма формы — в земли и домовладения. Но в документах, оформлявших куплю-продажу земли или получение ее на правах свободного городского держания, эти представители городского населения предпочитали называть себя прежним титулом — рыцарь, «знатный муж», Edelknecht, armiger и т. д. Видимо, несмотря на давнее развитие города, несмотря на то,

¹ Urkundenbuch. Bd. III, №№ 311, 316.

² Ibid., № 379.

³ Ibid., № 385.

⁴ Ibid., №№ 523, 415.

⁵ Ibid., № 522.

⁶ Ibid., №№ 433, 898.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid., Bd. I, № 519.

⁹ Ibid., № 15.

что никто из рыцарей уже давно не чурается торговых занятий, прежнее их звание, обозначавшее принадлежность к епископскому двору или монастырским министериялам, было в глазах большинства более почетным. Такой бюргер мог уже на протяжении десятилетий вести торговлю в городе и за его пределами и в придачу заниматься еще и ростовщичеством¹, но перед законом он был не купцом, а рыцарем.

Ремесленники же, естественно, в документах названы по своему ремеслу. Вот и получилось, что среди обширного частноправового материала упоминания о купцах и торговцах крайне редки. Иное дело — ремесленники. Если до 80-х гг. XIII в. их имена лишь изредка встречаются в грамотах, то с 80-х гг. картина меняется, причем в более ранних документах приходилось порой угадывать положение контрагентов, теперь же оно указывается почти всегда.

Конечно, среди ремесленников многие берут землю по-прежнему в свободное держание, не имея возможности купить ее на правах частной собственности. В 1272 г. монастырь св. Елизаветы купил «две усадьбы в городе перед домом фогта, на которых сидят два пивовара (birmeuter), обязанных чиншем в 1 фунт пфеннигов»². Каретник Берверус в 1275 г. взял половину участка на окраине города в срочное держание на сто лет, за десять солидов ежегодного чинша, без повышения платежа и без уплаты эршаца в случае передачи другому³. В 1299 г. сапожник Людвиг, державший участок в Кригесгассе, берет в держание и смежный участок у бюргера Иоганна Хунсфельта за 8 унций и 2 каплуна в год⁴. Дела у этого сапожника, видимо, шли хорошо, раз он расширял свои земельные владения, но и в этих благоприятных условиях он предпочел стать чиншевым держателем, а не купить усадьбу на правах полной собственности. Но в то же время многие ремесленники имели владения смешанного типа, особенно много сохранилось актов о купле-продаже домов и других строений, находившихся в полной собственности страсбургских ремесленников. В 1300 г. башмачник Ульрих взял в наследственное держание у госпиталя дом и усадьбу. Чинш — 14 унций и 2 каплуна⁵. В 1318 г. он же покупает за 10 фунтов дом за городской стеной около пруда «в полную частную собственность со все-

¹ Urkundenbuch. Bd. III, №№ 46, 113, 114.

² Ibid., Bd. III, № 49.

³ Ibid., № 75.

⁴ Ibid., № 415.

⁵ Ibid., № 433.

ми правами собственности», и в том же году он приобретает участок у бюргера Виттелина, опять-таки «в полную частную собственность». Однако с этого участка должен идти чинш, и немалый: «5 солидов лепрозорию и 5 солидов Кларе, вдове Вальтера-рыбака»¹, так что в этом случае его собственность ограничена. Арнольд-корабельщик в 1295 г. купил у Ганса Анербе, бюргера, «два дома под одной крышей Kirwartegäselein»². В 1304 г. Куно Менер, сапожник, «продал дом свой в Курдевангассе, расположенный около другого его дома, Конраду Генреру, хлебнику»³. Еще чаще встречаются в документах ремесленники, продающие свои дома и усадьбы: не только держание, но и частная собственность в руках ремесленника была непрочной. Мастер-шерстяник Дитрих, «живущий перед собором», в 1292 г. продал дом и усадьбу «госпоже Агнете Бэйгерин» за 20 марок, как свободную собственность (als lediges eigentum)⁴. Другой шерстяник, Дитрих, прозванный де Вильготэйном, в 1298 г. продал магистру госпиталя свой дом за 26 марок⁵. Мясник Фричо, прозванный Новиллари, был свободным собственником дома и усадьбы в переулке Zollers. Неизвестно, когда и как он приобрел этот дом, но в 90-е г. XIII в. он постепенно утрачивал права собственности, продавая дом по частям горожанину Иоганну Бланке, оставляя проданное за своей семьей уже в качестве держания. В 1297 г. Фричо был вынужден продать Иоганну последнюю четверть своего дома за 19 ливров; эту часть он уже и в держание не берет⁶.

Особенно часто теряли (продавали) права собственности на дома вдовы умерших ремесленников. Видимо, помощь, которую оказывал цех осиротевшей семье, равно как и ее сбережения, бывали невелики, приходилось идти на крайнюю меру: продавать дом. Берта, вдова каретника, в 1294 г. продает свой дом привратнице монастыря св. Стефана за 10 фунтов, причем усадьбу при доме она продала еще раньше⁷. Вдова бочара, имя которой даже не названо, в 1301 г. продала дом и двор «в качестве свободной собственности рыцарю Райнбольду»⁸. В 1287 г. вдова Вильгельма-скорняка «с согласия детей своих»

¹ Urkundenbuch. Bd. III, № 898.

² Ibid., Bd. III, № 523.

³ Ibid., № 433.

⁴ Ibid., № 285.

⁵ Ibid., № 385.

⁶ Ibid., № 379.

⁷ Ibid., № 379.

⁸ Ibid., S. 140 141.

продала свой дом с усадьбой в городе, а на вырученные деньги — 20 фунтов денариев — купила «2 смежных поля за стеною Страсбурга, около виселицы»¹. Для этой семьи, видимо, на долгое время основным источником средств станут поля, сельскохозяйственная работа.

Таким образом, развитие поземельных отношений в Страсбурге к концу XIII в., казалось, достигло своего апогея: не остановившись на стадии городского свободного держания, оно привело к появлению частной собственности на землю, нарушив феодальную монополию в этой, самой важной для средневековья, сфере общественных отношений. Ведь не только рыцари и министриалы сумели обратить часть своих ленов и бенефициев в частную собственность, но и бюргеры-ремесленники оказались в состоянии (материально и юридически) приобретать недвижимость на правах полной частной собственности. Правда, в руках этой части горожан собственность не удерживалась прочно и надолго, но сам факт распространения частнособственнических отношений бесспорен. Казалось бы, буржуазная собственность окончательно возобладает в Страсбурге уже с XIV в. Однако развитие поземельных отношений вовсе не шло так прямолинейно. Феодализм в это время был еще достаточно силен и жизнеспособен, городское мелкое товарное производство было не в состоянии его разложить и уничтожить, поэтому и новые формы собственности, возникшие на базе развития этого городского производства, оказались не в силах вытеснить феодальные. В конце XIII в. — в начале XIV в. можно неоднократно наблюдать, как в Страсбурге частная собственность на землю, едва возникнув, снова облекается феодальными покровами и снова освобождается от них, чтобы некоторое время спустя опять претерпеть ту же метаморфозу.

¹ Urkundenbuch. Bd. III, № 209.

В. А. ЕРМОЛАЕВ

ГОРОДСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ НЮРНБЕРГСКОГО БУРГГРАФСТВА В XV ВЕКЕ

Вопрос о городском землевладении в средние века не является новым. Экономическое развитие средневековых городов, превращение многих из них в крупные торгово-промышленные центры, увеличение их населения и рост политического значения влекли за собой как расширение территории самого города, так и расширение подвластной ему округи — его контадо. Хотя в пределах последнего находились поместья многих церковных и светских феодалов, они постепенно переходили различными путями или к городу в целом как к коллективному феодалу, или к отдельным горожанам, главным образом, представителям патрициата, уже давно превзошедшего многих дворян своим богатством и влиянием.

Различные проблемы, возникавшие в связи с этим, были слишком важны для социально-экономической характеристики средневекового города, чтобы остаться незамеченными исследователями, и в работах Каро, Липперта, Вермана, Гартвига, Данненбауэра и других историков вопрос о городском землевладении в пределах городской округи получил достаточное освещение, по крайней мере, в отношении некоторых городов (Любек, Прага, Нюрнберг и др.).

Однако городское землевладение не ограничивалось городской округой. Оно проникало и за пределы последней, в глубь соседних феодальных владений, значительно усложняя отношения городов с их соседями. Это был естественный процесс, тесно связанный с процессом образования и расширения контадо. Поэтому упомянутые авторы, хотя и не рассматривали этот вопрос специально, все же должны были затронуть его

в какой-то степени. Однако везде он оставался подчиненным другим вопросам.

Так, статья Г. Каро, основанная на источниках, относящихся главным образом к XIII в. и к городам западной и центральной Германии (Франкфурт-на-Майне, Вормс, Шпейер, Базель, Аугсбург, Оснабрюк, Эрфурт, Магдебург, Любек)¹, полемически направлена против теории Зомбарта об аккумуляции земельной ренты в городах как одного из важных путей первоначального накопления капитала. Из других вопросов Каро наибольшее внимание уделяет происхождению городской земельной собственности вне города, полагая, что возле новых городов она возникает в результате покупки земли горожанами или переселения в город прежних землевладельцев (с сохранением ими земли вне города за собой), а возле старых римских городов существовала искони.

Статья Ю. Липперта рассматривает вопрос о возникновении городского землевладения в Чехии XIV в.² Источники, использованные автором, показывают, что чешские города, несмотря на то что они были королевскими, также являлись центрами, весьма интенсивно подчинявшими себе близлежащую округу. Это особенно относится к Праге и Кутной горе. Например, старые патрицианские роды Праги в XIV в. захватили всю землю возле Праги на три мили вокруг (за исключением церковных и депутатских земель), так что покупателям из нового патрициата и бюргерства пришлось искать владений в более отдаленных местах. Липперт приводит многочисленные примеры, когда горожане владели дворами, гуфами, церковными патронатами, брали в аренду целые деревни. Большая часть из них — патриции, хотя попадаются и бюргеры, в социальном значении этого понятия — средние слои городского населения, например, мясник, арендовавший у монастыря две деревни.

Однако социальная сущность землевладения не претерпела никаких изменений с переходом поместий в их руки. Новые помещики осуществляли фогтскую и судебную власть, назначали судей и других чиновников, имели вассалов-рыцарей, у которых принимали ленную присягу, т. е. выполняли те же феодальные функции, что и старые владельцы. Липперт ста-

¹ G. Caro. Ländlicher Grundbesitz von Stadtbürgern im Mittelalter (Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik, 3. F., Bd. 31, H. 6, 1906).

² J. Lippert. Bürgerlicher Landbesitz im 14. Jahrhundert (zur Ständefrage jener Zeit) — Mitteilungen des Vereins für Geschichte der Deutschen in Böhmen, Jg. 40, H. 1—2, 1901.

вит перед собой задачу показать (о чем свидетельствует и подзаголовок статьи) пути проникновения немецкого патрициата и бюргерства в ряды чешской знати и дворянства, и этой цели подчинена вся статья.

Статьи Вермана и Хартвига¹ посвящены Любеку. Хотя в них (особенно во второй) вопрос рассматривается главным образом в юридическом аспекте, в поле зрения авторов найдется не только деревни любекского контадо, но и принадлежавшие городу и горожанам деревни на чужих территориях.

Данненбауэр² стремится выяснить историю формирования нюрнбергского контадо, однако автор неизбежно выходит за границы последнего, так как земельные владения горожан были разбросаны и по соседним княжествам. Кроме крестьян — жителей контадо, т. е. подданных Нюрнберга, от горожан последнего зависели (по земле) и многие подданные других феодалов, так же как были случаи, когда подданные Нюрнберга сидели на землях других помещиков. Но эти связи рассматриваются Данненбауэром попутно, а основное внимание уделяется отношениям внутри контадо.

Таким образом, во всех указанных работах не обращено, на наш взгляд, достаточного внимания на различные формы проникновения городского землевладения в феодальные территории и на цели этого проникновения.

Выяснению этих вопросов на примере города Нюрнберга и нюрнбергского бургграфства и посвящена настоящая статья. Источником для нее послужили урбарии нюрнбергского бургграфства XV в. (главным образом от 1414 г.) и сборник документов этого княжества³.

Уже самый источник показывает, что в нашем рассмотрении тема будет излагаться не столько для выяснения распространения и размеров городского землевладения, сколько для выяснения его доли в феодальном землевладении. Иначе говоря, объектом рассмотрения будет не город, а деревня.

Город Нюрнберг, бывший, как известно, одним из крупных экономических центров средневековой Германии, в XV—XVI вв. постепенно расширил подвластную ему территорию до

¹ E. Wehrmann. Die Lübeckischen Landgüter, I (Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde, Bd. 7, H. 2, 1895), J. Hartwig. Die Rechtsverhältnisse des ländlichen Grundbesitzes im Gebiet der freien und Hansestadt Lübeck (ibid., Bd. 9, H. 2, 1908).

² E. Dannenbauer. Die Entstehung des Territoriums von Nürnberg, Stuttgart, 1928.

³ Monumenta Boica, Bd. 47, München, 1902 (в дальнейшем — MB, 47). Monumenta Zottlerana, B-de IV—VIII, Anspach, 1861—1890, (MZ).

значительных размеров. Этот процесс исследован в упомянутой книге Данненбауэра о развитии территории Нюрнберга. Там же приводятся интересные данные о характере землевладения в нюрнбергском контадо. Подавляющая часть земель, деревень и населения принадлежала патрициям города. Так, 39 патрицианских родов имели 2944 зависимых от них крестьянина, в то время как совет города имел только 113¹. Таким образом, на каждый патрицианский род приходилось в среднем 75 зависимых крестьян, причем на некоторые роды (например, Галлеры)² приходилось до 380 крестьян. Здесь можно встретить целые деревни, принадлежавшие тому или иному семейству, а если считать, что указанное количество зависимых крестьян включало в себя только военноспособных мужчин 18—60 л., то общая численность крестьянского населения, находившегося в зависимости от патрициев, составит приблизительно 11 тыс. человек, $\frac{1}{2}$ всего населения нюрнбергского контадо, исчисляемого тем же Данненбауэром в 22000 человек³.

Но городское землевладение распространилось и за пределы контадо на территорию соседнего нюрнбергского бургграфства. Последнее, будучи расположено в восточной части Франконии, охватывало контадо Нюрнберга главным образом с юга и запада. Наиболее интенсивно нюрнбергские землевладельцы проникали в два соседних округа бургграфства — Кадольтцбург и Лангенценне.

В урбарии 1414 г. городское землевладение на территории бургграфства встречается в различных видах.

Во-первых, значительная часть деревень обоих упомянутых округов целиком перешла к нюрнбергским горожанам, как к своим помещикам. Урбарий указывает на деревни Вертенбах, Креппендорф, Ротперг, Флексдорф, Цаукендорф, Теберндорф, Нидермихельбах, всего 7 деревень, о которых сказано: «ist der von Nuremberg», «ist ganz der von Nuremberg», «liget hinder der von Nuremberg», «den von Nuremberg» и т. п.⁴ В большинстве из них имелось несколько помещиков из числа горожан Нюрнберга, и только в отношении деревни Вертенбах упомянуто, что она «ist des Czenners tzu Nuremberg»⁵, да по поводу вейлера⁶ Хорнзаге и «всего, что к нему относится», ска-

¹ E. Dannenbauer, op. cit., S. 161.

² Ibid., S. 161.

³ Ibid., S. 165.

⁴ MB, 47, S. 670—675.

⁵ Ibid., S. 670.

⁶ Weiler—небольшая деревенька.

зано, что он является леном бюргера Конрада Крессе¹. Понятно, что урбарий не содержит никаких подробностей о держателях, размерах держаний и чиншей, поскольку эти деревни не представляли для него особенного интереса, так как бургграфы сохраняли здесь только судебную власть («halsgericht»).

То же относится и к деревням, где помещиками являлись различные церкви, монастыри и церковные учреждения, или безраздельно, или совместно с горожанами. Например, в деревне Аммердорф вся земля принадлежала монастырю в Гейльсбронне (Heilsbronn), за исключением трех участков (güter), принадлежавших патрициям Нюрнберга Гейнцу Бехайму и Руммелю². В деревне Кагенхофен³ помещиками были алтарь церкви св. Зебальда в Нюрнберге и один бюргер⁴ этого города. К деревням с наличием как церковного, так и светского городского землевладения относятся также деревни Фогтрейхенбах, Таубах и Обернтаубах, о которых в урбарии сказано, что они «der closter, der pfaffheit und der burger tzu Nuremberg»⁵.

Таким образом, в 13 населенных пунктах бургграфства, принадлежавших к округам Кадольтцбург и Лангенценне, земля в начале XV в. полностью перешла от бургграфов и дворянства в руки церкви и горожан Нюрнберга.

Но проникновение горожан наталкивалось на сопротивление бургграфов. При рассмотрении документов возникает впечатление, что между горожанами и бургграфами идет ожесточенная, хотя и скрытая борьба, в которой последние являются обороняющейся стороной. Бургграфы, нуждаясь в деньгах, принуждены отчуждать свои земли, но, по возможности, только на время, горожане же стремятся захватить эти земли навечно. Борьба эта ведется с переменным успехом: то горожанам приходится возвращать обратно купленные земли, то бургграф принужден отказываться от фактической власти над заложенными или проданными владениями. Но, в общем, медленно, но верно наступает город, и все больше и больше земля княжества переходит под его эгиду.

Чтобы избежать окончательной потери прав на землю, бургграфы прибегали к таким формам отчуждения, как: 1) прода-

¹ MB, 47, S. 383.

² MB, 47, S. 672.

³ MB, 47, S. 670.

⁴ Здесь, как и вообще в источниках и немецкой литературе, слово «бюргер» употребляется в смысле полноправного члена городской общины.

⁵ MB, 47, S. 671—672.

жа с инфеодацией, 2) продажа с правом выкупа в течение определенного срока или без указания такового, 3) продажа в пожизненное пользование (Leibgeding).

Инфеодация, однако, не решала вопроса, так как, хотя при этом земля продавалась не в полную собственность, а в ленное держание, тем не менее действительными хозяевами ее были уже не верховные собственники-бургграфы, а их формальные ленники — духовенство, патриции и бюргеры Нюрнберга и других городов. Князю же оставалась только судебная власть.

Гораздо более была распространена продажа в лен с оговоркой возможности выкупа. Так, в 1401 г. нюрнбергский житель Конрад Прионстер купил у бургграфа деревню Винценценбронн с правом выкупа ее последним в течение 15 лет¹. В том же году была продана на тех же условиях нюрнбержцу Вальтеру Шютце деревня Фейтсбронн². Поскольку не только в урбарии 1414 г., но и в датируемом 1413 г. описании границ округов Лангенценне и Россталь³ обе деревни фигурируют в качестве бургграфских, причем только отдельные держания находятся там во владении нюрнбергских жителей (фамилии же Прионстера и Шютце вообще отсутствуют), очевидно, что бургграфам удалось выкупить их своевременно. То же самое можно сказать о деревне Лоэ, проданной в лен в 1402 г. одному из членов известного рода Тухеров⁴.

Оговорка о выкупе не препятствовала мобильности этих земель — они могли свободно переходить от одного владельца к другому. Так, в 1398 г. бюргер Нюрнберга Якоб Хасслейп, купивший $\frac{1}{4}$ города и округа Рот у бюргера Франца Бехайма, в свое время приобретшего эти земли у бургграфа при сохранении прав последнего на выкуп, получает их от бургграфа в ленное владение и со своей стороны подтверждает право бургграфа на выкуп их за 550 рейнских гульденов⁵.

Покупатели, конечно, стремились максимально сократить сроки возможного выкупа, и потому в документах о продаже с наличием такой оговорки часто подчеркивается, что по истечении указанного срока право на выкуп теряется⁶.

Вероятно, бургграфам удавалось, когда речь шла о целых

¹ MZ, VI, № 119, S. 114—115.

² MZ, VI, № 110, S. 108.

³ MZ, VIII, № 524, S. 385—390.

⁴ MZ, VI, № 187, S. 170—171.

⁵ MZ, VI, № 21, S. 22.

⁶ MZ, VI, № 119, S. 114—115.

округах, все-таки возвращать себе даже просроченные земли. Об этом свидетельствуют факты длительного пребывания земель во владении горожан с последующим возвращением их под власть князя. Так, округ Россталь находился в ленном владении у нюрнбержцев Халлера и Прионстера с 1379 г. по 1445 г.¹. По данным 1413 г., из 67 населенных пунктов этого округа целиком принадлежали нюрнбергским горожанам 37, совместно с бургграфом или церковью — два и, кроме того, один населенный пункт принадлежал нюрнбергской церкви².

Бросается в глаза, что, хотя церковь также принимает участие в проникновении в земли княжества, ей редко удается захватывать целые деревни. Вероятно, это объясняется опасениями князей иметь дело с церковью в отношении крупных земельных массивов, поскольку это всегда было связано с возможностью потерять эти земли вообще на основании права мертвой руки.

Еще более удобной формой продажи земель для бургграфов была продажа в пожизненное пользование, гарантировавшая продавцу непереносимый возврат владений. На этих условиях бургграф Фридрих еще в 1365 г. продал нюрнбергскому патрицию Бертольду Пфинцингу и его жене деревню Винценценбронн и двор в Дюрренхофе³. Вероятно, к 1401 г. оба покупателя уже умерли, если деревня была снова продана Прионстеру, как сообщалось выше. В пожизненное пользование продавались и целые округа, вернее, княжеские доходы с них. Так, в 1400 г. амтман округа Дахсбах Отто фон Хайден приобрел на аналогичных условиях весь этот округ совместно с Катериной Цольнерин⁴. К 1414 г. этот округ снова числится княжеским.

Во-вторых, городские землевладельцы проникают и в отдельные деревни, не только находящиеся под политической и судебной властью бургграфов, но и являющиеся их поместьями. В округе Кадольцбург имелись деревни и вейлеры, где держатели бургграфа составляли уже меньшинство населения, а большая часть земель принадлежала жителям Нюрнберга. Это как бы подготовительный этап к полному переходу этих деревень к горожанам. Пожалуй, наиболее типичным примером такого рода служит вейлер Рейндорф, где из 5 держателей только один сидит на земле бургграфа и пла-

¹ MB, 48, S. VIII; MZ, VIII, S.S. 223—226.

² MZ, VIII, № 524, S. 389—390.

³ MZ, VIII, № 365, S. 252—254.

⁴ MZ, VI, № 77, S. 78 ff.

тит ему чинш, один является держателем патрицианского рода Баумгартнеров и трое — патрицианского рода Колеров¹. Для последних четырех держание земли от нюрнбергских патрициев — их основной статус, и в бургграфский урбарий они попали только потому, что, помимо основного держания, они имели еще и от бургграфа по нескольку моргенов пашни, луга или целины, за что и платили соответствующий чинш.

В других случаях мы встречаем крестьян-держателей патрициев Нюрнберга в деревнях указанных округов, где основная часть жителей является держателями бургграфа. Бургграф распространяет на этих крестьян только свою судебную власть. Наиболее заметно такое вторжение нюрнбергских горожан во владения бургграфов в самом близком к Нюрнбергу округе, Кадольтцбурге. Здесь они составляют уже настолько заметную группу землевладельцев, что в урбарии 1414 г. даже помещен список нюрнбергских горожан, имеющих зависимых крестьян и земли в этом округе². В этот список входит 24 имени. Почти все они, за исключением одного, обозначенного как собственник двора, являются ленниками бургграфа. Один владеет целым вейлером, пятеро — отдельными дворами, один — тремя наделами (güter), трое имеют по два надела, четверо — по одному наделу, четверо владеют различной величины участками пашни или луга, девятеро — правом на получение десятины, один является получателем чинша. Таким образом, часть из них является одновременно и владельцами одних земель и получателями десятины с других земель.

Однако этот список явно не полон, так как в других местах урбария мы находим новые имена нюрнбергских жителей в качестве помещиков и получателей чиншей и десятины. Это свидетельствует о том, что горожане получали земли не только путем инфеодации, но и другими путями — покупкой, принятием в залог и т. п. Но во всех случаях они становились настоящими хозяевами земель, так как и инфеодация, как мы уже видели, в это время была только замаскированной формой продажи.

Характерно, что держатели обозначаются как зависимые люди того или иного владельца держания (Hintersassen), и горожанин выступает уже как настоящий помещик, имеющий зависимых от него людей.

В-третьих, кроме таких сравнительно законченных форм

¹ МВ, 47, S. 614.

² МВ, 47, S. 381—384.

землевладения, в урбариях можно найти и другие, как бы переходные формы зависимости крестьян от жителей Нюрнберга, когда горожане являются только получателями чинша (Zinsheggen). Крестьянин в этом случае остается держателем бургграфа, но платит чинш также и горожанину или потому, что последний является собственником какого-то дополнительного участка земли, отдаваемого им в держание данному крестьянину, или чаще всего потому, что чинш с крестьянско-го держания был продан ему частично или первоначальным получателем его — феодалом, или в виде продажи ренты — самим крестьянином.

В некоторых случаях чинш, уплачиваемый бургграфу — помещику, гораздо больше чинша, получаемого горожанином. Например, в деревне Эгерсдорф держатель Герман Рудольф дает бургграфу 2 зуммера¹ ржи, 1 зуммер овса, 60 яиц, 10 сыров, трех кур, а горожанину Стефану Шалеру — только 1 зуммер ржи². В других случаях — обратное соотношение чиншей. Например, в деревне Штинцендорф держатель двора Фр. Хофман дает бургграфу 3 зуммера ржи, а некоему Шлевицеру из Нюрнберга — 2,5 зуммера ржи, 18 сыров, 48 яиц, 9 кур и 80 пфеннигов деньгами ежегодно³. Самый характер этого чинша свидетельствует о том, что он был продан или иным образом передан Шлевицеру самим бургграфом.

Наконец, патриции и бюргеры Нюрнберга не чуждались и таких типично феодальных доходов, как церковная десятина, ранее принадлежавшая церкви или бургграфам, а затем заложенная, проданная или переданная в лен этим горожанам. В округе Кадольтцбург мы встречаем немало таких случаев: Фриц Пиркгеймер владеет в качестве лена от бургграфа десятиной с деревни Зидельбах, Конрад Халлер — десятиной с деревни Дурифарихбах, Кристан Колер — половиной десятины с деревни Тухенбах, Руммель — $\frac{2}{3}$ десятины с деревни Броннамберг, Ценнер — десятиной с деревни Зейкендорф, Граланды — десятиной с деревень Цигендорф, Рейхенбах и Шейфельхоф⁴.

Как видно, жители Нюрнберга владели десятиной с шести деревень полностью, с одной — в размере двух третей и с одной — в размере половины. Это не исключало получения

¹ Зуммер (Sommer, Sümmer, Simri, Simra) — мера сыпучих тел, различная в разных местностях. В Нюрнберге = 3,5 центнера.

² МВ, 47, S. 650.

³ МВ, 47, S. 660.

⁴ МВ, 47, S. 381—382, 674.

десятины с отдельных крестьянских хозяйств в других деревнях; Ритер из Нюрнберга получал десятину с поля крестьянина Ганса Хофмана, своего держателя в деревне Штинцендорф¹. Точно так же некоторые горожане получали десятину с отдельных участков целины в различных деревнях.

Таким образом, проникновение горожан в феодальное землевладение происходило в разнообразных формах. Из 59 населенных пунктов в округах Кадольтцбург и Лангенценне (за вычетом г. Кадольтцбурга, мельниц и овчарни, расположенных отдельно) в 26 бургграфы не имели ни одного держателя. В остальных 33 пунктах, как видно из таблицы 1, держатели бургграфа составляют 62%, держатели нюрнбергских горожан—23%, нюрнбергских церквей и церковных учреждений—10%, других церквей и горожан—5%. Следовательно, на долю Нюрнберга приходится 33%. К тому же 10% держателей бургграфа платят также чинш горожанам Нюрнберга.

Каково же было социальное лицо земле-, чинше- и рентовладельцев из Нюрнберга?

Как мы уже отмечали, урбарий и документы говорят о бюргерах в юридическом значении этого слова, не различая бюргеров в социальном смысле и патрициев. Однако обращение к другим источникам и литературе убеждает нас в том, что большинство интересующих нас лиц относится к патрициату. Для этого достаточно сравнить их имена со списком патрицианских фамилий Нюрнберга, приводимых в известной хронике Ульмана Штромера, относящимся к 1390 г.² В этом списке фигурируют 118 фамилий «ehrgabe», и в 23 случаях мы находим среди них фамилии уже известных нам землевладельцев нюрнбергского бургграфства. Это Крессе, Ценнер, Фолькмар, Граланд, Нуцель, Халлер, Шюрштаб, Пфинцинг, Баумгартнер, Пиркгеймер, Колер, Штейлингер, Шулер, Тецель, Шлевицер, фон Штерн, Муффель, Бехайм, Гейдер, Хаугер, Ортлиб, Прюнстер, Хольцшуэр. К ним можно присоединить также Футрера, Руммеля и Ритера, чьи фамилии указаны в статуте 1521 г. в числе знатных родов³.

Таблица 2 перечисляет 56 нюрнбергских горожан, принадлежавших к 44 семьям.

В одном случае у нас могут быть сомнения: фамилия Прюнстеров встречается в хронике Штромера в числе патри-

¹ MB, 47, S. 382.

² Die Chroniken der deutschen Städte, hrsg. K. Hegel, Bd. I, S. 83—98.

³ Ibid., S. 217.

Таблица 1

Распределение держателей по категориям землевладельцев

Населенные пункты	1	2	3	4	5	6	7
Тухенбах	16	7	1	—	—	9	9
Рейндорф	5	1	—	—	—	4	4
Кейденцелле	17	14	1	2	2	1	3
Бургграфендорф	11	11	—	—	—	—	—
Лаубендорф	19	11	—	—	—	8	8
Лоэ	10	10	—	—	—	—	—
Генрихсдорф	17	12	5	1	—	4	4
Фейтсбронн	21	19	—	1	—	1	1
Обермихельсбах	18	4	4	3	1	11	12
Хорбах	13	8	1	2	2	3	5
Россендорф	9	3	—	2	2	4	6
Дурфарнбах	5	2	2	2	—	1	1
Зекендорф	4	1	—	3	3	—	3
Грейндорф	5	4	1	1	1	—	1
Гундрамсдорф	13	1	—	12	12	—	12
Эгерсдорф	13	3	1	3	1	7	8
Вахендорф	8	4	—	1	1	3	4
Штейнбах	16	8	—	4	1	4	5
Штинцендорф	6	1	1	3	1	2	3
Винценденбронн	17	12	—	—	—	5	5
Зейкендорф	5	2	—	3	3	—	3
Зидельбах	1	1	—	—	—	—	—
Бруннамберг	7	7	1	—	—	—	—
Хадмансдорф	4	2	—	—	—	2	2
Фахе	2	1	—	—	—	1	1
Рейхенбах	2	2	—	—	—	—	—
Буттендорф	5	5	—	—	—	—	—
Цирендорф	14	14	—	—	—	—	—
Баллерсдорф	3	2	—	1	—	—	—
Плейхерсдорф	1	1	—	—	—	—	—
Штокках	8	8	—	—	—	—	—
Оберульценбах	1	1	—	—	—	—	—
Виттингенхоф	1	1	—	—	—	—	—
Всего . . .	297	183	18	44	30	70	100

Примечание: а) Содержание граф таблицы: 1—всего держателей, 2—в том числе держателей бургграфа, 3—в том числе платящих чинш в Нюрнберг, 4—держателей церкви, 5—в том числе нюрнбергских церквей, 6—держателей нюрнбергских горожан, 7—всего держателей г. Нюрнберга (5+6).

б) Количество держателей по графам 4 и 5 по деревням Зекендорф и Зейкендорф указано приблизительно.

Таблица 2

Список горожан Нюрнберга — землевладельцев и получателей доходов с земель бургграфства

Фамилии горожан	Количество представителей	Земли и доходы
1. Баумгартнер	2	3 держания
2. Бегайм	1	1 держание
3. Вебер	1	3 держания
4. Гейдер	1	2 »
5. Граланд	4	3 » и десятина с 2 деревень
6. Зессельман	1	3 »
7. Кинграб	1	1 держание
8. Колер	1	1/2 десятины с деревни
9. Крессе	1	вейлер и 4 держания
10. Муффель	2	4 держания
11. Нуцель	3	4 »
12. Ортлиб	1	1 держание
13. Пенгаль	1	чинш
14. Перлирер мастер	1	1 держание
15. Пиркгеймер	1	десятина с деревни, дом и 1 держание
16. Прунстер	1	2 держания и 1/2 чинша
17. Путель	1	1/2 »
18. Пфинцинг	2	1 держание и чинш
19. Пфрагнер	1	1 держание
20. Рекке	1	1/2 чинша
21. Ритер	1	десятина с поля
22. Редлер	1	чинш
23. Руммель	3	2 1/2 держания и 2/3 десятины
24. Ропнер	1	чинш
25. Тальнер	1	1 держание
26. Тецель	1	2 1/2 держания
27. Фербер	1	1 держание
28. Фолькмар	1	1 »
29. Футрер	1	собственный двор
30. Халлер	3	3 держания и десятина с деревни
31. Халленталер	1	чинш с 2-х держаний
32. Хатцельдорфер	1	1 держание
33. Хауген	1	1 держание
34. Хольцшур	1	1 »
35. Хубнер	1	десятина с целины
36. Цедлер	1	чинш
37. Ценнер	1	десятина с деревни и 3 держания
38. Цолле	1	1 держание
39. Шлевицер	1	2 » и чинш
40. Штейнлингер	1	десятина с целины

Фамилии горожан	Количество представителей	Земли и доходы
41. Шулер	1	1 держание и чинш
42. Шультейс	1	3 держания
43. Шюрштаб	1	2 »
44. Экк фон Штейн	1	5 держаний

Кроме того, остались необозначенными имена горожан-владельцев более 10 держаний в различных деревнях.

цианских родов, а в то же время Зандер, основываясь на материалах нюрнбергского совета, находит Г. Приюнстера среди представителей цеховых ремесленников, допущенных к участию в заседаниях совета (от цеха красильщиков)¹. В данном случае возможно, что речь идет о двух ветвях одного и того же семейства, из которых только одна входила в состав городской верхушки — явление очень частое в немецких средневековых городах.

Кто же были остальные лица из нашей таблицы? Относительно некоторых из них мы можем сказать это более или менее определенно. Так, среди ленников бургграфа указан мастер Генрих Перлирер, владевший тремя тагверками (т. е. 6 моргенами) луга². Уже само обозначение его как мастера указывает на его бюргерское состояние. К тому же его фамилия происходит, судя по всему, от его профессии, а может быть даже и не является еще фамилией, а только обозначением его занятия. «Pargliere», «Parglie» назывался в Нюрнберге мастер, руководивший строительными работами³. Известно также, что в городских документах, относящихся к 1390—1396 г., упоминается мастер Генрих Балир в качестве руководителя строительства колодца в Нюрнберге⁴. На основании уже упомянутых списков представителей цехов, допущенных к участию в заседаниях нюрнбергского совета в 1421—1440 гг., можно определить, что Тальнер, владевший в 1414 г. леном на 4 тагверка луга, принадлежит к семье скор-

¹ P. Sander. Die reichsstädtische Haushaltung Nürnbergs 1431—1440. Leipzig, 1902, S. 61.

² MB, 47, S. 384.

³ Matthias Lexers Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch, 28. A., Leipzig, 1956, S. 157.

⁴ «Anzeiger für Kunde der deutschen Vorzeit», Sept. 1860, S. 324.

няков¹. Остаются землевладельцы Пфрагнер, Кюнгаб, Хубнер, Пенталь, Шультегейс, Зессельман, Фербер, Хитцельдёрфер, Цедлер, Халленталер, Ропнер, Редлер, Рекке. В отношении Пфрагнера, Зессельмана и Фербера можно предположить, что, подобно случаю с Перлинером, фамилии отражают их занятия: торговца съестными припасами, мебельщика, красильщика. В отношении других оснований для таких предположений нет, но, поскольку они не вошли в состав патрициата (а в дворянство их тоже нет оснований включать), эти лица следует отнести к бюргерству, тем более, что размер занимаемых ими ленов большей частью значительно меньше ленов патрициата. Во всяком случае, в именном регистре, приложенном к урбарии, они обозначены издателями урбария как бюргеры.

Таким образом, 56 представителей 44 городских семейств владели 66 1/2 держаниями (понимая под этим словом любой земельный участок, независимо от его величины), одним собственным двором и правом на получение десятины с 7 деревень, нескольких участков поля и целины и чинша с 8 держаний.

Остается сказать о побудительных причинах такого вторжения городского землевладения в соседние феодальные княжества. Здесь, вероятно, имело место совпадение частных интересов землевладельцев-горожан с интересами города в целом.

Для городского патрициата этого времени вообще характерно стремление вкладывать свои средства в землю. Только небольшая его часть организовывала примитивные мануфактуры и таким образом становилась на путь капиталистического промышленного предпринимательства², большинство же занималось кредитно-ростовщическими операциями, крупной, оптовой торговлей и феодальной эксплуатацией крестьянства. В XIV—XV вв., когда феодальная эксплуатация во многих областях все более и более приобретает характер получения гарантированной земельной ренты, вложение средств в землю получает широкое распространение и со стороны городских элементов вообще. Стремясь купить землю, полу-

¹ Die Chroniken d. deutschen Städte, Bd. I, S. 61.

² Интересные данные по этому вопросу содержатся в одной из глав диссертации А. Н. Немилова о гуманистическом движении в Нюрнберге («Развитие гуманистической культуры в Нюрнберге», 1959 г.).

чить ее в лен, в залог и т. п., владелец денег заинтересован не столько в приобретении верховных прав собственности на нее, сколько в получении реальных выгод, выраженных в гарантированной ренте. Поэтому он часто удовлетворяется приобретением не самой земли, а гарантированного дохода с нее в виде оброков, рент, десятин и т. п. Однако в этом случае он становится только рантье, пассивным получателем дохода, тогда как приобретение самой земли, хотя бы на правах низшей собственности, позволяет в некоторых случаях увеличить доход с нее, а приобретение полной собственности предоставляет возможность дополнительной эксплуатации крестьян с помощью судебных штрафов и других поборов, вытекающих из судебных и фогтских прав феодала. Но именно за эти права особенно упорно держатся князья и дворяне.

К этим побудительным причинам общего характера присоединялись и причины, специфические для Нюрнберга (так же как и для многих других городов такого же типа). Дело в том, что для Нюрнберга, бывшего в XV в. одним из крупных городов Германии с населением более 20 тыс. человек, весьма большую роль играла продовольственная проблема. Обеспечение продовольствием такого населения было не так-то просто в то время, так как Нюрнберг не имел хороших водных путей для дешевой транспортировки привозного хлеба и не обладал хорошими почвами на территории своего контадо для получения урожая, достаточных для его нужд¹. Отсюда необходимость регулирования торговли хлебом, которое занимало большое место в экономической политике города. Поэтому оброк, взимаемый с зависимых крестьян нюрнбергского контадо, был по преимуществу натуральным, главным образом в зерновых культурах. То же относится и к десятине.

В связи с этим город стремился расширить свое контадо и всячески поощрял расширение земельных владений своих горожан, так как они также получали с зависимых от них крестьян натуральной, которые шли на рынок города или на пополнение продовольственных запасов патрициев и богатых бюргеров. Наряду с этим город принимал меры и к мелиорации своих земель — песчаные и болотистые земли, которыми изобилвала его территория, были с течением времени превращены в плодородные².

¹ Н. Hofmann. Die Getreidehandelspolitik der Reichsstadt Nürnberg v. 13 bis 16 Jahrhundert, Diss., Nürnberg, 1912, S. S. 13—14.

² Н. Hofmann, op. cit. S. 56.

Таким образом, патрициям и бюргерам приобретение новых земель сулило значительный доход, так как получаемый в качестве оброков и десятин хлеб и другие продовольственные продукты имели большую ценность на нюрнбергском рынке, особенно во время частых войн, которые городу приходилось вести с соседними феодалами.

Насколько была выгодна торговля хлебом и вином, особенно для лиц, имевших возможность хранить зерно и вино и создавать их запасы, свидетельствуют данные, приводимые Зандером, о ценах на эти товары¹. В течение второй четверти XV в. цена зуммера ржи в Нюрнберге изменялась от 3—4 до 28—35 фунтов пфеннигов, т. е. в 7—11 раз, а цена меры местного вина (в первой четверти столетия) — от 1 до 4—5 пфеннигов, т. е. в 4—5 раз.

Наконец, как можно думать, известную роль играли и соображения политического порядка. Сама история нюрнбергского контадо показывает, что оно создавалось постепенно, по мере приобретения городом или его жителями отдельных деревень и хуторов с их марками. Таким образом, приобретение горожанами дворов, гуф, участков земли и т. п., не говоря уже о целых деревнях, должно было поощряться городом как мера, предшествующая поглощению им данной деревни и расширению его контадо.

Город уже заранее стремился заложить основы юридической независимости городского землевладения в отношении феодалов, на территории которых располагалось это землевладение. В нюрнбергском законодательстве предусматривались случаи тяжб между бюргерами Нюрнберга и зависимыми от них крестьянами («hübner»). Все такого рода дела должны были разбираться только в городе Нюрнберге и только по нюрнбергскому праву. Бюргер, который передавал дело на крестьянина в чужой суд, должен был уплатить штраф в размере 10 фунтов геллеров². Поэтому так тщательно фиксировали бургграфы наличие своей судебной власти над деревнями, в которых они уже перестали быть помещиками, и над крестьянами, зависимыми от горожан или церкви, но жившими на территории бургграфства, иначе вместе с землей они рисковали потерять и подданных.

¹ P. Sander, op. cit., S. 917.

² Baader, Nürnberger Polizeiordnungen aus den 13 bis 14 Jahrhundert, Stuttgart, 1861, S. 20: «Und swelch burger sinen hübner andern enden ze recht stellet denne hie ze Nürenberg, der ist darumbe schuldig dem richter und der stat zehen pfund haller, er erlauben denne min herren von dem rate».

Город также стремился заинтересовать своих крестьян и лучшими условиями существования по сравнению с соседними княжествами. Нюрнбергский крестьянин был лично свободен и имел право носить оружие.

Однако нет оснований полагать, что в статусе зависимого крестьянина или в сущности феодальной эксплуатации его происходили какие-то принципиальные изменения. Патрицианское и бюргерское землевладение носило тот же феодальный характер, что и княжеское, дворянское или церковное¹.

¹ Тема настоящей статьи нашла отражение также в исследовании Э. Мюллер-Мертенса, третья часть которого специально посвящена вопросу о бюргерском землевладении в середине XIV в. в Бранденбурге.

Автор устанавливает наличие больших земельных владений и доходов в бранденбургской марке у бюргеров многих городов княжества. Он приводит интересные данные о распределении земельной собственности среди различных слоев городских землевладельцев и показывает большую роль городского землевладения, доходы которого от земли в некоторых районах княжества даже превышали аналогичные доходы маркграфа. E. Müller-Mertens, Untersuchungen zur Geschichte der brandenburgischen Städte im Mittelalter, Teil 3 (Wissenschaftliche Zeitschrift d. Humboldt-Universität zu Berlin, Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe, Jg. VI, n. 1, 1956/1957).

В. И. ОСИПОВ

СКЛАДЫВАНИЕ ПАТРИЦИАТА В МОНПЕЛЬЕ (XII—XIII вв.)

Вопрос о средневековом патрициате сравнительно недавно сводился к борьбе цехов против правящей патрицианской верхушки, не выходя за рамки истории позднего города¹. В настоящее время, в связи с пробудившимся интересом к проблемам раннего города, внимание историков привлечено к процессу становления патрициата и, в частности, его экономические и социальные истоки.

Первой попыткой марксистского подхода к проблеме раннего средневекового патрициата можно считать работу В. В. Стоклицкой-Терешкович «Основные проблемы истории средневекового города X—XV вв.», в которой на материале фландрских и немецких городов прослеживается разнообразие путей формирования патрициата и подчеркивается при этом два важнейших признака, присущих патрициату: «полный отрыв от процесса производства в связи с обладанием большими денежными средствами и участие во власти»². В. В. Стоклицкая-Терешкович указала на прямую зависимость процесса складывания патрицианской верхушки от экономического развития того или иного города³.

В последние годы интерес к проблеме патрициата в совет-

¹ См.: А. Пирени. Средневековые города Бельгии. М., 1937.

² В. В. Стоклицкая-Терешкович. Основные проблемы средневекового города X—XV веков. М., 1960, стр. 237.

³ «В ранних городах патрициат играл различную роль. Его богатство, значение и удельный вес в жизни города зависели прежде всего от экономического значения города, от развития в нем ремесла и торговли и от размеров сбыта ремесленной продукции» (Там же, стр. 244).

ской медиевистике еще более возрос; так, можно назвать статьи С. М. Стама и М. М. Фрейденберга, специально посвященные этому вопросу¹. Советские историки обратились к анализу истоков становления и последующего развития патрициата в связи с попыткой некоторых буржуазных исследователей объявить патрициат прослойкой исключительно дворянского происхождения. Решительно возражая буржуазным медиевистам, советские историки противопоставили свою точку зрения по вопросу об исторических корнях патрициата.

С. М. Стам, в частности, показал, что правящий городской слой прошел длительный путь становления, в котором одни сословные группировки сменялись другими. На первых порах «элементы из дворян и министералов, обладавшие поместьями, землями в городе и значительными доходами, чаще могли вливаться в ряды патрициата и иногда захватывали в нем первенствующее положение»². Позднее происходит вытеснение дворянских элементов, замена их новыми силами, целиком выросшими на почве ремесла и торговли. Эти-то новые силы, по словам С. М. Стама, становились «стержнем патрицианской аристократии»³.

М. М. Фрейденберг, выясняя, что лежало в основе формирования патрициата — крупное землевладение или рыночные операции⁴, на материалах далматинских городов, пришел к выводу, что экономической основой явилось не исконное преобладание городского землевладения, а денежные суммы, накопленные в результате занятий каким-либо видом городской деятельности (ростовщичество, торговля, соляной промысел, домовладение) и в конечном счете обращенные на приобретение недвижимого имущества⁵.

Данные советских историков противоречат буржуазным представлениям о дворянских корнях патрициата. Картина становления патрициата предстает как длительный, сложный и противоречивый процесс перемен и перераспределений различных прослоек внутри правящей верхушки, в ходе кото-

¹ С. М. Стам. Об одном реакционном течении в современной французской историографии средневекового города и о проблеме городского патрициата.— В сб.: Средние века, вып. 25, «Наука», М., 1964. М. М. Фрейденберг. Патрициат далматинских городов XII—XVI вв. (по данным из Задара и Трогира).— В сб.: Славянские исследования. Ленинград, 1966.

² С. М. Стам. Об одном реакционном течении в современной французской историографии..., стр. 130.

³ Там же.

⁴ М. М. Фрейденберг. Патрициат далматинских городов..., стр. 12.

⁵ Там же, стр. 62.

рого дворянские, купеческо-ростовщические и ремесленные элементы тесно переплетались¹. История патрициата, таким образом, тесно смыкается с социально-экономической историей раннего города, выступая как ее составная часть. Вместе с тем в каждом конкретном случае процесс становления патрициата проявлялся специфически.

В данной статье предпринимается попытка проследить с позиций советской медиевистики процесс складывания патрицианской верхушки на примере Монпелье — крупного ремесленно-торгового центра Южной Франции, а также уточнить социальную природу этого явления.

Специальных исследований по патрициату Монпелье ни в буржуазной, ни в советской исторической литературе нет. Отдельные мысли о нем были высказаны А. Дюпоном и Н. В. Ревуненковой². По мнению французского историка, консулат, созданный в 1204 году в Монпелье, являлся торгово-аристократическим³. Правда, А. Дюпон оценивал природу консулата лишь в связи с анализом хартии 1204 года, не ставя перед собой задачи раскрыть предысторию. Фактически процесс складывания патрициата не начинается 1204 годом и не заканчивается им. Начало XIII века — один из этапов (этап важный, но не единственный) формирования патрициата Монпелье.

Период, привлечший наше внимание (XII—XIII век), интересен тем, что он охватывает как докоммунальный, так и коммунальный этапы истории Монпелье; по нашему мнению, подобное рассмотрение поможет лучше проследить развитие патрициата, иными словами, показать данное явление в динамике. Источниками является сборник «Liber instrumentorum memorialium» — картулярии XII в., изданные А. Жерменом в 1884—1886 годах, а также документы, приложенные к

¹ В буржуазной медиевистике эту же мысль, только не во всем последовательно, проводит А. Хибберт (см.: А. В. Hibbert. The origins of the Medieval Town Patriariate. Cambridge. «Past and Present» a Journal of scientific Historia February 1953, № 3).

² См.: А. Dupont. Les cités de la Narbonnaise Première depuis les invasions germanique jusqu'à l'apparition du consulat, Paris, Nîmes, 1942 (в дальнейшем — А. Dupont. Les cités...). См. также: Н. В. Ревуненкова. Монпелье XII в. Очерк экономической и социальной истории. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1966.

³ См.: А. Dupont. Les cités..., p. 708. Иную оценку социальной природы консулата Монпелье дает Ж. Сотель. По его мнению, новая власть была «правлением ремесленных цехов». (См.: G. Sautel. Les villes du Midi méditerranéenne au Moyen Age. «La ville», t. VII. Bruxelles. 1955, p. 348).

его же «Истории коммуны Монпелье» и «Истории торговли Монпелье»¹.

Анализируя многочисленные документы, относящиеся к XII веку, отмечаем часто встречающееся явление: в качестве свидетелей при совершении правовых актов выступают представители одних и тех же фамилий. На протяжении столетия в актах Монпелье часто фигурируют в числе свидетелей Мезы, Эбрарды, Аймоины, де Кастри, Фабрежи, Флейсы, Ламберты (Ланберты), Атбраны, Урбаны и другие². Подобное обстоятельство заставляет задуматься, так как свидетельство в данном случае предстает как своего рода определенное занятие. В ряде случаев появление того или иного лица в качестве свидетеля увязывается с его служебным положением. На протяжении XII в. в различных актах фигурируют лица, называемые *probi homines, legales viri*; прослеживая фамилии этих лиц, мы отмечаем некоторые из них среди свидетелей, а некоторые — среди выступающих в качестве должностных лиц.

Наиболее известна часто встречающаяся в документах фамилия Ламбертов. Гильем V в завещаниях 1114 и 1121 годов упоминает некоего Беренгара Ламберта, именуя его «*baJulus meus*»³, которому в 1121 году была поручена забота о жене завещателя⁴.

Еще раньше, в 1110 году, Беренгар Ламберт присутствует при принесении вассальной присяги Гильемом V епископу Гальтернию⁵, а в 1113 г. — при бракосочетании Гильема Аймоина с дочерью Файдита — Адальмой⁶; в этот период Беренгар Ламберт еще не выступает как балъи. Кроме Беренгара, при заключении брачного контракта присутствовали и другие Ламберты — Раймон Ламберт и Ламберт де ла Паллада⁷.

¹ Liber instrumentorum memorialium, ed. A. Germain. Montpellier, 1884—1886.

A. Germain. Histoire de la commune de Montpellier, v. I—III. Pièces justificatives. Montpellier, 1851. A. Germain. Histoire du commerce de Montpellier. Pièces justificatives, v. I—II, Montpellier, 1861.

² Мезы, Эбрарды, Аймоины, де Кастри, Фабрежи, Флейсы — представители городского дворянства. Они перечислены в списке вассалов Гильемов (См.: Liber instrumentorum memorialium, ed. A. Germain, CCLXII, p. 426. — В дальнейшем — L. i. m.).

³ См.: L. i. m., XCIV.

⁴ Ibid. Кроме прочего, он должен был предоставить жене завещателя 500 солидов на одежды.

⁵ См.: L. i. m., XLII.

⁶ Ibid., CVI.

⁷ Ibid.

В 1139 г. в качестве временного бальи — *bajulus pro tempore* — отмечен Беренгар Ламберт.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что Ламберты представляли семью министриалов: они не только занимают должность в сеньориальных органах, но и выступают свидетелями различного рода актов. Однако свидетельство не всегда было признаком служебного положения. Можно привести пример горожанина Файдита, который до середины XII в. часто выступает в качестве свидетеля, причем в одном из актов он отмечен как имеющий печать¹, что, несомненно, свидетельствует о его влиянии. Вместе с тем источник не содержит никаких сведений о его служебном положении. Характерно, что, кроме Файдита и Ламбертов, в первой половине XII в. лица нефеодалного происхождения еще сравнительно редки в органах городского управления. Позднее горожане все чаще появляются в актах в качестве нотариев, бальи, членов курии.

Так, в 1151 г. в качестве бальи фигурирует Гильем Петри — представитель семьи, также часто встречающейся среди свидетелей². В 1150 г. писцом, записавшим сделку по разделу владений викария между Гильемом и его племянником, выступает Сильвестр³, в 1178 г. Сильвестр оформил брачный контракт дочери Раймуна Аймоина⁴, а позднее, в 1182 г., тот же или другой Сильвестр выступает как оформитель завещания Раймуна Аймоина⁵. Приведенные данные свидетельствуют о том, что Сильвестр — типичная семья нотариев.

Отрывочные сведения о занятии административной должности горожанами можно привести, обратившись к истории семей Люцианов и Моринов. В 1150 г. Морин выступает как *causidicus*⁶, в 1190 г. тем же термином обозначен Пьер Люциан⁷.

Тот факт, что Петри, Сильвестры, Люцианы и Морины так же, как Ламберты, на протяжении длительного времени

¹ См.: L. i. m., CII, CIII. О наличии печатей у других лиц данных в источнике нет.

² «Guillelmus Petri bajulus» (См. L. i. m., CLV, p. 257).

³ Ibid., CV.

⁴ Ibid., CXIII.

⁵ Ibid., CXVI.

⁶ См.: L. i. m., CCCC, p. 579—580. *Causidicus*—член судебной курии сеньора Монпелье.

⁷ Ibid., CXVII. В 1176 году Пьер Люциан отмечен как участник приглашения сеньора с кожевниками, относительно права последних занимать одну из площадей Монпелье.

появляются среди свидетелей и одновременно занимают ту или иную должность, свидетельствует со всей очевидностью, что названное явление было далеко не случайным: некоторые представители указанных фамилий, занимая периодически или систематически определенное место в системе сеньориальной администрации, именно в качестве таковых могли выступать и свидетелями. Причем важно подчеркнуть: они не только выступают свидетелями, оформляют различного рода сделки как нотарии — знатоки феодального права, но и участвуют в управлении городом наряду с такими типично дворянскими семьями, как Аймоины, Эбрарды, Флейсы, Мезы и т. д., перечисленными в перечне вассалов Гильемов¹.

Понять истоки влияния горожан в сеньориальных органах помогает анализ их имущественного положения. Выше отмечалось, что Файдит выступал в качестве свидетеля и даже удостоверял акты печатью, эти факты увязываются со следующим обстоятельством: этот же Файдит является обладателем земли и даже хлебного баналитета, а его дочь вступает в брак с феодалом. В брачном контракте (1113 г.) Файдит дает в приданое своей дочери печь и право выпечки хлеба — право, которое он имел от викария Бернара Гильема (отца жениха). Отмечается также, что Файдит имеет землю в приходе церкви Сен-Фирмен (в Монпелье) и в приходе церкви Сен-Дени (в Монпельере)². В другом документе отмечен факт, когда Гильем V и Файдит покупают сообща лавку и участок земли за 500 солидов, поделив между собой: Гильему — лавку, Файдиту — землю³. Файдит, отмечалось в акте, имеет solarium и sotol, т. е. манси и участок леса, расположенные между домом Понса Аринолы и домом Билизенды. В 40-е годы семья Файдита, как удастся проследить по источникам, постепенно теряет свои былые привилегии. В 1139 г. Гильем VI передал печь Файдита викарию Госельму и его родственникам: Гильему Аймоину, Раймону и Пелагозу⁴; позднее, в 1150 г., Госельм вообще передал эту печь своим родственникам⁵. Таким образом, обеднение Файдита по времени совпадает с устранением его от участия в городских

¹ См.: L. i. m., CCLXII.

² Ibid., CXXVII.

³ Ibid., CXXXI, p. 267.

⁴ Ibid., CIV, p. 223.

⁵ Ibid., CV, p. 225.

делах. С этого периода упоминание о Файдите и членах его семьи исчезает из документов.

Анализ имущества, принадлежащего Ламбертам, — данные о котором хотя и многочисленны, но довольно отрывочны, — показывает, что Ламберт имел в Монпелье крупные участки земли. В 1196 г. Р. Ламберт держит от Марии де Фабреж оливковую рощу и уплачивает за нее 3 солида ценза¹. Б. Ламберт выступает как держатель феода от Г. де Фабрежа, однако в документе не указан ни размер держания, ни сумма ценза². В другом акте (дата неизвестна) Беренгарий Ламберт и его братья платят альберг для 16 рыцарей³.

Характерна и такая деталь: в 1196 г. Гильем VIII, сеньор Монпелье, заключает соглашение с Раймуном Ламбертом. Согласно условию, сеньор уступает Ламберту право на сбор 4 солидов годового ценза с каждой лавки в квартале плотников, Ламберт же передал Гильему свои права на сбор 2/3 побора с доходов с 17 жителей Монпелье⁴. В 1201 г. Ламберты выкупают у Гильема VIII право на сбор 1/2 части ценза с квартала плотников, которое они уступили сеньору в 1196 г.⁵. В том же 1201 г. Беренгарий Ламберт получает 1/2 часть ценза с двух кварталов кожевников, вторая половина которого принадлежит сеньору⁶. Таким образом, данные о Ламбертах не только характеризуют их имущественное положение, но в известной степени свидетельствуют о роде их занятий. О собственности некоторых из перечисленных выше лиц источник содержит следующие данные: Бруно Сильвестр в одном из документов выступает как один из 8 держателей ценза Понса Помайрола⁷, и в этом отношении он предстает как лицо, зависимое от вассала Гильемов. В другом же месте мы отмечаем Бруно Сильвестра в ином качестве, получающим феодальный ценз с горожан⁸. Этим правом в Монпелье обладали далеко не все дворяне, а лишь отдельные его представители. Насколько значительны были владения

¹ См.: L. i. m., CLXXIX, p. 318.

² Ibid., CCXVIII, p. 412. Альберг — военный побор, взимаемый зерном, позднее в натурально-денежной форме.

³ Ibid., CCXLIX.

⁴ Ibid., CLXXIV.

⁵ Ibid., CCXCVIII.

⁶ Ibid., CCLXXXVI.

⁷ Ibid., CCXLVIII.

⁸ Ibid., CCLXXXII.

Сильвестров судить трудно, можно привести на этот счет лишь отдельные факты¹.

Анализ данных ценовых списков позволяет говорить о неравном имущественном положении представителей одной и той же фамилии. Остановимся на положении некоторых семей города, игравших активную роль в жизни города².

Гильем Атбран платит 5 солидов³, трое Уго Польверелли вносят 4 денье и 1 обол, 15 денье и 2 оболы⁴, четверо Пьеров Конков вносят соответственно 5 солидов, 12 денье, 12 денье и 2 солида⁵. Магистр Гвидо уплачивает 3 солида и 4 денье⁶, Мезоа (Беренгар и Гильем) платят сумму 3 солида⁷, Пьер Люциан — 2 солида, Жан Люциан — 2 солида и 3 денье за дома, которые, как отмечено, принадлежали ранее Гильему Сильвестру⁸. И наконец, Раймун Ламберт платит сумму 4 солида, а Бернар Ламберт всего 6 денье за землю, которую он имел от Гильема Фабрежа и 2 денье и обол за земли Мальканета⁹.

Таким образом, большинство из перечисленных фамилий (из дворян и недворян) — это плательщики сравнительно крупного ценза, хотя встречаются и такие среди них, которые платят сравнительно скромную сумму. Ценовые списки, воссоздавая статически картину имущественного положения отмеченных семей, не отвечают на вопрос, как возникает их собственность.

К сожалению, другие источники XII века также скупы на этот счет. Лишь отдельные данные приоткрывают картину складывания собственности патрициев, методы, которыми она приобретает. В 1182 г. при составлении завещания сыном Гильема VII Бергондионом присутствует Пьер Люциан,

¹ В 1138 году Бернар Сильвестр взял в залог 1/4 часть ценза с кварталов Канно и Бланкье, уплатив семье Пуэшабон 170 солидов (L. i. m., CXI). В марте 1193 года земли Бруно Сильвестра соседствуют с владениями Гильема де Лимузена. Сильвестры, кроме того, собирают побор с горожан (Ibid., CCLXXXII, CCLXXXIX).

² В 1202 году Гильем VIII поставил во главе города совет из 15 человек. Это были: Бернар Ламберт — бальи, Раймун Ламберт — его сын, Пьер Конк, Гильем Конк, Раймун Атбран, Раймун Ламберт, магистр Гвидо, Гильем де Сальдето, Якоб Ломбард, Уго Польверелли, Гильем Петри, Пьер де Порта, Беренгар Конк, Пьер Люциан и Гильем де Мез (Мезоа) (L. i. m., XCIX, p. 196).

³ Ibid., CCLXXXVII.

⁴ Ibid., CCLXXXVII, CCXCVII.

⁵ Ibid., CLXXXVII, CCLXXXVIII, CCXCIII, CCXCVII.

⁶ Ibid., CCLXXXVIII.

⁷ Ibid., CCLXXXVIII, CCLXXXIX.

⁸ Ibid., CCXCI, CCXCIII.

⁹ Ibid., CCLXXXVII, CCXCIV.

обозначенный как «causidicus»¹; несколько раньше, в 1177 г., П. Люциан — свидетель завещания Гвидо Гуерегиата — одного из сыновей Гильема VI². При этом интересно отметить такую деталь: Бергондион передал Пьеру Люциану землю в Центрайранице, которую тот должен был держать в качестве феода от Гильема VIII. Завещатель отмечал, что это имущество передается Люциану как плата за долг в сумме 560 мельгейльских солидов³. Видимо, служащий Гильемов не брезгает при случае ростовщичеством, приобретая за долги земли у разоряющихся дворян.

О занятиях Гильема Петри свидетельствует соглашение Елизария де Кастри с виконтом Безье от 1175—1184 годов. Елизарий де Кастри, один из крупных вассалов Гильема VIII, получил в залог от Рожера, виконта Безье, его права на получение проездной подати с дороги из Монпелье в Безье, из Безье в Нарбонн, из Сен-Тибо до Марселя, уплатив ему 3500 солидов⁴. Елизарий де Кастри подтвердил, что он принял в залог (*pignus*) проездную пошлину, уплатив 3500 солидов, «которые Гильем Пьер имел в качестве залога в мельницах Умберто де Колназа»⁵. Можно полагать, что Гильем Пьер являлся ростовщиком, ссудившим деньги Елизарию де Кастри, а тот в свою очередь совершил указанную сделку, взяв в залог дорожную подать.

Еще одна важная деталь, свидетельствующая о занятиях богатых горожан: в марте 1179 г. сеньор города Гильем VIII вынужден был предстать перед судом по иску горожан Раймуна Ламберта, Гильема Адалгерия, Гильема Ольрика и Герауда Атбрана относительно залогов, которые они имели с земель Гильема и его отца⁶, и, хотя документ скупо описывает судебное разбирательство, — неясно, например, о каких залогах шла речь, — сам факт примечательный: сеньор, видимо, также вынужден при случае обращаться к залогоу земли.

Развитие товарно-денежных отношений в Монпелье рано превратило земельную собственность в объект сделок, земля

¹ См.: L. i. m., XCVIII.

² Ibid., XCVII. p. 192.

³ «...ideo solvat et remittat debitum DLX solidorum Melgoriensium, quos ei debebam». (Ibid., XCVIII, p. 193).

⁴ A. Germain. Histoire de commerce de Montpellier, t. I, M. 1861. Pièces justificatives, 111.

⁵ A. Germain. Commerce, t. I, P. J. 111.

⁶ «omnes cartas pignorum, quas habebant de honoribus ejus». (См.: L. i. m., CLXVI, p. 301).

в городе переходит из рук в руки, либо как результат купли-продажи, либо в форме залоговых операций.

Одним из последствий развития товарно-денежных отношений в городе явился бурный рост ростовщичества. Всякие денежные повинности, которых в Монпелье было немало, должны были платиться в определенные сроки, это заставляло плательщика неоднократно прибегать к ростовщику. Торговля также нуждалась в ростовщике, ибо при ней существует разделение времени покупок и платежей. Необходимость доставить деньги к определенному сроку приводила к тому, что торговцы (ремесленники и купцы) также шли к ростовщику. Обилие различной монеты затрудняло торговлю и вызывало постоянную потребность в ее обмене, в этом случае ростовщик и меняла объединялись в одном лице. Все это вело к тому, что ростовщичество имело в Монпелье благоприятную почву.

Приведенные данные о ростовщичестве отдельных представителей городской верхушки в сочетании с данными ценовых списков наглядно свидетельствуют о том, что в Монпелье шел процесс складывания новых форм крупного землевладения, не феодального по своей сущности¹.

В свете изложенного становится понятным, почему сеньоры вынуждены делить с верхушкой горожан часть своих феодальных прав. В 1201 г. ценз с квартала кожевников Гильем VIII получает в половинном размере, другая же половина принадлежит Беренгару Ламберту². Ценз с другого квартала принадлежит Бруно Сильвестру³, а со старого квартала кожевников — Пьеру Конку⁴. В другом месте отмечено, что Раймуну Ламберту платят ценз 17 человек⁵.

Городская верхушка, в руках которой сосредоточиваются богатства, в том числе и часть феодальных поборов, постепенно приобретает политический вес. Не случайно, что по завещанию 1202 г. Гильем VIII назначил из патрициев «Совет 15». В 1203 г., когда горожане изгнали малолетнего Гильема IX, одновременно был разогнан и регентский совет, состоявший из ростовщическо-землевладельческой городской верхушки. Имущество некоторых из названных лиц присвоил новый

¹ Этот же процесс отмечает Н. В. Ревуненкова (См.: Н. В. Ревуненкова. Монпелье XII в. Очерк экономической и социальной истории, стр. 10).

² См.: L. i. m., CCLXXXVI—CCLXXXVII.

³ Ibid., CCLXXXIX.

⁴ Ibid., CCXC.

⁵ Ibid., CXXIV.

сеньор Педро II Арагонский¹, когда в 1204 он заключил соглашение с горожанами Монпелье.

Для Монпелье XII века характерно следующее обстоятельство: патрициат в этот период весьма редко пополняется представителями ремесел. Так, уточняя социальное происхождение ряда известных семей Монпелье, мы находим только единственное упоминание ремесленного происхождения одной из них — Моринов.

Морины, по-видимому, происходили из местечка того же названия². Время появления Моринов в Монпелье неизвестно³: примерно в 1124—1128 гг. Понс Фулько и Рикседа (мы уже приводили этот акт) признали, что Анрик держит от них землю совместно с детьми Морины⁴. В 1151 г. в качестве зятя Беренгара Ламберта отмечен суконщик Морин⁵. Таким образом, источник определяет род занятий Моринов: это были либо суконщики, либо разбогатевшие торговцы сукном. Впоследствии некоторые представители этой семьи были весьма близки к Магелонской церкви; в 1161—1162 гг. Морин выступает как магистр⁶, в 1172 г. Гильем Морин — приор церкви Сен-Фирмен⁷, а в 1182 г. — архидьякон Магелона⁸. Вместе с тем данные говорят о том, что одна из ветвей семьи Моринов не достигла столь высокого положения. В 1172—1176 гг. Жеральд Морин держит феод Понса Помайрола и Амалии Цирриано, а среди плательщиков ценса квартала кожевников встречается Пьер Морин, уплачивающий сумму 3 солида⁹. К концу XII века Морины не имели тех прав, которые, например, имели Ламберты, Конки, Сильвестры, хотя и стояли довольно высоко на церковной иерархической лестнице.

Выше было отмечено, что патрицианские семьи в большинстве состояли из лиц, не отмеченных в перечне вассалов Гильемов, однако было бы ошибочным считать, что в Монпелье патрициат состоял лишь из выходцев нефеодалной среды: он пополнялся и дворянскими семьями, такими, как Ме-

¹ См.: A. Germain. Commune, t. I, P. J. I.

² В соглашении от 5 января 1272 года между епископом Магелонским и королем Арагона Хайме I о разделе сфер влияния отмечена дорога, идущая до Морины. (См.: A. de Verdai. Catalogus episcoporum Magalonenis, ed. A. Germain. Montpellier, 1881, P. J. LIV.)

³ В 1103 году Морины уже живут в городе (См. L. i. m. V).

⁴ Ibid., CCLXII, p. 426.

⁵ Ibid., XLIV, CLIX.

⁶ См.: L. i. m., XLVII, XLVIII, CLIX.

⁷ Ibid., XCVI, XCVII.

⁸ Ibid., XCIII.

⁹ Ibid., CCXLVIII, p. 412, CCLV, p. 419.

зоа, Эбрарды и др. Мезоа встречаются неоднократно в качестве свидетелей различного рода сделок, а в 1202 году входят в состав «Совета 15» — высший орган управления, установленный Гильемом VIII. Данные об Эбрардах характеризуют их двойственную природу: будучи дворянами, они одновременно занимаются ростовщичеством, занятием далеко не дворянским, и вкладывают средства в приобретение новых земель.

Однако при ответе на вопрос, о том, какие слои преобладали в патрициате Монпелье, нельзя не признать, что недворянские элементы в XII веке (особенно к концу) были более значительными в патрициате, нежели рыцари, и что с ними постоянно были вынуждены считаться сеньоры города.

XIII век — новый этап в развитии патрициата Монпелье. Однако прежде чем проследить его эволюцию, напомним, что со второй половины XII — начала XIII в. Монпелье — один из крупных центров торговли Западного Средиземноморья. Его сукна находят широкий сбыт как на Востоке, так и в Италии, и во Франции. Ремесла Монпелье, в особенности сукноделие и окраска сукон, кож, изготовление изделий из драгоценных металлов, достигают высокого уровня.

Экономическое развитие, естественно, не могло не отразиться на городском патрициате. С созданием коммуны старая землевладельческо-ростовщическая городская верхушка была насильственно отстранена от власти, были внесены изменения в структуру городской власти: введен порядок ежегодных перевыборов и балы города, что не давало возможности закрепиться у власти одним и тем же лицам. И все же, даже в этих условиях, патрициат смог сохранить свои позиции, входя в ту или иную корпорацию города и участвуя в выборах городских консулов. Так, первые два консула избирались из менял-ростовщиков, а третий и четвертый — из суконщиков. В этих условиях городская верхушка до известной степени могла закрепиться.

Для того, чтобы нагляднее представить состав консулата, нами были взяты сведения за 1204—1304 гг. о всех консулах, ежегодно сменявших друг друга. Данные показывают, что часть патрицианских семей, известных в XII веке, сохраняют свое значение и в XIII веке — это Люцианы, Эбрарды, Конки, Ламберты.

Какие обстоятельства способствовали этому?

Ответ на этот вопрос дает, в частности, история семьи Конк (или Конке). Представители семьи Конк появляются в

документах Монпелье лишь в 70-х годах XII века¹, а к концу столетия—это известная фамилия. В 1197 и в 1199 гг. Г. Конк является свидетелем акта передачи прав викариев семье Аймоинов городскому сеньору². В 1201 г. Пьер Конк собирает 1/2 ценса со старого квартала кожевников³. По завещанию Гильема VIII два представителя семьи Конк, Пьер и Гильем, вошли в состав «Совета 15». К сожалению, в документах XII в. мы не встречаем никаких упоминаний о роде занятий Конков.

Расцвет могущества Конков приходится на более поздний период. Данные XIII в. свидетельствуют о том, что одни представители этой семьи играют активную роль в консульате: в течение 1204—1304 годов Конки семь раз избираются консулами и шесть раз — бальи⁴. Раймун Конк выступает в качестве заморского консула в Аккре в 1236 г.⁵, он или кто-то из этой же семьи был некоторое время в Александрии⁶. Можно предполагать, что семья Конк занималась торговлей сукнами: в 1290 г. некий Гильем Конк обозначен как *garier*⁷. Вместе с тем он держит от епископа солеварню в районе Вильнева, что позволяет думать, что Конки одновременно торговали и солью. Согласно данным источника, в XIV и XV вв. Конки владеют недвижимым имуществом: домами, землями, рентами⁸. Другая ветвь семьи Конк добилась известности в истории Магелонской церкви. В 1240 г. приором церкви Сен-Фирмен в Монпелье является Пьер Конк⁹, в 1249 г. он — епископ Магелона, пребывающий на своем высоком посту до 1256 г.¹⁰. Семья Конк до известной степени варьирует историю семьи Моринов.

О семье Ламбертов в коммунальный период сохранились лишь отрывочные данные. Хотя ее представители в течение XIII века 9 раз избираются консулами и 3 раза — бальи¹¹, что

¹ Примерно в 1172—1176 гг. Этьен Конк держит феодал от Госельма Марлета (L. i. m. CCXLVIII, p. 412). Историк Ж. Комб полагает их выходцами из Фижиака.

² Ibid., CCXXIII, CXIX.

³ Ibid., CXXIII.

⁴ См.: A. Germain. Commune, t. I, p. J. XXV.

⁵ См.: A. Germain. Commerce, t. I, p. J. XXXVIII.

⁶ Ibid.

⁷ См.: Cartulaire de Maguelone. ed. J. Rouquette, t. III, part. I. Vic la Gardiole, 1920—21, DCCCXXVIII, p. 461.

⁸ В феврале 1317 года Раймун Конк приобрел за 70 турских фунтов феодал Гуго де Сан-Жервазия. Феодал был расположен вблизи от манса самого Раймуна де Конка (см.: A. de Verdal. Catalogus, ... P. J. LXX, p. p. 336—338).

⁹ См.: Cartulaire de l'Universite de Montpellier, t. I, 1890, p. 187.

¹⁰ См.: A. de Verdal. Catalogus...

¹¹ См.: A. Germain. Commune, t. I, p. J. XXV.

свидетельствует о их значимости, о роде занятий Ламбертов говорит лишь один факт: в 1248 году Раймун Ламберт предоставил Отто Ангоссола из Марселя 300 тур. фунтов, которые тот обещал заплатить наличными во время майской ярмарки в Провене¹. Это, казалось бы, единичный случай открывает завесу, позволяя говорить о том, что Ламберты по-прежнему выступают в роли городских менял.

Несколько слов о семьях Аймоинов и Эбрардов. Аймоины в конце XIII в. неоднократно избираются консулами², причем отмечен случай, когда П. Аймоин выступает в качестве торговца зерном³. Иными словами, Аймоины втянулись в товарно-денежные отношения, что позволило им войти в состав консульата.

Для старых патрицианских семей, продолжавших играть значительную роль и в коммунальный период, характерна одна черта: все они в XIII в. как бы возрождаются в новом качестве. Конки, Ламберты, Аймоины становятся консулами лишь в связи со своей деятельностью в качестве торговцев, купцов, реже ростовщиков-менял, но не в качестве городских землевладельцев. К сожалению, проследить сколько-нибудь полно судьбы других патрицианских семей, известных в XII в., почти не представляется возможности. Отдельные из них, такие, как Люцианы, Атбраны, Люнели, Орийяки⁴, и другие, периодически фигурируют в составе консулата, но о роде их деятельности сказать что-либо трудно. Можно констатировать сохранение влияния старых патрицианских семей в Монпелье, но вместе с тем несомненно и то, что в численном отношении они уступили свое место представителям новых фамилий.

Чаще всего в составе консулата мы видим представителей торговых кругов. Характерными в этом отношении являются семьи Лобетов и Крузолей. Семья Лобетов, как и Конков, известна с конца XII в., П. Лобет—свидетель завещания Гильема VIII в 1202 г.⁵. Однако своего могущества Лобеты достигают в XIII в. в качестве купеческой семьи. Этьен Лобет 17 июля 1246 г. утверждается консулом и капитаном купцов

¹ См.: A. Schaubе. Handelsgeschichte der romanischen völker. München—Berlin, 1906, S. 371.

² До 1296 года Аймоины не фигурируют в списках городских консулов, затем на протяжении 20 лет они 6 раз избираются в консулат (см. A. Germain, t. I, p. J. XXV).

³ В 1312 году П. Аймоин отмечен как *orgier*. (см.: A. Germain, t. I, p. J. XXV).

⁴ Орийяки 9 раз избирались консулами, Атбраны—8 раз.

⁵ См.: L. i. m., XCIX, p. 206.

Монпелье на ярмарках Шампани¹. 27 ноября 1249 г. Бернар Лобет, консул Монпелье, выступает в суде с иском о разграблении его товаров на сумму 1180 солидов². О политическом влиянии Лобетов свидетельствует и тот факт, что они в течение столетия 10 раз избираются консулами и один раз — бальи³.
Еще более характерна история семьи Крузолей, которую прослеживает Ж. Комб. Начало их возвышения приходится на первую половину XIII в. Гильем Крузоль был консулом Монпелье в 1245, 1252, 1257 и в 1261 гг.⁴. В 1255 г. Гильем Крузоль — бальи, в актах 1254 и 1257 гг. он обозначается как буржуа⁵. Роль Крузолей, по-видимому, усиливается в последние годы XIII в.: в 1285 г. 3 брата — Жан⁶, Жак⁷ и Пьер — держат меняльную лавку в Монпелье. В 1293 г. Жан умер, Пьер переехал в Марсель, а Жак остался в Монпелье⁸. Братья Крузоли владели в Тулузе одной меняльной лавкой, и их клиентом был епископ Тулузы Гуго Маскарон⁹. Одновременно они занимались торговлей на ярмарках Шампани. 21 декабря 1293 г. Жак Крузоль и Арно Пастер из Фижиака поручили Гильему Бланкье защищать их интересы перед королем Франции и смотрителями ярмарок Шампани¹⁰.
Крузоли — яркий пример того, как патрицианская семья, занимаясь торговлей и ростовщичеством, накапливает богатства. 25 сентября 1293 г. Крузоль покупает воск за 121 ливр 5 солидов и 11 денье, 2 октября 1293 г. он перепродает воск на ярмарке в Ланьи за 324 ливра, 9 денье, т. е. чуть не втрое дороже¹¹. Денежные суммы идут на покупку земли, феодальных привилегий. Источники отмечают, что Крузоли имели недвижимое имущество: в Латте им принадлежал манс, где они растили овец на продажу, в лимане Могийо они владели правом добычи соли¹². В 1295 г. имущество Крузолей было передано за долги Жиро Лакосту, но и в XIV в. эта семья еще знаменита. В 1316, 1336 гг. Филипп Крузоль является консулом Монпелье,

¹ См.: A. Germain. Commerce, t. I, P. J. XIV—XVI.

² Ibid., p. J. XVIII.

³ См.: A. Germain. Commune, t. I, P. J. XXV.

⁴ Ibid.

⁵ J. Combes. Une famille de négociants quercynols à Montpellier et à Marseille au XIII siècle. Montpellier, 1956, p. 60.

⁶ Жан был консулом в 1271 году.

⁷ Жак — консул в 1288 г.

⁸ См.: J. Combes. Une famille... p. 60.

⁹ См.: J. Combes. Une famille, p. 61.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid., p. 62.

в 1337 г. Филипп Крузоль-младший выступает в качестве сборщика налогов в Эгморте¹.

Если Лобеты и Крузоли стали известны благодаря торговле, то история некоторых семей города свидетельствует о том, что отдельные представители ремесел в конце концов также превращаются в патрициев. На протяжении столетия в составе консулата фигурируют фамилии, которые сами говорят о происхождении их владельцев, — это Бланкье, Тавернье, Кордонье², т. е. бывшие кожевники, хозяева таверн. Однако никаких сведений о их экономическом положении не имеется.

Нельзя здесь не вспомнить о семье Моринов. XIII век сохранил о них следующие сведения. Жан Морин выступает свидетелем при принятии консульского статута 1 августа 1223 г.³. Позднее данные говорят о том, что Морины не порывают с сукноделием. 22 октября 1293 г. Жан д'Орийак заключает договор об ученичестве с суконщиком (drapier) Бернаром Морином⁴.

Можно также сослаться на Раймуна из Кагора, который в период Альбигойских войн предложил Симону де Монфору значительную сумму денег⁵. Он известен в Монпелье как красильщик; в 1206 г. Раймун выступает консулом города⁶. Характерно то, что этот красильщик, совершая заемную операцию, получает от Симона де Монфора два замка, т. е. превращается фактически в крупного землевладельца⁷. Путь Раймуна из Кагора таков: ремесленник — ростовщик — поместный землевладелец.

Рассмотренный материал, на наш взгляд, позволяет ответить на вопрос, что представляет собой патрициат Монпелье.

Патриций, в нашем представлении, — человек, разбогатевший на каких-либо операциях (в Монпелье XII века чаще всего на ростовщичестве, торговле) и на основании этого приобретший известное влияние в правящей верхушке города или вхо-

¹ См.: J. Combes. Une famille..., p. 63.

² См.: A. Germain. Commune, t. I, P. J. XXV.

³ Ibid.

⁴ См.: A. Couron. La réglementation des métiers en Languedoc au Moyen Age. Genève — Paris, 1958, p. 262.

⁵ В марте 1212 года Симон де Монфор подтвердил дарение в пользу Раймуна из Кагора двух замков, стоимостью в 25 тысяч солидов (см.: Catalogue des actes de Simon et de Amauri de Montfort ed. par. A. Molinier. Paris, 1874, № 49, p. 68, № 36, p. 63).

⁶ См.: A. Germain. Commune, t. I, P. J. XXV.

⁷ В 1264 году эти замки — Пезена и Турба — были уступлены Людовику IX сыновьями Раймуна из Кагора (см.: Catalogue des Actes de Simon, p. 68).

дящий в руководящий орган и эксплуатирующий городское население как владелец земли, рент, монополий. Отмечая два признака, характерные для патрициата: участие в городских или сеньориальных органах управления и зажиточность, — необходимо сказать, что оба эти признака выступают как неразрывно связанные друг с другом.

К каким же выводам подводит нас рассмотрение путей складывания патрициата?

В процессе его возникновения и становления в Монпелье отчетливо видны два этапа.

В докоммунальный период — XII век — патрициат формируется из представителей министриалов, дворян, но чаще всего из ростовщиков. Представители ремесла и торговли в нем еще очень редки. Этот патрициат — землевладельческий по своей основе — мы называем старым. Источник его могущества — приобретение тем или иным способом земельных участков, рент, цензов, иными словами, полуфеодальные способы эксплуатации городского населения.

С интенсивным развитием ремесла и торговли в Монпелье происходят изменения и в структуре патрициата. Торгово-ремесленные элементы оттесняют старый землевладельческий патрициат и занимают его место. Складывание патрициата Монпелье, будучи по времени длительным, предстает как процесс возникновения одних семей и исчезновения других. Однако при всех особенностях формирования нового патрициата в XIII в. он до известной степени повторяет путь, пройденный старым патрициатом: ремесленники и купцы рано или поздно обрываются от сферы производства, обладатели крупных денежных средств превращаются в землевладельцев, приобретают полуфеодальные черты.

Таким образом, локальный материал Монпелье, с одной стороны, показывает специфику складывания патрициата в этом городе, с другой — дополняет картину, наблюдаемую советскими историками в других городах.

Исторические корни патрициата Монпелье, этапы его формирования и основные черты, присущие правящей группировке, предстают как конкретное проявление общей закономерности.

А. И. ОЗОЛИН

СКЛАДЫВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ БЮРГЕРСКОЙ ОППОЗИЦИИ В ЧЕХИИ КОНЦА XIV— НАЧАЛА XV ВЕКА

Как уже неоднократно отмечалось в литературе о гуситском движении, содержание его отличалось необычайным многообразием. Предгуситское время выдвинуло перед чехами самые разнообразные проблемы. Помимо решающих социально-экономических задач¹, возникли и многие политические вопросы, требующие своего немедленного разрешения. Существенное место принадлежало также стремлению разрешить давно уже назревшие национальные противоречия.

Национальный вопрос периода развитого феодализма отличался значительным своеобразием. В Европе XIV—начала XV вв. нации еще не сложились, но повсюду шел, и успешно, процесс развития народностей. Постепенно зарождались элементы будущих наций. В догуситской Чехии не было тех главных предпосылок, которые предполагают преобразование «народности» в «нацию», — капиталистических отношений в сфере производства. Однако чешская народность достигла к тому времени некоторых результатов в своем формировании. Успешное развитие товарно-денежных отношений, бурный рост городов в XIII—XIV вв. способствовали экономическому, политическому и культурному сближению различных областей страны, хотя и далеко еще было до ее экономического единства. Зародился литературный чешский язык. Идея чешского национального единства становилась одной из решаю-

¹ См.: А. И. Озолин. Экономические требования бюргерской оппозиции в гуситском революционном движении. — Ученые записки института славяноведения. Т. 28, М., 1964 (Далее — УЗИС).

щих, ведущих в жизни чешского народа. Некоторые положительные результаты проявились и в растущей территориальной общности, хотя именно в этой области было много нерешенного.

В последующем изложении мы и попытаемся проследить, каково было историческое место национального вопроса в зарождавшейся гуситской идеологии и в гуситском революционном движении, как понимала, ставила и решала его буржурская оппозиция.

Гуситскому движению посвящена колоссальная литература, причем в последние два десятилетия появилось большое количество новых исследований в различных странах мира. Естественно, что национального вопроса в той или иной мере касались авторы крупных трудов, написанных об этом движении в целом или посвященных раскрытию сущности гусизма. Отец чешской либеральной историографии Ф. Палацкий (1798—1876) видел сущность гусизма прежде всего в идее религиозных преобразований, но вместе с тем признавал, что заметное место в нем занял национальный вопрос. «Кроме теологической, гуситское движение, — писал он, — содержит также и другие стороны, которые должны стоять еще ближе Разуму и Сердцу каждого читателя: это нравственные и национальные моменты в нем»¹. Палацкий выражал интересы чешской буржуазии, недовольной засильем немецких промышленников и помещиков, но более всего боявшейся революционного движения народа и стремившейся поэтому направлять народный гнев в русло национальной борьбы. Национальную сторону в гусизме он толковал по-своему. Специфической чертой славянских народов, в том числе и чехов, он считал исконную славянскую демократию, которой будто бы были чужды феодальные общественные отношения. По его мнению, феодализм был принесен в Чехию немцами. Положительно оценивая гуситское движение в целом, отмечая высокий патриотизм чехов в годы борьбы с крестоносцами за независимость страны, Палацкий трактовал гуситское движение с националистических позиций, как борьбу всех немцев против всех чехов. Этот националистический подход к оценке гусизма является типичным для буржуазной исто-

¹ F. Palacký. Die Geschichte des Hussitentums und prof. Constantin Höfler. Prag. 1868, s. 3.

риографии вообще. И в своем главном труде — «История чешского народа»¹ — он не видел и не прослеживал специфики национального вопроса, национальных требований в толковании идеологов буржурской и плебейско-крестьянской оппозиции, хотя и признавал наличие этих направлений в гусизме. Национальные мотивы в гуситском движении рассматривались им в отрыве от глубочайших социально-экономических изменений, от классовых противоречий в чешском обществе того времени. Эта черта также характерна для большинства буржуазных историков.

В. В. Томек, историк-позитивист (1818—1905), давший отрицательную оценку гусизму, прежде всего таборитам, признавал, однако, национальный характер движения. Его двенадцатитомная «История Праги» содержит ряд интересных сведений о национальном составе населения столицы чешского королевства². В «Истории Пражского университета» он писал о немецком засилье в городах Чехии, усилившемся при Карле IV³, и много внимания уделил национальным противоречиям в университете. Он отметил их в организационной структуре университета, его коллегиях, в составе студентов четырех наций, в спорах 80-х годов XIV века и вокруг Кутногорского эдикта.

В эпоху империализма в годы буржуазной чехословацкой республики идеологи реакционной чешской буржуазии решительно отмежевались от гусизма, выступали против гуситских революционных традиций, резко отрицательно оценивали движение в целом, искажали его сущность, выхолащивали из него все прогрессивное, антифеодалное (Т. Масарик), приспособлявая традиции гусизма к антинародным целям буржуазии. Й. Пекарж, доказывавший, что гусизм — это вообще нечешское и импортированное из Западной Европы учение⁴, открыто защищал давний тезис немецких реакционных историков, что гуситское движение выросло в борьбу всех чехов против всех немцев⁵.

После образования независимой буржуазной чехословац-

¹ F. Palacký. Dejiny národu českého v Čechách i v Moravě. I—V, Praha, 1848—1867.

² V. V. Tomek. Dejepis mesta Prahy. I—XII. Praha, 1855—1901.

³ V. V. Tomek. Dejiny university prazske. I. W Praze, 1849, s. 5, 110.

⁴ F. Kavka. Husitská revolucní tradice. Praha. 1953, s. 231.

⁵ J. Pečár. Zizka a jeho doba. V Praze, t. I—IV. 1927—1933.

кой республики прогрессивные чешские историки 20—30-х годов XX столетия дали гусизму положительную оценку, в частности, в решении национального вопроса в чешских землях, хотя на первый план также выдвигали религиозные мотивы и преувеличивали значение умеренного крыла гуситов. К. Крофта писал, что «в гуситском движении с небывалой силой развилось славянское сознание Чехов. Оно вернуло чешскому народу полную власть в его доме, повысило его национальное самосознание, связанное со славянской сущностью»¹.

Реакционные, националистические и шовинистические взгляды на гуситское движение нигде, пожалуй, не проявились с такой полнотой и последовательностью, как именно в оценке его национальных мотивов. По мнению К. Хёфлера, гуситство представлено тремя сторонами: религиозной, национальной и демократической (имелись в виду его социальные мотивы—А. О.). С самого начала это была прежде всего борьба чехов против немцев². Это положение Хёфлера нашло себе широкое признание в реакционной историографии, прежде всего, в немецкой, и с различными вариациями используется по настоящее время. В духе Ю. Липперта и некоторых других немецких и чешских историков Э. Верунский объявил немцев создателями городов Чехии, городских свобод, всех культурных, хозяйственных и иных достижений и расцвета страны в XIV веке³. Враждебно относясь к гусизму, он заявил, что чешские гуситы стремились будто бы уничтожить все немецкое и были в этом единодушны. Он подчеркнул, что гуситы добивались чехизации городов страны.

А. Бахманн считал, что Чехия особенно Судетская область, представляла собою район, где на протяжении столетий не прекращалась борьба между немцами и славянами⁴. Бертольд Бретхольц отметил, что при Люксембургах в

¹ K. Krofta. Duchovní odkaz husitství. Praha. 1946, s. 109—111.

² Geschichtsschreiber der hussitischen Bewegung in Böhmen. — Fontes rerum Austriacarum. I abt., t. 3, bd. 7. Wien. 1866, s. 19 (Далее—«Geschichtsschreiber...»).

³ E. Werunsky. Die culturhistorische Bedeutung des deutschen Stadtwesens in Böhmen.— «Mittheilungen des Vereines für Geschichte der Deutschen in Böhmen». Prag. 1882, I (Далее—«Mittheilungen...»).

⁴ «Böhmen oder vielmehr die Sudetenländer insgesamt sind das klassische Land nationaler Kämpfe zwischen Deutschen und Slawen seit Jahrhunderten». «Mittheilungen...». Prag. 1915, s. 193—194. (Цит. по статье В. Воспрого).

Чехии дошло до страшной национальной борьбы¹, хотя и не связал этого обстоятельства с крупнейшими экономическими и социальными сдвигами, происшедшими тогда в стране. Немецкие элементы среди высшего состава общества до XIV в. удерживали преобладание и имели большое влияние на политику государей². В то же время он преуменьшал растущие национальные противоречия, утверждая, например, что в немецких городах Чехии и Моравии (как он называл города с преобладанием немецкого населения по его этническому составу) в XII—XIV веках будто бы не было национальных противоречий³. В действительности же приток чешского крестьянства был весьма значителен во все и всякие города королевства, что не могло не сказаться на обострении национальных противоречий.

Немецкие историки либерального направления признавали известные положительные элементы в гусизме. Ф. Бецольд, отводивший значительное место социальным мотивам, считал, что в нем смешаны религиозные, национальные и социально-политические мотивы, но главное место, по его мнению, принадлежало религиозным⁴. Специально на национальном вопросе он не останавливался. В отличие от реакционных немецких историков, Бецольд признавал наличие совместных действий чешских и немецких гуситов. Вместе с тем он подчеркивал тенденцию к объединению славянской мощи в гуситской революции, как он выражался⁵, т. е. обратил внимание на рост взаимосвязей славянских народов в годы гуситского движения. Однако и он не был свободен от националистических тенденций. Долгие годы, писал он, Германия под знаменем веры вела расовую борьбу за свою национальность, угнетенную славянством⁶.

О распространении гуситских идей в Германии среди горожан и крестьянства интересные статьи с большим фактическим материалом опубликовал Г. Гаупт⁷.

¹ B. Bretholz. Geschichte Böhmens und Mährens. Reichenberg. 1924. S. 160.

² Ibid., S. 190—191.

³ Ibid., S. 200.

⁴ F. Bецold. Zur Geschichte des Husitentums. München, 1874, S. 2.

⁵ F. Bецold. König Sigmund und die Reichskriege gegen die Hussiten. I. München, 1872, S. 59.

⁶ Ibid., S. 15.

⁷ H. Haupt. Husitische Propaganda in Deutschland.— «Historische Taschenbuch». 6 Folge. 7 Jahrgang. Leipzig, 1888.

В русской литературе¹ на рассматриваемом вопросе остановился В. Надлер. Оценивая гуситское движение как движение религиозное, трактуя оппозицию католицизму как естественное выражение исконного тяготения славян к православию, он придавал большое значение национальным мотивам. «Существеннейшими элементами чешского движения были «...народное начало и народная славянская религия»². Он указал на засилье немцев в Пражском университете в предгуситское время, отметил рост национального самосознания чехов. «XIV век был временем пробуждения народного духа в литературе и жизни».

Полемика вокруг оценки роли Яна Гуса в чешской и немецкой литературе, выход в свет книги Ф. Палацкого, направленной против указанной выше националистической концепции К. Хёфлера, привлекли внимание и русских исследователей. К. Арсеньев объяснял стремление чехов к национальной независимости в гуситскую эпоху внутрочешской обстановкой 60-х годов XIX века. «Имя Гуса никогда еще не пользовалось в Богемии такой громадной популярностью, как в последнее время. Оно становится девизом борьбы за самостоятельность Чехии, сигналом народных демонстраций против владычества немцев»³. На роли чешских сочинений Яна Гуса в развитии чешского языка, культуры, национального самосознания чехов остановился Ю. Анненков, давший им высокую оценку. «...Такой сознательной ревности к защите национальных интересов, какую обнаруживает Гус в своей деятельности проповеднической и литературной, не замечается — можно сказать — положительно — ни у одного из его предшественников в деле преобразования чешского общества»⁴. Чешские сочинения Гуса сыграли большую роль в формировании самой идеологии гусизма, в том, что гуситские

¹ Характеристику старой русской литературы о гуситах см. у С. А. Никитина в «Очерках истории исторической науки в СССР» (т. 2, М., 1960); в статье Г. И. Липатниковой «К изучению гуситского движения в русской дореволюционной историографии». (Вопросы истории славян. 1. Воронеж, 1963).

² В. Надлер. Причины и первые проявления оппозиции католицизму в Чехии и Западной Европе в конце XIV и начале XV в. Харьков, 1864, стр. 137. Характеристику взглядов Надлера на гусизм в целом см. в указанной статье Г. И. Липатниковой, стр. 84—85.

³ К. Арсеньев. Ян Гус и чешская национальность.— «Вестник Европы», СПб, 1868, стр. 361.

⁴ Ю. Анненков. Чешские сочинения Гуса и время их написания.— «Журнал Министерства Народного Просвещения», часть СХСII, СПб, 1877, стр. 253. (Далее—«ЖМНП»).

идеи овладели большинством чешского народа, с полным основанием заключил Аппенков¹.

С. Венгеров отвергал утверждение о том, что гуситское движение — это борьба всех чехов против всех немцев. К началу движения были устранены все причины, которые могли бы питать национальное озлобление, «...чехи становятся полными господами своей страны»². Такой вывод автора, конечно, не отвечал действительному положению вещей. Чехи не были тогда еще полными хозяевами своей страны, и причины национальных противоречий еще не были устранены. В то же время Венгеров признал, что, хотя гусизм не был выражением национального протеста, движение это было глубоко национальным³.

Историки ФРГ продолжают в своем большинстве развивать реакционные и расистские концепции о гуситском движении. В националистическом и шовинистическом духе оно интерпретируется Г. Штаттмиллером, Х. Прейделем и другими авторами как борьба всех чехов против всех немцев⁴. В современных школьных учебниках в ФРГ гусизм трактуется прежде всего как движение антинемецкое⁵. Все же нельзя не оговориться, что отдельные историки ФРГ оценивают выступление и учение гуситов как прогрессивное, принесшее и определенные положительные результаты (М. Фишер, Ф. Зейбт)⁶.

Некоторые современные английские и американские гуситологи отмечают наличие национальных мотивов в гуситском движении. Как отметила Л. П. Лаптева, американский

¹ Ю. Анненков. Чешские сочинения Гуса и время их написания.— «Журнал Министерства Народного Просвещения», часть СХСII, СПб, 1877, стр. 266. (Далее—«ЖМНП»).

² С. Венгеров. Причины гуситско-таборитского движения.— «Русская мысль». Декабрь 1881, стр. 101.

³ Там же, стр. 105.

⁴ H. Köpstein. Pojetí národnostní otázky a národního hnutí v Čechách. 14. a 15. stol. zapadno-nemeckou historiografií po r. 1945.— «Ceskoslovenský časopis historický». 1955. 2. (Далее—Pojetí...).

⁵ R. Hub. Vylíčení husitského revolučního hnutí v Zapadonemeckých učebnicích.— «Jihoceský sborník historický». C. Budejovice. 1964. s. 1—2.

⁶ M. Vischer. Jan Hus. Aufruhr wider Papst und Reich. Frankfurt a. M., 1955.

F. Seibt. Die Hussitenzeit als Kulturepoche.— «Historische Zeitschrift». Bd. I, 95. 1962 и др. его работы.

ученый Ф. Г. Гейманн считает, что гусизм — это выражение социальных, национальных стремлений и движения за реформу церкви¹. В статье о чешских городах в предгуситское время он указал на наличие национальных противоречий в них еще до восстания гуситов². В полемике с другим американским историком, Г. Каминским, он вновь подтвердил, что одним из главных факторов, породивших гусизм, являлись национальные противоречия между чехами и немцами³.

Английский гуситолог Р. Р. Беттс, расценивая гуситский период в истории Чехии как отступление от нормального пути развития⁴, считал, однако, что в это время складывались национальное чешское государство и национальная церковь, хотя он несколько недооценивал огромное значение этого обстоятельства.

Каков же наш общий вывод о трудах буржуазных историков по рассматриваемому нами вопросу?

Положительным было то обстоятельство, что эти работы привлекли внимание исследователей к национальной стороне в гуситском движении, что вызвало поиски новых источников и дальнейшее их изучение. Прогрессивные историки собрали значительную сумму факторов, свидетельствовавших о положительных откликах на гуситские идеи в Германии, Польше. Однако и они исследовали национальные мотивы в гусизме в отрыве от социально-экономических процессов и задач, поставленных на порядок дня всем ходом исторического развития страны. Глубокие социальные противоречия, имевшие место в то время как в чешских землях, так и в землях империи, как правило, игнорировались. Вследствие этого не изучались особенности постановки национального вопроса умеренными и радикальными гуситами. Широко распространенной была националистическая концепция вопроса: в чешской литературе, что гуситское движение — это борьба всех немцев против всех чехов, и в немецкой — обратное, что гусизм — это борьба всех чехов против всех немцев. Националь-

¹ Л. П. Лаптева. Освещение гуситского движения в новейшей исторической литературе США.—«Вестник Московского университета», № 1, 1961, стр. 60.

² F. G. Heymann. The role of the towns in the Bohemia or the later Middle Ages.—«Cahiers d'histoire mondial (Journal of World History)». Paris, 1954, vol. 2, № 2.

³ «Cahiers. D'histoire mondiale» (Journal of World History). Paris, 1955, vol. 2, № 4, p. 991.

⁴ R. R. Betts. Social and Constitutional Development in Bohemia in the Hussite Period.—«Past and Present». Cambridge, 1955, № 7.

ные мотивы в гусизме иногда выдвигались на первый план, что приводило к принижению главного — социально-экономических истоков и целей его. Исследования, посвященные специально национальным мотивам в гуситском движении, вообще не были созданы. Даже в чешской литературе недооценивалось огромное значение гуситских традиций в борьбе за суверенное чешское государство.

К. Маркс и Ф. Энгельс обратили в свое время внимание на национальную сторону гуситского движения, в частности, в «Хронологических выписках»¹.

В марксистской литературе рассматриваемый вопрос задался в общих трудах по гуситскому движению². Чехословацкие, советские, польские историки и ученые ГДР справедливо подчеркнули, что национальные противоречия возникали и развивались не в отрыве от социально-экономических процессов, а в органической связи с ними. Социальные и национальные противоречия нередко переплетались между собой, причем первым принадлежала решающая роль. Историки-марксисты решительно отвергли реакционный тезис буржуазной историографии, что гусизм — это борьба всех чехов против всех немцев или наоборот.

Однако специальные работы, посвященные национальным требованиям бюргерской оппозиции периода до восстания 1419 г., почти совсем отсутствуют. Отдельные статьи о национальном вопросе в гуситском движении в целом, появившиеся в современной чехословацкой, польской литературе и в трудах историков ГДР, относятся ко времени народного восстания. Некоторые советские историки остановились на национальном вопросе в Чехии XIV—начала XV вв.

А. С. Сазонова в кандидатской диссертации и статье остановилась, в частности, на национальных мотивах в учении Гуса³. Как и другие историки-марксисты, она рассматривает их в органической связи с основными социально-экономическими и политическими процессами, происходившими внутри Чехии. Важнейшими центрами национального движения че-

¹ См.: К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. 6.

² J. Масек. Tábor v husitském revolucním hnutí. I—II, Praha, 1952, 1955. (Русский перевод: И. Масек. Табор в гуситском революционном движении. Т. I—2. М., 1956, 1959).

³ А. С. Сазонова. Социально-политические и национальные требования в учении Яна Гуса.—Ученые записки института славяноведения. Т. XVI. М., 1958.

хов являлись тогда Вифлеемская часовня и Пражский университет. Ян Гус подошел вплотную к вопросу о создании национальной церкви, был сторонником образования национального государства чехов. О стремлении Гуса к созданию национального централизованного чешского государства писал также И. Р. Фишер¹ и А. И. Озолин².

К середине XIV в., особенно во второй его половине и начале XV в., национальные противоречия в Чехии значительно обострились, чему способствовали различные обстоятельства. Главным из них все же являлся общий подъем производительных сил, все большее распространение товарно-денежных отношений, что сопровождалось успешным развитием ремесла и торговли, следовательно и городов, усилением притока сельских жителей в города и ростом в последних чешского населения³. Повышение удельного веса национальных чешских элементов в городах, их роли в ремесле и торговле наталкивалось на сопротивление немецкого патрициата, который выступал против основания цехов. В городах, особенно королевских, резко обострилась борьба за политическое преобладание между патрициатом и бюргерством, выступавшим еще обычно вместе с плебсом за ограничение немецкого засилья в магистратах и на других должностях в городе и в управлении страной, в королевском совете, на важнейших государственных постах.

Известные положительные результаты наблюдались и в экономике деревни, в сельском хозяйстве, что проявилось в некотором расширении посевных площадей, посевов технических культур, во всеобщем распространении трехполья и в известном расширении скотоводства. К этому времени преобладающей стала денежная рента, взимаемая помещиками с крестьян, что принуждало последних установить более тесные и регулярные рыночные связи с городом. Этому способствовали и изменения в самой экономике крестьянского хозяйства, рост его товарности, усиление процесса имущественного расслоения крестьянства. Втягивание крестьянства в товар-

¹ И. Р. Фишер. Ян Гус — борец за единую и независимую Чехию. — Ученые записки Саратов. ун-та. Т. 47, 1956, выпуск исторический.

² А. И. Озолин. Ян Гус о феодальном государстве. — Вопросы славянской филологии. Изд-во Саратов. ун-та, 1963.

³ Краткая характеристика социально-экономического развития Чехии рассматриваемого периода содержится в первом томе «Истории Чехословакии» (Т. I, М., 1956) и в книге А. И. Озолина «Из истории гуситского революционного движения» (изд-во Саратов. ун-та, 1962).

но-денежные отношения, расширение и упрочение экономических и политических связей между разными областями страны способствовали в свою очередь развитию элементов национальной культуры и языка, что стало особенно заметным с образованием Пражского университета. Все это создавало предпосылки для новых сдвигов в развитии чешской народности, зарождения элементов будущей чешской нации, идеи единства чешского народа, роста его национального самосознания. Естественно, что в таких условиях наличие многих привилегий у чужеземцев сталкивалось с растущими национальными стремлениями. Засилье иностранцев, прежде всего немцев, проявлялось как в экономике, так и в политической жизни, в церкви, в языке.

Большой остроты национальный вопрос достиг во время нескольких крупных событий в политической и культурной жизни страны: в последние годы правления династии Пржемыслов и в начале XIV в., когда оно закончилось; в середине века при попытке Карла I упрочить центральную власть; в связи с борьбой за национальную церковь; в 80-х годах во время усиления чешских элементов в Пражском университете; в конце XIV — начале XV вв., в годы выступления реакционного магнатского союза против Вацлава IV; в связи с подготовкой и изданием Кутногорского эдикта 1409 года.

Со все большей полнотой национальные мотивы сказывались и в политической жизни чешского общества¹. Нерешенными или решенными лишь частично были многие вопросы, среди которых весьма большое место принадлежало взаимоотношениям Чехии с Германской империей. Формально она продолжала входить в состав так называемой Священной Римской империи германской нации. Еще в годы правления последних Пржемыслов осуществлялась политика покровительства немецким элементам. Хронист Далимил обвинял в этом короля Вацлава II и сообщал, что эта политика вызвала оппозицию со стороны некоторых чешских панов в отношении короля². Его предшественник — Пржемысл II — также покровительствовал немцам, писал тот же автор, раздавал им города и села, притеснял чешских панов³. Приток немцев в города наносил ущерб земанам⁴, отмечал хронист, не моти-

¹ Политическая сторона событий будет нами рассмотрена в следующей статье.

² Dalimilova kronika česká. — «Fontes rerum Bohemicarum», dil 3, svazek 1—3, v Praze, 1878, с. 179.

³ Там же, стр. 102, 240.

⁴ Там же, стр. 196—197.

вируя своего утверждения. Последние Пржемыслы продолжали поддерживать немецкие элементы. Вацлав III начал принимать немцев в состав королевского совета, читаем мы у Далимила¹.

Когда в 1306 году закончилось правление Пржемыслов, развернулась напряженная борьба за обладание чешской короной между различными претендентами. С притязаниями на нее выступили крупнейшие немецкие князья. Уже тогда сказалось пренебрежение чешских магнатов к национальным интересам страны. Они опасались и не хотели упрочения королевской власти и поэтому были заинтересованы в том, чтобы чешский трон занял чужеземец, не имеющий владений в чешском королевстве, то есть прочной материальной базы, родственных связей с магнатами, высшим духовенством. Такой государь не только не смог бы ограничить их привилегии, но, наоборот, зависел бы от них и принимал бы решения по важнейшим вопросам внутренней и внешней политики лишь с санкции и по рекомендациям магнатов. Немецких патрициев также устраивал бы такой слабый государь.

В ходе событий одна группа магнатов избрала королем Чехии Рудольфа, герцога австрийского, другая—герцога хорутанского, Генриха. Патрициат Праги и Кутной Горы, воспользовавшись слабостью Генриха хорутанского, захватил в плен некоторых чешских магнатов и даже государственных служащих с тем, чтобы добиться расширения своих привилегий. В самой Праге дело дошло до столкновений чехов с немцами². Немцы прятались в своих домах. Следовательно, пронемецкая ориентация городской верхушки столицы вызвала решительное сопротивление основной массы населения—чехов. Петр Збраславский писал, что избрание королей из чужеземцев было для страны губительным фактором³. Хронист Далимил, современник событий, с горечью восклицал: «Что же сделали Чехи! Избрали себе князем своего врага», который хочет перебить всех чешских панов⁴. Он прямо заявлял магнатам, что напрасно они давали немцам замки-крепости, что лишь укрепило позиции последних в чешских землях⁵. И это замечание соответствовало действительности. Несколько лет различные чужеземцы, претенденты на

¹ Dalimilova kronika česká.—«Fontes rerum Bohemicarum», dil 3, svazek 1—3, v. Praze, 1878, s. 202—204.

² Dalimilova kronika..., s. 217—221.

³ Kronika Zbraslavská. Chronicon Anlae Regiae. Praha, 1952, s. 258.

⁴ Dalimilova kronika..., s. 208.

⁵ Там же, стр. 216.

чешский престол, выступали друг против друга с оружием в руках, вторгались в чешские земли, воевали в их пределах, нанося населению большой урон¹. Когда Конрад, аббат збраславский, приехал в Германию к императору Генриху с просьбой исправить положение дел в Чехии, как сообщает хронист, то император сказал ему, что после смерти Пржемыслов права на чешские земли перешли к нему, и он предоставит чешское королевство тому, кому сам пожелает². Были ли сказаны буквально эти слова, либо иные, факт тот, что имперские князья использовали благоприятную обстановку в Чехии. Они заключили соглашение с чешскими магнатами, и чешский престол в конце концов заняли немецкие князья Люксембурги.

Позиция магнатов и патрициата в ходе рассматриваемых событий вызвала протест со стороны массы дворянства и горожан, что нашло свое выражение в хронике Далимила, написанной в те годы (1308—1311). Автор выражал свою точку зрения в словах, вложенных в уста князя Собеслава, который призывал не назначать на чешский трон немецкого пана. Нужно искать государя в своей стране, подчеркивал хронист. Простой чешский пахарь, заключал он, будет лучшим королем для чехов, чем любой немец³.

Магнатам и прелатам, несмотря на протесты массы дворян и горожан, удалось осуществить свои намерения. Различные группировки знати пришли к взаимному соглашению. Корыстный характер этого компромисса прослеживается в сохранившейся грамоте нового короля Иоанна Люксембурга мораванам от 18 июня 1311 г.⁴ В 5-й статье ее прямо значилось, что доходные должности в Моравии будут предоставляться только мораванам. Нельзя не видеть, что объективно такое обязательство нового государя должно было ограничить проникновение чужеземцев в государственный аппарат страны, хотя и не следует полагать, что эти обязательства выполнялись полностью. Национальные интересы и в данном случае теснейшим образом переплетались с политическими. Однако, с другой стороны, пятая статья защищала обособленность Моравии от всех остальных владений чешской короны,

¹ Kronika Zbraslavská, s. 262—66, 307, 386 и др.

² Там же, стр. 295, 296.

³ Nase národní minulost, díl. I. Praha, 1954, s. 77—79.

⁴ Там же, стр. 83—84. Текст грамоты, которую Иоанн Люксембург дал чехам, т. е. фактически чешским привилегированным сословиям, не сохранился.

от собственно Чехии, к чему стремились моравские паны. Чехи не должны были назначаться также на доходные должности в Моравии. Следовательно, привилегии моравских магнатов еще более возросли. Ряд привилегий получила от нового государя и Старая Прага. Было установлено, что немец, не владеющий чешским языком, не может являться бургомистром, что в составе магистрата должно было быть 12 консулов чехов и 6 немцев¹.

Приход к власти в Чехии династии немецких князей Люксембургов создавал благоприятные условия для усиления немецкого влияния во внутренней жизни страны, для проникновения на важнейшие государственные посты, в окружение Карла I не только немцев-прелатов, но и светских князей и патрициата. Чешская знать, в свою очередь учитывая растущее влияние чужеземцев, прежде всего немцев, нередко шла на сближение с ними, вступала в родственные связи, онемечивалась в своем быту и в речи, отказывалась от родного чешского языка. Однако основная масса чешского дворянства относилась к этому усилению иностранцев отрицательно, имея в виду, главным образом, свои корыстные интересы. Засилье немецкой знати при дворе, в стране в целом тяжело сказалось и на экономике чешских дворян. Большая часть ленов, королевских дарений, важных и доходных должностей в королевской канцелярии уходила в руки иноземцев. Отсюда дворянская оппозиция против немцев. Масса чешского дворянства была настроена в то время патриотически и являлась также сторонницей национальной независимости своей родины.

Политика правительства была с этой точки зрения неблагоприятной для чехов. Династии Пржемыслов и Люксембургов покровительствовали немецким элементам—князьям, прелатам, патрициату и бюргерству² с тем, чтобы получить в их

¹ Úřbor z literatury české, I, v. Praze, 1845, s. 315—316.

² Вацлав II, например, поддерживал основание монастырей, и к нему «съезжались монахи различных орденов» «...со всех областей Италии, Франции и всей Германии, но и из Руска, те из Пруссии, те из Греции и не один из краев венгерских и приморских...» (Kronika Zbraslavská..., с. 178).

К. Хёфлер объяснял приглашение Пржемысловичами немцев в Чехию в националистическом духе тем, что чехи сами не могли будто бы быстро поднять свою культуру и прославлял немецкую культуру того времени. (K. Höfler. Magister Johann Hus und der Abzug der deutschen Professoren und Studenten aus Prag. Prag., 1409, 1864, S. 57).

лице опору против притязаний магнатов, местного чешского дворянства¹ и, с другой стороны, увеличить приток дополнительных доходов за счет переселенцев. Когда Карл I стал императором Германии (1347, Карл IV) приток немцев в Чехию еще более увеличился. Городские книги Старой Праги за 1340—1393 гг. сообщают о переселенцах в Прагу из многих городов империи—Нюрнберга, Пассау, Франкфурга, Мюльгаузена, Констанца, Базеля (два последних города входили тогда в состав империи). Помимо этого, были пришельцы из нескольких польских городов—Торуня, Гданьска (тогда они были в составе владений тевтонского ордена), из Италии—венецианцы, генуэзцы, флорентийцы; затем отдельные англичане, французы и представители иных народностей. В. В. Томек пришел к выводу о засилье немцев в то время в Старой Праге. В старых городских книгах ее было записано тогда 799 чешских и моравских фамилий и 154 немецких².

Наиболее экономически мощные фамилии в Праге того времени—немецкие. В их руках находилась большая часть земельной собственности, городских и внегородских владений (еще Карл I дал пражанам право приобретать земельные владения). Целый ряд селений принадлежал роду Ольбрамовичей³. Из 84 виноградников, принадлежавших городу, 58 являлись собственностью немецких патрициев и 26 принадлежало монахам и иным представителям духовенства⁴, среди которых также несомненно были и немцы.

Ю. Липперт, немецкий историк, живший в Чехии, в своей социальной истории этой страны⁵ весьма много внимания уделил национальному составу населения чешских городов XIII—XIV вв., трактуя чешско-немецкие отношения и историю Чехии с пронемецких, националистических позиций. Он рассматривал немецких колонистов в чешских землях как

¹ F. Palacký. Dějiny národu českého v Cechách a v Moravě. T. 3, v Praze, 1939, s. 39.

² V. V. Tomek. Dějepis mesta Prahy. T. 2. W Praze, 1871, s. 512.

³ Там же, стр. 420.

⁴ B. Mendl. Hospodárske a socialní pomery v mestech Pražských v letech 1378 az 1434.—«C. S. H.» 1916, s. 4, s. 435.

⁵ «...einem Stamm Deutschen Ansiedler als die ersten Begründer der Bürgergemeinde» (J. Lippert. Social—Geschichte Böhmens in vorhussitischer Zeit. Prag.—Wien—Leipzig, bd. 2, S. 173).

основателей городов¹, писал о том, что в целом ряде чешских городов немецкое население вообще было преобладающим до XV века.

Чужеземцы имели в городах и сельских местностях значительные привилегии, которые обычно нарушали интересы коренного чешского населения. Переселенцы-крестьяне получали земельные держания в наследственное пользование и платили своему помещику лишь денежную ренту, будучи свободными от барщины. Немцы-колонисты и их потомки продолжали сохранять свое особое право и жили по правовым установлениям Германской империи² (то же самое имело место и в отношении иных чужеземцев). Горожане-немцы судились в чешских городах по немецкому праву и сохраняли право апелляции в Магдебург и Нюрнберг до 1387 года, когда оно было отменено Вацлавом IV. Они нередко пользовались привилегиями, которых было лишено местное чешское население. В городе Градиште кожевники немцы имели право обрабатывать кожи *всякого рода*, а чехи — *только коровьи и лошадиные*³. В 1347 г. Карл I предоставил нюрнбержцам большие торговые привилегии, уравнив их права в Праге с правами самих пражан⁴, что было крайне невыгодно для последних.

Немцы и иные чужестранцы имели значительный вес и в политической жизни страны, занимали многие государственные должности. Проникновение немецкой знати на высшие духовные посты, в королевский совет, в канцелярию короля становится особенно заметным при Карле I, когда Прага стала не только центром владений чешской короны, но и столицей императора Германской империи. Хотя в проекте «Маестас Каролина» предусматривалось, что государствен-

¹ «...die als die ersten geistlichen Hirten Böhmens nicht ohne bedeutende Mühsall und Gefahren die keime geistiger Cultur in das Land legten» (J. Lippert. Geschichte der Stadt Leitmeritz.—«Beiträge zur Geschichte Böhmens». Abt. 3. Orts-Geschichten. Bd. 2. Prag. 1871, S. 29).

² V. Vaněček. Krátke dejiny státy a prava v Československu. Praha, 1955, s. 63—64.

³ G. Chaloupka. Dva seznamy mestské dávky Uh. Hradiste z druhe poloviny XIV století.—«Sborník matice moravske», 1959, S. 153—154.

⁴ J. Čelakovský. O vývoji stredovekeho zřízení radního v mestesh Prazských. Sborník prispevku k dejinam Hlav. mesta Prahy. Díl I. Ses. 2. V Praze, 1920, s. 147.

ные должности не могут в Чехии занимать те, кто не понимает чешского языка и не может на нем изъясняться, однако сразу же следовала оговорка, что король может назначать таких людей по своей воле¹. Практически Карл широко использовал это право. К концу века положение существенно не изменилось. Немцы неоднократно занимали пост архиепископа чешской церкви. С 1396 года им стал Ольбрам из рода немецких пражских патрициев Ольбрамовичей². С 1411 г. архиепископом являлся Альбин, немец из Уничова родом. После него с 1413 г.— немец Конрад, родом из Вестфалии³.

Немцы и иные чужеземцы занимали значительное место в королевских городах страны. Они являлись главной составной частью городского патрициата. В их руках обычно находились руководящие посты в магистратах королевских городов. Кутная Гора—крупнейший центр горного дела в Чехии, наиболее привилегированный город после Праги,— был в предгуситское время в преобладающей части немецким по своему составу⁴. Немецкий священник Герман выступал там с проповедями, в которых вообще противопоставлял всех кутногорцев чехам. Памятники письменности в этом городе, уцелевшие от того времени, написаны на латинском, иногда на немецком языках. Лишь сельские окрестности являлись чешскими по национальному составу населения. Большинство населения третьего по величине города страны, моравского города Брно, составляли немцы⁵, и патрициат в нем, как и в Кутной Горе, состоял главным образом из немцев⁶.

Решающие позиции в магистрате Праги почти вплоть до гуситского восстания 1419 года находились в руках немецких патрициев и, частью, немцев-бюргеров. Я. Челаковский показал, что это было характерно для периода правления Карла I. В 1352 г. он назначил консулами только патрициев-нем-

¹ Archiv Český. V Praze, 1844, díl 3, c. 103.

² V. V. Tomek. Dejepis mesta Prahy, t. 2, стр. 442.

³ Starj letopisowe cessti. W Praze, 1829, s. 14.

⁴ Kejr. Právní život v husitské Kutné Hore. V Praze, 1958, s. 16—17.

⁵ J. Mezník. Brněnský patriciat a boje o vládu mesta ve XIV a XV. století.—Brno v minulosti a dnes. IV. Brno, 1962, s. 270.

⁶ Там же, стр. 291.

цев¹. Под натиском усилившихся чешских элементов в новом магистрате Старой Праги в 1362 г. большинство получили чехи (судя по именам членов магистрата). Однако уже в 1363—1369 годах национальный состав магистрата вновь изменился в пользу немцев. Такая картина с некоторыми колебаниями сохранилась и далее. В Старых чешских летописях за 1412 г. отмечалось, что «...в магистрате в старом городе (т. е. в Старой Праге—А. О.) тогда были почти все немцы»². Старая Прага была главным оплотом немецкого патрициата³. Новая Прага являлась чешской по составу своего населения, и в магистрате там с самого начала преобладали чешские элементы.

В столице страны у власти стояло фактически несколько десятков наиболее богатых патрицианских семей. Из их состава и подбирались члены магистрата. Из рода Вельфловичей, например, Франтишек был консулом в 1378, 1381, 1387 гг., Альберт Камерер—в 1407, 1412, 1413 гг. Из потомства Якова того же рода сын его, также Яков, являлся консулом с 1362 по 1372 год непрерывно. Вельфловичам принадлежал в Праге 21 дом. Они имели много земельных владений, и некоторые из них получили дворянское звание панов⁴. Ольбрам из рода Ольбрамовичей был пражским каноником, затем канцлером у Яна, князя Загорелецкого в Лужице (Лаузице) и с 1396 г. стал архиепископом пражским. Петр Ольбрамович являлся консулом в Старой Праге в 1363, 1366, 1372 гг.; Прокоп—консулом С. Праги в 1372, 1384, 1403 гг.⁵. К числу других богатейших старых родов в столице принадлежали также Фридингеры, Гольднеры, Рокицанские и другие. Сигизмунд из рода Рокицанских являлся консулом в 1394, 1402, 1408, 1410, 1412, 1413 гг.⁶. Не случайно В. В. Томек и пришел к выводу, что «немецкая национальность была почти во всех чешских и моравских городах господствующей»⁷.

¹ J. Čelakovský. O vývoji středověkého zřízení radního v městech Pražských, s. 147. Sborník příspěvků k dějinám Hlav, města Praha, Díl I. Ses. 2, v Praze.

² Starj letopisowe cesští. 1829. s. 15.

³ V. V. Tomek. Dejepis města Prahy, t. 2, str. 436.

⁴ V. V. Tomek. Dejepis města Prahy, t. 2, str. 436.

⁵ Там же, стр. 444.

⁶ Там же, стр. 453, 457.

⁷ Там же, стр. 512.

В городе Угорске Градиште по сохранившимся налоговым реестрам второй половины XIV века в списках членов магистрата преобладали еще немецкие имена¹. В городе Бероуне, согласно установлению Карла I, в городском магистрате было равное количество чехов и немцев². Однако такое соотношение было тогда еще редким. Обычным являлось наличие большинства немецких элементов в органах городского управления.

В самой тесной связи с проблемой отношений Чехии с Германской империей стоял вопрос о создании независимого и крепкого, централизованного чешского государства. Усиление королевской власти при Карле IV вызвало решительную оппозицию чешских магнатов, не желавших уступить хотя бы часть своих огромных привилегий, тем более своих владений. В этой связи, как уже отмечалось в советской литературе, стоял провал плана Карла установить единое законодательство в стране, с помощью которого упрочилась бы и центральная власть³. В последней четверти XIV века, в годы правления Вацлава IV, оппозиция магнатов центральной, королевской власти еще более усилилась и вылилась в открытое выступление против короля, сопровождавшееся даже несколькими его арестами, т. е. открытым мятежом⁴. Период феодальной анархии конца XIV—начала XV вв. весьма примечателен, в частности, тем, что тогда со всей очевидностью проявилось пренебрежительное отношение светских и церковных магнатов к национальным интересам, к судьбам страны. Во внутрочешские дела охотно и активно вмешивались немецкие князья. К реакционному союзу чешских панов примкнули австрийские Габсбурги, Рупрехт, пфальцграф рейнский, давний соперник Вацлава IV в Германской империи. Как раз в эти годы (1400) немецкие князья, воспользовавшись выступлением чешских магнатов против своего государя и другими

¹ G. Chaloupka. Dva seznamy..., стр. 153—154.

² Steně o Karlu IV. a jeho době. Praha, 1958 (Предисловие 3. Фиалы, стр. 56).

³ Г. Э. Санчук. Чешский законник «Магистас Каролина» как исторический источник для изучения начала образования чешского национального государства.—«Краткие сообщения института славяноведения». Т. XV, М., 1951, 2. Его же. К вопросу о положении королевской власти в Чехии в первой половине XIV в.—«УЗИС», т. XV, М., 1957.

⁴ F. M. Bartos. Hus a česká stat.—«Časopis Narodního musea». С. 2, Praha, 1965. Источники вопроса опубликованы в «Archiv Český», t. I, v Praze, 1840.

9 Средневековый город

благоприятными обстоятельствами, лишили Вацлава императорской короны и избрали на его место Рупрехта пфальцского. Когда в 1401 г. он вторгся со своими войсками в Чехию, то не встретил там никакого организованного сопротивления. Младший брат Вацлава, венгерский король Сигизмунд, претендовавший на чешскую корону, арестовав своего брата в 1402 г., отвез его в Вену и сдал своему союзнику—австрийскому герцогу. В последующие годы паны-мятежники выступали против короля еще несколько раз, и лишь много позднее Вацлаву удалось в конце концов прийти к соглашению с магнатами страны.

Немецкое засилье было весьма значительно и в области культуры и языка. Как мы покажем ниже, оно очень сильно проявлялось в Пражском университете, причем национальные противоречия в нем в конце XIV—начале XV вв. все более усиливались. Немецкий язык начал проникать и в официальные документы, в королевские грамоты, наряду с прежней обязательной латынью. Большинство сохранившихся цеховых статуты Праги этого периода записано на немецком языке¹ так же, как и Йиглавское горное право, некоторые другие правовые источники² и, частично, городские книги. В 1383 г. на немецком языке были записаны в Старой Праге «права консулов», переведенные затем на чешский язык. Я. Челаковский произвел подсчет грамот, выданных в XIV в. королевским городам (кроме Праги)³. За годы правления Карла I сохранилось 200 грамот на латинском и 44 на немецком языках. Чешских среди них еще не было. При Вацлаве IV города получили 193 грамоты, написанные на латинском языке, 104—на немецком и лишь 14—на чешском языке, причем в большинстве переведенные с латыни. Немецкий язык явно вытеснял прежнюю латынь и стремился занять господствующее положение в чешских землях.

Ярким выражением роста национального самосознания чешского народа, стремления к церковным реформам явилась борьба за создание новой, преобразованной национальной чешской церкви. Церковь Чехии, как и Европы в целом, была авангардом феодализма, поэтому и в ней все отрица-

¹ Deutsche Rechtsdenkmäler aus Böhmen und Mähren. Ed. E. F. Rössler. I bd. Prag., 1845.

² Codex juris Bohemice. T. 2, p. 2. Pragaе, 1870. Majestas Carolina.

³ Cobex juris municipalis regni Bohemia. Dil 2. V Praze, 1895, s. XIX.

тельные стороны феодальной системы проявились с наибольшей полнотой. Зарождавшаяся бюргерская оппозиция с самого начала носила антицерковный характер, что было типичным для того времени. Эта особенность обычно закрывала буржуазным исследователям подлинную антифеодальную сущность гусизма, как и других реформационных движений эпохи средневековья. Естественно, что и критика тогдашней церкви, планы ее преобразования занимали очень большое место в трудах идеологов бюргерской оппозиции. В период образования национальных централизованных государств на этапе развитого феодализма закономерным явлением становится борьба за национальную церковь, которая складывалась тогда повсюду в странах Европы.

Борьба за национальную церковь являлась составной частью всего процесса формирования централизованных государств и была органически связана с ним. Следовательно, было бы совсем неверно сужать это движение и сводить его только к задаче религиозных преобразований. Это была одновременно и важнейшая политическая задача. Зарождение и формирование чешской национальной церкви—явление многостороннее. Весьма большое место в нем занимал такой вопрос, как достижение внутренней самостоятельности чешской церкви. Почти до середины XIV века она была в организационном отношении подчинена церкви Германской империи, в состав которой формально входили и земли чешской короны, и подчинялась майнцскому архиепископству. Эта зависимость влекла за собою существенные привилегии для немецких прелатов и монашества, давала широкий простор их проникновению на руководящие посты в монастырях и церквях чешского королевства. Так и было в действительности. Монахи нищенствующих орденов в Чехии состояли в большинстве своем из немцев¹. В составе их были и многие иные чужеземцы. Цистерцианские монастыри в стране состояли также из немцев. Лишь при Карле I в них начали принимать чехов.

В 1344 г. чехи добились организации своего архиепископства, чешская церковь получила внутреннюю самостоятельность, стала независимой от майнцкого архиепископства, от немецкой церкви вообще и стала подчиняться непосредственно Римской курии. Еще Пржемысл-Оттокар I в 1204 г. попы-

¹ E. Winter. Frühhumanismus. Seine Entwicklung in Böhmen und deren europäische Bedeutung für die Kirchenreformbestrebungen im 14. Jahrhundert. Berlin, 1964.

тался добиться самостоятельного архиепископства для Чехии¹. Однако тогда этого не удалось достичь ни ему, ни позднее Пржемыслу-Оттокару II и Вацлаву II. Ко времени Карла I папская курия была в ссоре с императором Людвигом Баварским, и ей было выгодно вырвать Прагу из-под влияния майнцского архиепископа, сторонника и ставленника Людвига². Одна из предпосылок образования самостоятельного архиепископства пражского — это рост в стране народных ересей. В письме папы Бенедикта XII от 13 сентября 1341 г. содержалась просьба к чешскому магнату Ольдржиху из Градца оказывать всяческую помощь назначенному им инквизитору Гавлу в борьбе с ересью. После того, как в 1341 г. еретики убили в Праге силезского инквизитора Иоанна Швенкфельда, в Чехии был учрежден постоянный суд инквизиции (1342). К этому времени (1341) относится сообщение чешских хронистов о выступлении в стране флагеллантов³.

Образование архиепископства в Чехии было важным событием на пути формирования национальной чешской церкви. Епископ Иоанн из Дражиц, чех и сторонник национального развития своей страны, установил, что в монастырь в Роуднице принимались только чехи⁴.

Если высшее чешское духовенство стремилось к созданию национальной церкви для того, чтобы добиться полной монополии в стране в свою пользу, увеличения доходов и усиления своего влияния в политической жизни, подавления народных ересей, то король Карл I, ставший вскоре и императором Германии, стремился усилить свою роль в Центральной Европе и расширить свои владения, в частности, в славянских землях. При нем был создан монастырь на Славянах (Эмаусский монастырь), где было введено славянское богослужение. Он основал много новых монастырей в Чехии и предоставил церкви большие богатства и новые привилегии.

Организация чешского архиепископства была лишь одним из первых шагов по пути создания национальной чешской церкви. Как и во всех католических странах Европы, так и в

¹ E. Winter. Frühumanismus Seine Entwicklung..., s. 55.

² Dejiny Prahy. Praha, 1964, s. 105.

³ Monumenta historica Bohemiae, ed. G. Dobner, t. IV. Praha, 1779. S. 122.

⁴ E. Winter. Frühumanismus Seine Entwicklung..., s. 34—35.

Чехии огромным влиянием и, в значительной мере, правом решать многие важные вопросы пользовалась Римская курия. Щедрой рукой папы раздавали бенефиции и пребенды в чешских землях своим помощникам и фаворитам без всякого на то согласия руководителей чешской церкви, как это показал еще К. Крофта¹. Папа Иоанн XXII дал до 250 грамот на бенефиции в Чехии, Климент VI — до 600, Бонифаций IX — более 600.

Чешская церковь, как и духовенство других католических стран, была обязана ежегодно отчислять значительную часть своих доходов в папскую казну. Материальные интересы чешских прелатов ставились этим под угрозу, во всяком случае, заметно ограничивались в пользу Римской курии. Помимо этого, частым явлением были всякого рода чрезвычайные поборы по требованию Рима: на военные нужды под знаком крестовых походов, в юбилейные годы и пр. Недовольство самого чешского высшего духовенства вызывала купля-продажа Римом важнейших церковных должностей в провинциальных церквях, на что существовала почти официально признанная такса. За должность оломоуцкого епископа следовало уплатить в курию 3500 золотых, за место пражского архиепископа — 2800 золотых².

Папская курия оказывала давление на высшее духовенство или вмешивалась непосредственно во внутренние дела национальных церквей, в том числе и Чехии. Издавались многочисленные папские буллы, всякого рода предписания, инструкции, имевшие обязательную силу для местных церквей того или иного государства. Неоднократно и в Чехию приезжали папские легаты в целях осуществления какой-либо ревизии, под предлогом борьбы с ересями и пр., и также вмешивались в решение важнейших вопросов местным духовенством. Папская курия обсуждала доносы своих ставленников и сторонников, вызывала к себе обвиняемых в ереси и судила их (напомним вызовы Яна Милича в Рим и Авиньон). Все это

¹ K. Krofta. Kurie a církevní správa v zemích českých v době předhusitské.—«С. С. Н.» 1904, X. 1906, 12, 1908, 14.

² См. сводную таблицу по данному вопросу в кн.: I. Eršil. Správní a finanční vztahy avignonského papežství k českým zemím ve třetí čtvrtině 14. století.—Rozpravy Československé Akademie věd. Rada společenských věd. Sesit 10. Praha, 1959. S. 98—99.

также нарушало самостоятельность местных церквей. С наибольшей силой это проявилось в годы схизмы, великого раскола церкви. Наличие двое- и троепапства приводило к разброду в среде самого высшего духовенства, к существенным разногласиям между прелатами различных стран, да и внутри одной страны, нередко способствовало росту противоречий между светской и церковной властью, примером чему являлась как раз сама Чехия (отношения между королем Вацлавом IV и архиепископом Збынеком). Рим вмешивался в решение многих чисто светских вопросов, стараясь поставить от себя в зависимость и светских государей. Напомним его роль в подборе кандидатур на императорский трон в Германии. Влияние Рима сказывалось и в области культуры, где церковь всеми силами и средствами старалась удержать свою монополию. Когда Карл I задумал основать университет в Праге, он должен был просить санкции папы.

Период XII—XIV столетий — это время заметного роста стремления европейских народов к формированию национальных государств с национальным языком, церковью, культурой. Движение за национальный язык в светской и церковной литературе приобретало все больший размах. Появились произведения крупнейших представителей не только светской, но и церковной, теологической литературы на итальянском, французском, английском, немецком языках (произведения Данте, немецких мистиков, Чосера и др.). Католическая церковь вела решительную борьбу с этими новыми веяниями, осуществление которых привело бы к резкому упадку ее влияния в идеологической области. Одним из главных средств для удержания монопольного положения церкви в области культуры являлось господство латинского языка в богослужении, в теологической и, в значительной мере, в светской литературе, запрет мирянам самостоятельно читать и толковать Библию, богословские произведения вообще. Синод в Тулузе еще в 1229 г. запретил использование национальных языков в религиозных трактатах и, особенно, переводы Библии¹. Это было время широкого распространения еретических народных сект в Западной Европе, да и в самой Чехии, которые и в этом отношении решительно нарушали требования официальной церкви. И в чешских землях с ростом национального самосо-

¹ E. Winter. Указ. соч., стр. 85.

знания во второй половине XIV в. вопрос о применении родного чешского языка в богослужении, религиозной и светской литературе, в быту приобретал все большую значимость. Борьба против засилья латыни, за победу национального чешского языка была органически связана с идеей свободной проповеди христианского учения, нашедшей позднее свое выражение в первой из четырех пражских статей¹. Особенно сильно это проявилось в деятельности предшественников Гуса, стремившихся довести свои идеи, свои планы улучшения и исправления церкви до широких масс населения.

Уже Конрад Вальдгаузер, австрийский немец, проповедовавший одно время в Чехии, ввел в Чехии вместо вступления к проповеди один раз в году пение церковных песен на немецком или на чешском языках². З. Неедлы сообщил, что Вальдгаузер первый ввел чешскую религиозную песню «Бог всемогущий» в литургию³. Проповеди его пользовались огромной популярностью за наличие в них критики церкви, продажности духовенства, и часть его главного труда — «Постиллы» (22 проповеди) — была еще в XIV в. переведена на чешский язык⁴. В эти же годы выступил первый чешский предшественник Гуса, отец чешской реформации — Ян Милич из Кромержижа. Один из его современников отметил, что Милич проповедовал в церкви у св. Иржи в Праге по-чешски, а в церкви св. Тына — по-немецки⁵. Матей из Янова, вспоминая своего учителя Милича, писал, что тот проповедовал по пяти раз в день: один раз по-латыни, один — по-немецки и *три раза — по-чешски*⁶. Л. Клицман и Ф. Лоскот сообщили об авторстве

¹ Содержание и объективная направленность первой из четырех пражских статей далеко выходит за рамки борьбы за национальный язык. В настоящей статье мы остановимся, в соответствии с темой, только на этой ее стороне.

² F. M. Bartos. Ze zápasu české reformace. Praha. 1959, s. 47.

³ Z. Nejedlý. Počátky husitského zpevu. V Praze, 1907, s. 67.

⁴ Staročeské zpracování Postily studentů svate University Pražske Konráda Waldhausera.—Sbírka pramenu Českého hnutí náboženského ve XIV. a XV. století. XX. V Praze, 1947, s. VI.

⁵ Život Milice z Kromerize—«Fontes rerum Bohemicarum». T. I. V Praze. 1873, s. 413, 416 (Далее—«F. r. B.»).

⁶ Matej z Janova. Zpráva o Milicovi z Kromerize.—«F. r. B.». T. I, svazek 4. a 5, s. 435.

Милича в отношении чешских молитв, которые, однако, до нас не дошли¹.

Уже тогда в богослужение проникает чешский хорал «Господине», который исполнялся во время процессий еще при Карле I. Проникла в мессу и старая чешская военная песня «Святой Вацлав». Позднее появилось много духовных песен не только на латинском, но и на чешском языке². Крупнейший предшественник Гуса, магистр Матей Янова, начал сам писать по-чешски. Однако его единственное произведение на чешском языке не сохранилось³. Он являлся сторонником перевода Библии на чешский язык, и в 1392 г. произошло по этому поводу его решительное столкновение с Пражской консисторией⁴. Магистр Якоубек из Стржибра, единомышленник Гуса, сообщил, что Матей Янов являлся сторонником чтения евангелия на чешском языке. Он составил тогда много духовных песен на латинском и чешском языках⁵.

Внимание многих исследователей прошлого и настоящего привлекла деятельность Томаша Штитного, выходца из мелких дворян, прожившего большую часть своей сознательной жизни в Праге. Лингвисты и историки литературы указали на его большую роль в формировании национального чешского языка в литературе. Писательская деятельность этого предшественника Я. Гуса сама по себе в какой-то мере являлась практическим осуществлением идеи свободной проповеди христианского учения, слова божьего, как говорили тогда. Мирянин Штитный, несмотря на то, что Карл I в 1369 г. запретил, в соответствии с пожеланиями прелатов, использование национальных языков в религиозных трактатах, особенно переводы Библии⁶, взялся толковать некоторые библейские

¹ L. Klicman. Studie o Milicovi z Kromerize.—«Listy filologicke» V Praze. 1890. s. I. c. 29, s. 4, c. 361.

F. Loskot. Milic z Kromerize otec české reformace. Praha. 1911. s. 35, 82.

² F. M. Bartos. Указ. соч., стр. 47.

³ M. Machovec. Husovo uceni a vuznam v tradici českého národa. Praha. 1953. s. 114.

⁴ F. M. Bartos. Указ. соч., стр. 44. Ф. Палацкий и В. Кибаль допускали, что Матей из Янова мог быть и первым переводчиком Библии на чешский язык. (V. Kubal. M. Matej z Janova. V Praze, 1905. s. 76). Е. Винтер полагает, что М. Янов вместе с Т. Штитным работали над переводом Библии на чешский язык (Е. Winter. Указ. соч., стр. 136).

⁵ F. M. Bartos. Указ. соч., стр. 47, 48.

⁶ E. Winter. Указ. соч., стр. 74.

положения неграмотному в своем подавляющем большинстве чешскому народу. Его предисловие к «Шести книжкам» представляет яркое свидетельство того, что этот предшественник Гуса больше всех других сторонников реформации его времени стремился довести критические замечания в адрес церкви, духовенства до чешского дворянства, массы горожан, крестьян. В нем мы читаем, что еще св. Павел писал на языке тех, кому писал: евреям — по-еврейски, грекам — по-гречески. «Поэтому мне не думается, — замечал Штитный, — что было бы дурно писать Чехам книги по-чешски, с помощью которых они могли бы иметь христианскую веру и добрые поучения»¹. Во втором предисловии к тому же произведению автор ссылался на авторитет Августина, убеждая верующих, что все люди должны читать и изучать Писание, и защищал вновь положение о том, что для чехов лучше всего писать по-чешски². Ф. Ришанек справедливо подчеркнул, что в центре внимания второго предисловия — мысль о необходимости писать на родном чешском языке³.

В зарождении гусистской идеологии и ее формировании заметное место занимали народные ереси, мистика. Если сама Чехия не выдвинула крупных мистиков-теоретиков, то все же мистические идеи нашли в ней заметное распространение. Напомним деятельность Яна Милича, его трактаты об Апокалипсисе, пришествии Антихриста. Во второй половине XIV в. в чешские земли проникают многие труды западноевропейских мистиков⁴. Большая роль в ознакомлении чехов с их трудами принадлежала Т. Штитному. Он перевел на родной язык труды Гуго и Санкт-Виктора, французских мистиков XII в. и их шотландского ученика и единомышленника Рихарда⁵, отца немецкой мистики Давида Аугсбургского,

¹ Tomáše ze Štítneho knížky Sestery o obecných vecích křesťanských. Vyd. K. J. Erbena. V Praze. 1852, c. 3.

² Ibid.

³ F. Rysánek. Príspevký ku poznání pramenu spisu T. Štítneho.—Sbornik filologicke, trida III, s. I. V Praze. 1910, c. 77.

⁴ F. M. Bartos. Husitství a cizina. V Praze. 1931.

⁵ J. Mencík. Počátky staročeské mystiky.—«Památky. staré literatury české». V Praze. I. c. 5. См. статью: J. Truhlar. Staročeský sborník traktátů mravoucných a mystických předstítnenských.—«Casopis musea Kralovství českého», sv. I. V Praze. 1884.

француза Перальда (XIII век), итальянца Бонавентуры и Генриха Сусо (XIV век). Штитный перевод также «Явление св. Бригиты» — произведение, написанное в Швеции на шведском языке. Я. Менчик отметил, что в нем выражен пламенный протест против действий немецкого ордена крестоносцев, уничтожавшего славян¹. Небезынтересно, что о «Явлении св. Бригиты» писал в Чехии магистр Генрих из Ойты, работавший в Праге в 1366—1367 гг., а привез его в Чехию в 1385 г. магистр Матвей из Кракова. Следовательно, это произведение было уже известно к тому времени и в Польше. Внимание к нему в Чехии и Польше отражало растущее национальное самосознание чехов. В конце XIV — начале XV вв. неизвестный чех перевел на родной язык лоллардское толкование Апокалипсиса с резкой критикой римского папы, прелатов, монашества².

Переводы Штитным трудов многих европейских мыслителей, особенно мистиков, — весьма основательное свидетельство огромной роли национального чешского языка в становлении гуситской идеологии, в распространении различных форм оппозиции феодализму. В конце XIV в. на чешский язык был переведен, обработан и дополнен текст пророчества француза Жана де Руперсиса. Чешский текст этого произведения, как и пророчества Сивиллы, сопровождался критикой существующего общества, особенно церкви. Предсказывалось осуществление в ближайшем будущем насильственного переворота. Бедные восстанут против богатых, у монастырей будут отняты их владения³.

С конца XIV в. немцы в Чехии начали протестовать против пения чешских песен в литургии. В 1399 г., во время процессии в день воскресения Христа, тынский священник — немец Ян из Вартемберга — запретил петь чешскую песню⁴. Именно в эти годы, когда чешский язык становился все более важным средством пропаганды идей реформации церкви, в Пражском университете обсуждался вопрос о том, можно

¹ J. Menčík. Указ. соч., стр. 10, 12, 17.

² J. Truhlar. Paberky z rukopisu Klementinských. — «Vestník České Ak. cisare F. J.». V. Praze. 1899, s. 3, c. 183.

³ J. Mašek. Tábora v husitském revolučním hnutí. I. Praha. 1952. T. 1, c. 169—172.

⁴ Z. Nejedlý. Указ. соч., стр. 90.

ли переводить Библию на родной язык и служить на нем литургию. Около 1400 года появился чешский перевод Библии¹, что было весьма существенным подспорьем в борьбе за чешский язык в богослужении. Это имело большое значение и в распространении идей реформации в массе чешского народа. 16 июля 1408 г. синод духовенства был вынужден разрешить выборочное пение четырех чешских песен в церкви, хотя в то же время запретил создавать новые чешские религиозные песни и вводить их в литургию².

Величайший вклад в развитие национального чешского языка и культуры внесен Яном Гусом³. Писательская деятельность великого реформатора, помимо его прямых высказываний в защиту родной речи, свидетельствует о его исключительном значении в развитии культуры Чехии. Многие его важнейшие трактаты написаны по-чешски. Он не раз указывал, что родной язык избран им для его трудов совершенно не случайно, что он стремится этим путем сделать более доступным широким кругам народа смысл своего учения. Люди не любят слушать длинные речи, писари пишут по-чешски неохотно, «а если пишут, то неверно», объяснял Гус причину возникновения своего наставления верующим⁴. «Краткое толкование десяти божьих заповедей» на чешском языке он написал для того, чтобы верующим не пришлось много читать⁵. Напомним, что при неграмотности подавляющей части населения прочесть большой текст было далеко не легким делом. Так как на чешском языке, писал Гус, нет чтений Христовых, Писания, он и решил создать их в форме «Постиллы»⁶.

Неоднократны высказывания Гуса в защиту чешского языка в богослужении, в церковной литературе, в повседневной жизни населения. 25 июня 1410 г. он писал об использовании чешского языка духовенством: «Священники, проповедующие на общепонятном чешском языке слово Божие, ходят

¹ M. Machovec. Указ. соч., стр. 113.

² Husitské písně. Praha. 1952 (Послесловие Дангельки, стр. 207).

³ Mašek. Husitská ideologie a slovanské země ve středověku. — Československé přednasky pro V Mezinárodní sjezd slavistu v Sofii. Praha. 1963, s. 324.

⁴ Mistr Jana Husi sebrané spisy české, vyd. K. J. Erben. Praha. 1867. d. 3. s. 152. (Далее — Spisy).

⁵ Там же, т. 1, стр. 286.

⁶ Там же, т. 2, стр. 2.

обыкновенно по домам верующих...»¹ (напомним, что в официальной церкви проповеди велись только на латинском языке). В том же году он сообщал английскому единомышленнику Уиклифа магистру Ричарду Вайчу, что прочел его письмо к чехам на публичной проповеди, где присутствовали тысячи людей, и они просили Гуса перевести его на чешский язык, что он и сделал². В письме горожанам Пльзня от октября 1411 г. высказано его крайнее недовольство тем, что в городе «...возбраняют священникам читать прирожденным чешским языком или по-немецки» проповеди, что католические священники требуют применять только латынь, непонятную народу³.

Гус заявлял там же, что «...каждый может произносить божьи заповеди, исповедоваться и, если умеет, читать, будь это по-латыни... будь по-гречески... будь по-еврейски, будь сириански, будь по-персидски... будь по-английски...» и также на других языках⁴.

Этот документ, как и другие, свидетельствует против обвинений Яна Гуса во враждебном отношении ко всем немцам, в национализме. Совершенно очевидно, что он признавал права чехов, немцев, англичан и всех других народов на богослужение на родном языке. «Разве возможно священникам возбранять читать закон Божий по-чешски или по-немецки», — говорил он⁵. В таком духе он высказывался и в других сочинениях. Верующие должны «Отче наш», которое Христос говорил «по-еврейски, а св. Матей написал по-еврейски, учить по-чешски, если хотим быть спасены»⁶. Гус являлся также основоположником чешских национальных церковных песен⁷.

Положительное значение имела большая работа, проделанная Якоубеком из Стржибра по переводу на чешский язык сочинений Д. Уиклифа, что способствовало ознакомлению с его учением многих чехов, не знавших латыни, и тем самым благоприятствовало распространению идей реформации, формированию гусистской идеологии. Он перевел на

¹ Послания магистра Ионна Гуса. СПб, 1903, стр. 47.

² Там же, стр. 55.

³ Там же, стр. 59.

⁴ Там же, стр. 63.

⁵ Там же, стр. 69.

⁶ Spisy..., т. 1, стр. 313.

⁷ Z. Nejedlý, указ. соч., стр. 17.

чешский язык «Диалог»¹, «Триалог», «О государстве божьем» Уиклифа. Сочинения Уиклифа на латинском языке чешские гуситы посылали и в Моравию.

В числе обвинений, предъявленных Констанцским собором Яну Гусу и Иерониму Пражскому, находилось следующее: они не только переводят с латинского на чешский язык библейские каноны, книги Уиклифа, но и проповедуют сами на чешском языке². Уже после сожжения Гуса и Иеронима Констанцкий собор принял 24 статьи против гуситов. В 14-й из них Гуса и Якоубека обвиняли в том, что они переводили на чешский язык сочинения Уиклифа³. Русский исследователь Н. В. Ястребов обратил внимание на тот факт, что с произведениями Уиклифа в переводе Якоубека ознакомился тогда Петр Хельчицкий, который цитировал «Диалог» Уиклифа, не называя автора этого труда⁴.

Якоубек — автор ряда произведений, написанных на чешском языке, из которых сохранились лишь немногие. Ф. М. Бартош полагает, что до 1420 г. Якоубек писал обычно на латинском языке⁵. В числе его чешских произведений — проповеди в Вифлеемской часовне⁶, особенно его двухтомное «Толкование откровения св. Иоанна»⁷ (Апокалипсиса, одной из книг Нового Завета), «Постилла» 1429 года.

¹ F. M. Bartos. Literární cinnost M. Jakoubka ze Stribra.—Sbirka pramenu ku poznání literárního života v Čechách, na Moravě a v Slezsku, skupina III, číslo 8, v Praze, 1925, s. 61.

² «Ut Tractatus Joan Vuicleph, translati in vulgare per Joannem Hus. et Jacoubellum» (Historiae Hussitarum libri dvodecim Joannen Cochaevii... Moguntia, 1549, s. 15).

³ Ibid., S. 124, 167.

⁴ Н. В. Ястребов. Этюды о Петре Хельчицком и его времени. СПб, 1908, вып. 1. Это обстоятельство отметил также чешский издатель «Диалого» Милан Свобода. (Mistra Jakoubka ze Stribra překlad viklefova Dialoga. M. Svoboda.—Sbirka pramenu ku poznání literárního života v Čechách, na Moravě i v Slezsku, c. 7, v Praze, 1909, c. XXXI—XXXII).

⁵ F. M. Bartos. Literární..., c. 61.

⁶ Н. Грубы. O české postille mistra Jakoubka ze Stribra.—«Listy filologicke». 1900. V. Praze.

⁷ Jakoubek ze Stribra. Výklad na Zjevení sv. Jana.—Sbirka pramenu českého hnutí náboženského ve století XIV. a XV, d. I, c. XVIII. Ed. F. Simek. Praha, 1932.

О росте значения чешского языка в жизни чехов и в распространении идей гусизма свидетельствуют современные события. По свежим следам гуситского движения пражский писарь Прокоп писал позднее в своей Хронике, что «...еще при жизни Гуса его единомышленники произносили проповеди на чешском языке и читали на нем, что привлекало множество народа»¹. Ученики Гуса и Иеронима Пражского — миряне — составляли на чешском языке гимны, песни в Праге и других городах чешского королевства. Во время причащения детей также пели молитвы по-чешски. Король Вацлав IV предоставил в распоряжение гуситов две церкви, в которых церковные песни и молитвы исполнялись на чешском языке². К моменту народного восстания, в 1419 г., читаем мы у того же автора, гуситы в Праге служили мессы и пели различные песни (по-видимому, религиозные — А. О.) на чешском языке, вместо прежней обязательной латыни³.

28 сентября 1418 г. магистры и пражский клир — умеренные гуситы — приняли 23 статьи, направленные против таборитских новшеств⁴. В 19-й статье ставился вопрос о богослужении на родном чешском языке. Евангелие и послания должны быть исполняемы во время церковной службы пением на народном языке, признавали магистры. Однако они никак не хотели полностью расстаться с привычной латынью. Поэтому предусматривалось, что часть богослужения будет производиться по-прежнему на латыни.

XIV век был временем начала формирования чешского литературного языка, что нашло отражение не только в религиозной, но и в светской литературе⁵. Значительное место в развитии светской литературы занимает конец XIII и начало XIV вв., когда возникли обширные эпические произведения, первая рифмованная хроника на чешском языке. Появление и все большее распространение мирской, а не церковной литературы отражало крупнейшие социально-политические сдвиги в жизни страны и было также общеевропейским

¹ Chronicon Procopii notarii Pragensis.—«Fontes rerum Austriacarum». I. abt., 2 bd., I t., s. 71, 72.

² Там же, стр. 73, 74.

³ Там же, стр. 75.

⁴ Urkundliche Beiträge zur Geschichte des Hussitenkrieges von Jahre 1419 an. Prag. 1873. Bd. I, s. 677—682.

⁵ Краткие замечания о развитии чешского языка, литературы, культуры в целом в предгуситское время и в итоге гуситского движения содержится в «Обзоре истории Чехословакии» (Přehled československých dějin. Díl I. Praha. 1958. s. 180—191, 225—232; 258—262).

явлением. Существенные качественные изменения нашли свое выражение в том, что в литературе все большее место стали занимать светские мотивы. Наряду с рыцарской поэзией, с основанием Пражского университета заметное место стала занимать поэзия «жаков» — студенческая, ускорившая проникновение светских мотивов в литературу. В прогрессивной литературе на родном чешском языке особенно положительную роль играли драма и сатирическая поэзия, главным образом, городская. Внимание к городским сюжетам вообще заметно возрастает. Развивалась и проза в форме беллетристических нравственно-поучительных и иных произведений («Ткадлечек», «Рай души», «Жизнь Карла IV»). В поэзии наиболее велико было значение легенд, в содержании которых литературоведы отмечают все более сильные критические мотивы, в связи с чем они все более утрачивают религиозный характер, например, в легенде о св. Прокопе. Возрастало число дидактических произведений на чешском языке («Новая рада» Смилы Флашке из Пардубиц, консервативная по направленности). В светской поэзии увеличивалось число переводов и переработка немецких рыцарских романов.

В развитии чешской светской национальной литературы значительна роль Томаша Штитного, который является одним из лучших чешских стилистов¹. Исключительно велика в этом отношении также и роль Яна Гуса, создателя «Чешской орфографии», высоко оцененной современниками и лингвистами наших дней. К. Я. Эрбен в послесловии к трехтомнику чешских произведений Я. Гуса, говоря о филологическом значении его трудов, заключал: «Им начинается в нашей старейшей литературе новая эпоха»².

В «Толковании десяти божьих заповедей» Гус несколько раз останавливался на национальном вопросе. Он призывал всех дворян и горожан защищать родную чешскую речь и способствовать ее распространению. Князья, паны, рыцари, владыки, горожане должны «...держат себя так, чтобы чешская речь не погибла; возьмет ли (женится ли — А. О.) Чех немку, чтобы дети их учили чешский (язык) и не двойли речи, так как раздвоение языка «приносит раздор и споры». Он ссылается на распоряжение Карла I: пражанам учить детей чешскому языку — и на его требование говорить в королевском совете по-чешски. Гус осуждает тех пражан и иных чехов, которые го-

¹ J. Vlček. Dějiny české literatury. V Praze. 1897. s. 61. J. Jakoubek. Dějiny české literatury. I. V Praze. 1929. s. 243.

² Spisy..., изд. Эрбена, т. 3, стр. 317—346.

ворили наполовину по-чешски, наполовину по-немецки, что приводило к засорению чешского языка, вызывало зависть, споры и ущерб всему чешскому¹. (Характерно, что Гус признавал здесь правомерными браки чехов с немцами, т. е. и эта существенная деталь свидетельствует против шовинистической трактовки его отношения к немцам). Следует отметить, что данное высказывание Гуса представляет большой интерес и для оценки его тактики. Как и по другим важнейшим вопросам, он рассчитывал и в борьбе за чешскую культуру, чешскую речь на светские слои населения. Много внимания он уделял народному творчеству, созданию песен на родном чешском языке². Гус — создатель национальных церковных песен³. Позиция идеолога бюргерской оппозиции здесь также очевидна.

На национальном чешском языке в XIV в. были написаны и некоторые труды по вопросам государства и права. Это прежде всего «Рожмберская книга» — первый юридический источник, написанный на родном языке, по-видимому, во второй половине XIII в.⁴ и сохранившийся неполностью. Между 1348—1355 гг. возникли два текста — на латинском и чешском языках — «Ряда земского (т. е. государственного — А. О.) права», представляющего собой сборник работ нескольких авторов⁵. На рубеже XIV—XV столетий паном Ондржеем из Дуба было написано «Изложение чешского земского права»⁶. Все эти источники сохранились во многих рукописях, что также свидетельствует о растущей популярности национального чешского языка.

В то время на чешский язык переводили иногда и некоторые немецкие правовые источники, например, «Швабское Зерцало» в конце XIV в.

Родной чешский язык постепенно проникает и в официальные документы и записи всякого рода. В земских досках Че-

¹ Spisy..., т. I, 133—134. Изд. Эрбена.

² Z. Nejedlý. Dejiny husitského zpevu. Kniha třetí. Jan Hus. Sebrané spisy Zdenka Hejdlého. Praha. 1955. s. 35.

³ Там же, стр. 17.

⁴ Kniha Rozmberská. Ed. V Brandl. V Praze. 1872.

⁵ Rád práva zemského. (Ordo iudicii terrae. Codex juris Bohemici. t. 2, p. 2. Pragae. 1870.

⁶ Текст его опубликовал Ф. Чада: Čáda Pr. Nejvyššího sudího království českého Ondřeje z Dubé Práva zemská česká.—«Historický archiv». с. 48. Praha. 1930.

хии и Моравии встречались уже смешанные записи на латинском и чешском языках. После гуситских войн они велись только на чешском языке. К большому сожалению, эти записи в большей их части погибли во время пожара в Праге в 1541.

С начала XIV в. на национальном чешском языке велись судебные книги и в Моравии. Все более значительное место занимает он в городских книгах, поскольку борьба за родной язык в городах велась наиболее интенсивно.

В 1396 г. чешский язык был допущен в суд консистории и судебные акты¹. Около 1410 г. возник документ, известный как «Запись о чешских земских урядниках», посвященный государственному чешскому праву. В нем давалось более подробно, чем в предшествующих чешских трудах, описание прав и обязанностей государственных служащих. Чехословацкие ученые отмечают его аристократическую направленность. Все четыре главные государственные должности должны, по мнению автора, занимать только паны (а не три, как это было сказано у Ондржея из Дуба). Явно стремление увеличить значение должности наивысшего писаря, о которой говорилось особенно подробно².

Стремление распространить чешский язык в богослужении в церкви становилось с ходом событий все более мощным. Вместе с тем очевиднее была связь этого явления с дальнейшими успехами в формировании антикатолической, антицерковной гуситской идеологии. XIV век в Чехии—это время распространения всякого рода еретических учений и сект, о чем свидетельствуют акты инквизиции и протоколы церковных синодов. В борьбе с растущей оппозицией пражский синод в 1371 г. запретил проповеди без разрешения консистории архиепископа³.

С конца XIV в. центром национального движения и антицерковной пропаганды в духе гусизма становится Вифлеемская часовня. Она была основана в 1391 г. дворянином Яном из Мильгейма и корчмарем Кржижем из Праги с разрешения

¹ Nejedlý. Указ. соч., стр. 122.

² Codex juris Bohemici. III—2. Praha. 1873, s. I—VI. См. также: Prameny k dejinám státu a práva v Československu. С. I. Praha, 1957, s. 250—251.

³ E. Winter. Указ. соч., стр. 170.

⁴ Текст учредительной грамоты сохранился в оригинале и полностью опубликован в книге: Naze národní minulost v dokumentech. I. díl. Praha. 1954. s. 99—103. В советской литературе на большое значение Вифлеемской часовни в предгуситском движении указала А. И. Сазонова. См. ее статью, указанную выше.

короля Вацлава IV⁴. Мотивируя необходимость ее основания, авторы грамоты жаловались на то, что в Чехии «...проповедники, особенно на общедоступном (т. е. чешском — А. О.) языке, вынуждены обычно ходить по домам и тайникам — убежищам»¹, как это часто можно видеть вследствие отсутствия каких-либо учреждений для проповедей. Часовня и создавалась, по замыслу ее основателей и их сторонников, для того, чтобы чешский язык и проповеди гуситов получили более широкий размах и массовость. Основание ее было подготовлено деятельностью выдающихся предшественников Яна Гуса — сторонниками реформации, а также назревшими потребностями растущего национального самосознания. Часовня представляла собою трибуну для публичных выступлений перед широкими массами народа. Она могла вмещать до 3000 человек, что было также весьма благоприятным обстоятельством².

Выдающееся ее значение в истории реформационного движения в Чехии станет особенно очевидным, когда мы напомним, что, согласно воле ее основателей, проповеди в ней должны были производиться *только на чешском языке*. В грамоте было записано, что первый священник, который будет назначен в часовню учредителем, «был бы проповедником на общественном чешском языке». Затем вновь подтверждалось это требование в последующей части документа: «...желаем, чтобы названный управляющий (справец) часовни в дни церковных праздников по звуку колокола был обязан проповедовать слово Божие простому городскому населению на общеизвестном чешском языке»³. Небезынтересно, что в документе несколько раз подчеркивалась необходимость проповедовать «обычному», т. е. простому люду, массе горожан.

Национальные чешские интересы обеспечивались и на будущее. Если первый священник часовни уйдет с этой должности или умрет, то кандидата на его место подбирают три магистра университета чешской нации (вместе с бургомистром), что и должно было, по-видимому, обеспечить подбор желательного проповедника. Понятно поэтому, как сильно тяготело бюргерство, особенно пражская беднота, говорившая, как

¹ Nase národní..., s. 100.

² В народнодемократической Чехословакии, где большое внимание уделяется историческим традициям, сохранению старинных исторических памятников, Вифлеемская часовня была реставрирована. Восстановлены были записи на ее внутренних стенах отдельных произведений Яна Гуса, Якоубека.

³ Nase národní..., s. 101.

правило, по-чешски, к этой часовне. С самого начала ее существования с проповедями в ней выступали сторонники гусизма. В 1393 г. это был Ян Штекна, проповедовавший на чешском языке (позднее он уехал в Польшу). Значение Вифлеема все более возрастало, особенно после того, как в 1402 г. проповедником там стал Ян Гус, выступавший вплоть до интердикта и изгнания из Праги в 1412 г. О деятельности Гуса в Вифлеемской часовне и других местах свидетельствуют созданные им многочисленные сборники проповедей — Постилл, занявших заметное место и в его литературной деятельности. В настоящее время известно 13 сборников его Постилл¹. В них в популярной форме, доступной массе неграмотных и малограмотных горожан и крестьян, излагались важнейшие идеи Гуса. Как известно, это были планы реформ церкви, осуществления глубоких социальных, экономических, политических и национальных преобразований феодальной Чехии. Следовательно, национальные стремления и в данном случае самым тесным образом переплетались с идеей коренного преобразования общественного строя страны и являлись составной и неотъемлемой частью этих планов.

Публичные проповеди являлись самой доходчивой формой пропаганды гуситского учения. Не случайно современники событий писали о массовых сборищах народа на такие проповеди. Михаил Каусис, например, в жалобе на Яна Гуса, посланной в Рим в 1412 г., сообщал, что этот еретик говорит народу, «сбравшемуся в то время в большом количестве в названной капелле (т. е. в Вифлеемской часовне — А. О.), что король Англии отнял все богатства архиепископов и других прелатов и клириков своего государства»². Проповеди Гуса сыграли значительную роль в формировании антифеодальной и антикатолической оппозиции.

Создание Вифлеемской часовни явилось также конкретной формой, в которой в какой-то мере реализовалась идея свободной проповеди христианского учения, выдвинутая еще предшественниками Гуса. В грамоте на ее основание было записано: «Милосердный и милостивый Господь, который оставил тем, кто борется за него, пищу в семени слова своего, поручил совету святых отцов, чтобы слово божие не было ограничено, но чтобы это дело было самым свободным из всех и

¹ F. M. Bartoš. Dve studie o husitských postilách.—«Rozpravy Československé Akademie věd». Rada 54. Sesit 4. 1955, s. 12 (далее—Dve studie).

² Documenta Mag. Joannis Hus, Pragae, 1869, s. 172.

наиболее успешным для церкви и ее членов; его превосходство над другими делами показали святые отцы нового и ветхого завета и сам наш спаситель, произносивший проповеди постоянно и мужественно вплоть до смерти. Если бы он не оставил нам семени слова божьего и святой проповеди, мы были бы подобны Содому и Гоморре». С целью усиления призыва к свободной проповеди христианской религии основатели часовни приводили затем следующие слова: «И, явившись ученикам своим при своем воскресении из мертвых, Господь завещал проповедовать на его вечную память»¹.

Дальнейшие успехи в формировании гуситской оппозиции вызвали решительный отпор католической церкви, как римских, так и чешских прелатов. Архиепископ Збынек запретил проповеди в Вифлееме. Папской буллой запрещены были проповеди в часовнях вообще, следовательно, в том числе и в Вифлеемской. Эта была попытка путем прямого насилия предотвратить дальнейшее распространение гуситских идей в народе, задуть растущую антифеодальную оппозицию. Напряженная борьба вокруг сохранения Вифлеемской часовни была важным звеном в реформационном движении в чешских землях. Быть или не быть этому центру гуситской пропаганды — вот как остро стоял тогда этот вопрос. Неоднократные обращения Гуса в связи с этим к массе пражского населения, к папской курии — интересные источники и для истории первой из четырех пражских статей. Настаивая на сохранении Вифлеемской часовни и права проповеди в ней, а не только в официальных церковных учреждениях, Гус фактически защищал идею свободной проповеди «слова божия», т. е. христианского учения. Несколько позднее, уже будучи изгнанным из Праги, он проповедовал свои идеи перед массой крестьянства южной Чехии прямо на лугах, полях. Эти действия великого реформатора послужили в дальнейшем примером и для таборитской практики в реализации первой пражской статьи.

В письмах Гуса этого периода со своей очевидностью выступают и национальные мотивы. 25 июня 1410 г. он писал в папскую курию, что хотя в Праге много церковных учреждений, «...однако ни одно из них не посвящено исключительно цели проповеди слова Божия, и священники, проповедующие на общепонятном чешском языке слово Божие, обыкновенно ходят по домам верующих...», т. е. в письме повторялась та аргументация, которая содержалась в грамоте 1391 г. на основа-

¹ F. M. Bartos. Husitství..., стр. 45.

ние Вифлеемской часовни. Следовал вывод: «...а посему надлежит для этой цели создать особое нарочито для проповеди слова Божия на чешском языке посвященное здание, дабы тем дать возможность верным Христу обывателям и жителям Праги собираться в определенном месте в том городе для слушания слова Божия на родном чешском языке в праздничные и другие удобные для проповеди дни»¹.

Отвергая запрет архиепископа Збынека как несоответствующий христианскому учению, Гус напоминал о том, что открытие часовни было разрешено римской курией и королем Вацлавом IV, и высказывался решительно за свободную проповедь, ссылаясь на пример Христа. «...Милосердный Христос... заповедал через св. отцов церкви, чтобы слово Божие не было связываемо, и эту заповедь... наш Спаситель последовательно выполнял... до самой смерти и своим примером завещал всем христианам выполнять ее в школах и собраниях, на улицах и дороге, на море и на горе, на полях и пустынях как самое нужное дело на все будущее время»². Этим выступлением необходимость официальных церковных учреждений ставилась под сомнение и практически отвергалась монополия духовенства в толковании основ христианского учения.

События 1409—1412 гг. значительно осложнили обстановку в стране и в Праге, в частности. Противники гуситов — реакционные магистры университета, пражский патрициат — предприняли в 1412 г. прямую попытку насильственного разрушения Вифлеемской часовни, так как ни папский запрет проповеди в часовнях, ни интердикт архиепископа не привели к желательным для церкви результатам. Цель реакционных сил была очевидной: лишить антифеодальную гуситскую оппозицию основной базы общения с народом и возможности публичной пропаганды ее учения. Сам по себе этот факт говорит об огромном значении, которое с полным основанием сторонники феодально-католического лагеря придавали проповедям в Вифлеемской часовне³. Эти проповеди оказывали гораздо большее воздействие на массы, чем диспуты ученых в Пражском университете и ученые труды, рассчитанные прежде всего на интеллигенцию того времени. (На большее значение проповедей Гуса в указанной часовне обратил внимание и Констанцкий собор, подчеркнувший, что Гус апеллировал к народным массам и совращал их). Однако пражская беднота и

¹ Послания..., стр. 47.

² Послания..., стр. 48.

³ Betlemské texty. Ed. B. Ryba. Praha, 1951. s. 7.

бюргеры, стоявшие на позициях гусизма, не дали мракобесам возможности осуществить их варварский план. Интересно отметить, что в народных чешских гуситских песнях попытка физического разрушения Вифлеемской часовни рассматривалась как выступление немцев — врагов гусизма, т. е. толковалась как один из эпизодов национального движения¹.

После того как Ян Гус был подвергнут интердикту и покинул Прагу, его преемником в часовне стал магистр Якоубек из Стржибра, ближайший соратник Гуса в те годы, занимавший тогда еще довольно радикальные позиции, близкие Гусу. О его большой деятельности в качестве проповедника говорит наличие 12 его «Постилл», дошедших до нас².

В предгуситские годы в Чехии наблюдался заметный подъем культуры, свидетельством чего являлось основание Пражского университета. До середины XIV в. чехи, желавшие и имевшие возможность получить высшее образование, были вынуждены учиться в чужих странах: Франции, Англии, Италии. Известно в этот период наличие чешских студентов в Англии. Войтех Ранков из Ежова, известный чешский теолог, был одно время ректором Парижского университета и до этого учился некоторое время в Оксфордском университете³. Карл I во время пребывания в Авиньоне в 1346 г. вел переговоры об открытии университета в Праге с папой Климентом IV, который санкционировал это специальным документом⁴. 7 апреля 1348 г. Карлом I была подписана грамота об основании Пражского университета⁵. Университет создавался по образцу парижского и болонского университетов с четырьмя факультетами: теологическим, юридическим (канонического пра-

¹ Z boju o Betlem.—Husitské pisne. Praha. 1952.

² F. M. Bartos. Dve studie..., s. 12.

³ Robert F. Joung. Bohemian Scholars and Students at the English Universities. 1347—1750.—The English Historical Review. London. Vol. XXXVIII. 1933. No. 149. January. 1923, p. 72.

⁴ Steni o Karle IV a jeho dobe. Praha. 1958. s. 379. В советской литературе Пражскому университету посвящены статьи Г. И. Липатниковой («К истории основания Пражского университета».—Славянский сборник, вып. 1, Воронеж, 1958 г. и др).

⁵ Грамота Карла I об основании Пражского университета была в

1945 украдена немецкими оккупантами. (Dejiny Prahy. Praha, 1964, s. 114).

ва), медицинским и факультетом свободных искусств¹. Король обещал профессорам и студентам все привилегии, преимуществ и свободы, которыми пользуются доктора и студенты как в парижском, так и в болонском университетах. Большое внимание уделялось привлечению в Прагу профессоров и студентов из других стран Европы. По замыслу Карла, ставшего тогда императором Германии, этот университет — первый и единственный в то время в Центральной Европе, должен был способствовать росту его авторитета и могущества. В одном из писем капитулу ордена проповедников в Италии он просил прислать из числа монахов тех, кто мог бы учиться в Пражском университете на магистра теологии и в дальнейшем остаться там в качестве преподавателей². Современный собиетям хронист Бенеш из Крабицы, описавший основание Пражского университета, сообщал, что во времена Карла I в нем учились студенты «из Англии, из Франции, из Ломбардии, из Польши» и других ближних стран. В Прагу приезжали «...сыновья шляхтичей и князей, и прелатов церкви из различных стран»³.

Наряду с иностранными учеными, в университете с самого начала преподавали и прирожденные чехи⁴. В связи с расколом в католической церкви (1378) из Парижа в Прагу переезжали чехи и немцы, учившиеся в Парижском университете и оказавшиеся в другом церковном лагере (Карл IV признавал папу в Риме — Бонифация IX, а французский король — Бенедикта XIII, папу в Авиньоне). В 1383 г. орден доминиканцев перевел свою богословскую школу из Парижа в Прагу, благодаря чему в жизни последнего возросла роль теологического факультета.

В связи с новым притоком иностранцев в конце 70-х и начале 80-х годов XIV в. разгорелась борьба вокруг университетского устава, так как иностранцы стремились расширить в нем свои привилегии и еще крепче захватить в свои руки руководство университетом. К этому времени национальный вопрос в Чехии, в Праге, в частности и в университете, приобрел значительную остроту. С самого начала преобладающее коли-

¹ В. В. Томек отметил, что организационное построение университета существенно отличалось от Парижского и Болонского университетов.

(V. V. Tomek. Dejiny university prazské. Praha, 1849, s. 17—18.

² Steni o Karle IV a jeho dobe. Praha. 1958. s. 188—189.

³ Там же, стр. 187.

⁴ Там же, стр. 380.

чество мест в нем, в том числе и в органах управления, было предоставлено иноземцам, и чехов было меньшинство. Студенчество и профессора, по обычному в то время правилу, делились на «нации». В Пражском университете было четыре «нации»: чешская, баварская, польская и саксонская¹. Внешне это выглядит как наличие двух славянских и двух немецких «наций». В действительности же дело обстояло совсем по-иному. Понятие «нация» не совпадало в полной мере с национальной принадлежностью ее членов. Например, в составе польской нации преобладал немецкий элемент, пришельцы из Силезии². Туда же входили и литовцы. Чешская «нация» включала и венгров. К баварской относились также австрийцы и нидерландцы. Карл I установил, что при решении общеуниверситетских вопросов чужеземцы будут иметь три голоса, а чехи один³.

Заметное неравенство было в положении различных факультетов. Теологический и юридический факультеты были наиболее привилегированными по своему социальному составу и по удельному весу, который занимали в жизни университета. Младшим факультетом считался факультет свободных искусств, объединявший гуманитарные науки.

Задолго до Кутногорского эдикта в университете произошло первое крупное столкновение, отражавшее также и растущие национальные противоречия. Согласно компромиссу 1385 г., иностранцы получили в коллегиях университета 6 профессур, чехи — 5. Двенадцатая профессура должна была занимать ими поочередно. Недовольные этим решением иностранцы, как полагает Ф. М. Бартош, в довольно большом количестве перебрались в Вену, где в 1385 г. был основан университет. К этому времени уже существовал университет в Кракове (1364), и вскоре были открыты университеты в нескольких крупных городах Германии: в 1386 г. — в Гейдель-

¹ «Anno domini MCCCXLVIII Karolus imperator fundavit in Praga studium universale in theologia, iure canonico, medicina et in artibus... Nec itaque universitas in quattuor nationes fuit distincta: Bohemorum, Bavarorum, Polonorum et Saxonum.—Так звана Kronika University Prazské—«Fontes rerum Bohemicarum.—Prameny dejin českých». díl V. V. Praze. 1893, s. 567.

² А. Дювернуа. Станислав Зноемский и Ян Гус. М., 1871, стр. 54.

³ М. Machovec. Husovo učení a význam v tradici českého národa. Praha. 1953, с. 202.

берге¹, в 1388 г. — в Кельне, в 1392 — в Эрфурте, куда также ушла часть профессуры из Пражского университета. Пражский университет способствовал возникновению и развитию некоторых новых университетов в Европе, сыграв уже одним этим заметную положительную роль. В Гейдельберг ушло сразу 10 магистров. Несколькими волнами эмиграция из Пражского университета шла в Краков. За 1400—1403 годы, когда в Краковском университете был открыт теологический факультет, из Праги выехало туда 24 магистра и доктора. В первом сохранившемся списке профессоров Краковского университета было 25 человек из Праги. Воспитанники Пражского университета занимали большое место и в руководстве Краковским университетом. В 1400—1410 гг. из 11 ректоров там было 9 воспитанников Пражского университета и до 1414 года — все деканы факультетов. Польские исследователи прямо называют Пражский университет матерью университета Краковского².

В связи с открытием новых университетов в Европе некоторые профессора, как немцы, так и других наций, уехали из Чехии. В 1401 г. в Краков переехал немец Матвей из Легниц, профессор теологии. Николай из Явора, немец, был ректором Пражского университета, а в 1402 г. начал работать в Гейдельберге, где и жил до конца дней своих. Матвей из Кракова, поляк, профессор теологии, с 1394 г. работал в Гейдельберге, а с 1405 г. являлся епископом в Вормсе. Магистр Ян Иснеров, поляк, в 1401 г. ушел в Краковский университет³. Г. И. Липатникова отметила, что книга деканов юридического факультета университета в Праге содержит данные об уходе немецких студентов и преподавателей уже с 1389 года⁴.

Сыграв значительную положительную роль в развитии университетов в Центральной Европе, Пражский университет потерял уже тогда, в связи с созданием новых высших учебных заведений в других странах, часть студентов и профессуры. Соответственно, приток иностранцев в Прагу также умень-

¹ Первые магистры и бакалавры в нем были также из Пражского университета (J. V. Šimek. Studenti z Čech, Moravy a Slezsky na německých universitách v XV—XVIII. st...—«Casopis českého musea». 1905. С. 2, s. 293—294).

² Н. Вагуч. Dziejowe związki Polski z uniwersytem Karola w Pradze.—«Przegląd zachodni». 1948, nr. 3—4. Poznan. Nr. 4, с. 337—338.

³ V. Novotný. Náboženské hnutí české ve 14. a 15. stol. С. I.—«Sbírka přednášek a rozprav». Serie VI, sv. 10/60/. V Praze, 1915, s. 101, 110.

⁴ Г. И. Липатникова. Указ. соч., стр. 82.

шил. Если в 1380—1389 гг. в матрикулы университета было записано 1390 студентов, то за 1391—1399 гг. — только 677, а в последующие десять лет — всего 478 человек. К началу XV века, то есть еще до Кутногорского эдикта, приток студентов снизился очень значительно¹. Все же и после 1385 г. большинство в университете продолжало принадлежать немецким элементам. После 1390 г. почти половина всех мест принадлежала в нем саксонской «нации», почти треть составляла польская «нация» и «едва одну пятую» — чешская². Современник событий — аббат Людольф Заганьский, эмигрировавший из Чехии после народного восстания гуситов в 1419 году, писал, что польская «нация» в университете состояла в большинстве из немцев³.

В конце XIV — начале XV вв. в стране и в университете произошли и другие события, характеризующие обострение национальных противоречий. При университете была создана чешская коллегия. В 1391 г. начались проповеди в Вифлеемской часовне. Известный чешский ученый Войтех Ранков в 1388 г. завещал все свое имущество тем чехам, которые захотят учиться в Оксфорде или Париже⁴. В самом университете в эти годы все более обострялась борьба между сторонниками и противниками реформации. В начале XV в. авторитет единомышленников Гуса и его самого все более возрастал как в университете, так и вне его. Пражский университет стал одним из важных объектов борьбы за и против гусизма. Он принимал тогда решения по многим важнейшим идеологическим вопросам: об оценке учения Уиклифа, сожжении его книг и другие.

Основание Пражского университета и вся его последующая деятельность сыграли свою положительную роль в развитии культуры в Чехии, в частности в развитии образования. В то время создавались школы в городах, особенно в королевских, и в сельских местностях, прежде всего там, где были приходские церкви. После возникновения университета школы находились под его общим присмотром и наблюдением. Университет давал новых учителей из числа не только духовенства, но

¹ V. V. Tomek. Dejiny..., t. I, s. 311.

² Ф. М. Бартош. Пражский университет Карла IV до Кутногорского эдикта. Прага, 1946, стр. 9.

³ Der Tractatus de longo schismate des abtes Ludolf von Sagan. — «Beiträge zur Geschichte der Husitischen Bewegung». Wien. 1880. Ed. Lo-serth J., s. 87.

⁴ F. Palacký. Dejiny..., d. 3, s. 40.

и светских лиц. Тот, кто достиг в университете звания бакалавра свободных искусств, был обязан в течение двух лет работать школьным преподавателем, без чего он не мог претендовать на степень магистра¹.

Одним из наиболее ярких проявлений растущего влияния реформационных идей, обострения политических и национальных противоречий явился Кутногорский эдикт. Вокруг этого документа до сих пор продолжается полемика ученых². В его оценке как в прошлом, так и в настоящее время, нередко еще звучат националистические мотивы. Среди чешских историков прошлого Ф. Палацкий, из немецких — К. Хёфлер, Бахманн, Б. Бретхольц — выдвигали на первый план непримиримость национальных противоречий между чехами и немцами, которые и нашли будто бы свое выражение в появлении названного выше эдикта. Ф. Палацкий все же отметил положительное значение Кутногорского эдикта, особенно в дальнейшем распространении реформационных идей, признавал право чехов на главную роль в Пражском университете³.

Некоторые немецкие историки, жившие и работавшие в Чехии, старались подчеркнуть прежде всего отрицательное, по их мнению, значение названного эдикта в истории чешской культуры, в жизни Пражского университета. К. Хёфлер считал бесспорной важнейшую роль Яна Гуса в изгнании немцев из Пражского университета и в потере последним его прежнего большого значения⁴. Бахманн писал, что этим указом «великое дело» Карла IV (т. е. основание университета) было в значительной степени уничтожено⁵. Е. Радл пропел гимн немецкой колонизации в Чехии⁶. Смазывая остроту национальных противоречий в стране, он заявлял, что никто не обязывал чехов говорить по-немецки⁷. Признавая, что результатом Кут-

¹ F. Palacký. Указ. соч., стр. 39.

² Мы останавливаемся в данном случае только на национальной стороне вопроса.

v

³ F. Palacký. Dejiny..., III, s. 78—87.

⁴ K. Höfler. Fontes rerum Austriacarum. 2 bd., z. I. Wien, 1856. s. 315. Его же. Magister Johann Hus...

⁵ Bachmann. Der Husitismus und die Prager universität. — «Monatschrift für das geistige Leben der Deutschen in Böhmen». 1899.

⁶ E. Radl. Der Kampf zwischen Tschechen und Deutschen. Reichenberg. 1928.

⁷ Ibid., s. 51. Общая тенденция автора ясна. Называя гуситское движение «революцией», он ставит его рядом с французской революцией конца XVIII в., с большевизмом, которого боится как огня (там же, стр. 38).

ногорского эдикта было усиление чешской нации в университете и что тенденция усиления национальных элементов характерна и для других европейских университетов, автор все же отрицал положительное его значение. Более того, он считал, что для университета в дальнейшем указ имел отрицательное значение.

На Кутногорском эдикте и условиях его возникновения неоднократно останавливался Ф. М. Бартош. Решающий этап борьбы вокруг этого документа развернулся в январе — мае 1409 года. Ни Ян Гус, ни Иероним Пражский не принимали участия в посольстве к королю¹. Бартош подчеркнул решающее значение политических мотивов, определяющих позицию Вацлава IV. Немецкая профессура, в духе интересов императора Рупрехта пфальцского, была против созыва церковного собора, тогда как чешский король высказался за его созыв, что и повлекло за собою вскоре после издания Кутногорского эдикта уход немецкой профессуры и студентов из Праги².

В современной литературе ФРГ, наряду с националистической оценкой Кутногорского эдикта, высказана и иная точка зрения. М. Фишер указал, что Гус и чешские магистры были против немецких профессоров не потому, что они были немцы, а потому что они являлись яркими сторонниками католицизма³. Он полагал, что из Пражского университета уехали тогда не все немцы, а от 700 до 1000 человек, что некоторые из них вернулись из Лейпцига в Прагу⁴. Фишер не согласился также с утверждением, что в уходе немецких элементов из Праги повинен Ян Гус⁵.

Уточняя вопрос о месте Гуса в издании Кутногорского эдикта, другой прогрессивный историк ФРГ, Ф. Зейбт, полагал, что главная роль в этом принадлежала не Яну Гусу, а

¹ F. M. Bartoš. V předvečer Kutnohorského dekretu.—«Časopis Národního muzea», V. Praze, 1928, sv. druhý.

² F. M. Bartoš. Príspevky k dejinám Karlovy university v dobe Husov a husitské.—«Sborník historický». IV. Praha, 1956.

³ M. Fischer. Указ. соч.

⁴ Там же, стр. 157, 159.

⁵ Там же, стр. 158. Против националистических концепций говорит и тот факт, что в университете в Лейпциге, начиная с его основания, учились и студенты чехи, хотя и в небольшом количестве. (См.: R. Fischer. Studenten aus böhmischen Ländern und der Slowakei an der Universität Leipzig in den Jahren 1409—1548.—Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx — Universität. Leipzig, 1957/8. Heft 1/2—3).

Иерониму Пражскому. В защите эдикта важнейшую роль сыграл не Ян Гус, а его соратник магистр Ян из Есениц¹.

В старой русской литературе на истории возникновения рассматриваемого эдикта остановился Дювернуа², занимавший реакционную позицию в отношении гуситского движения. Он писал, что «... королевская грамота нанесла смертельный удар академии», т. е. университету. К. Арсеньев, остановившись на национальной стороне Кутногорского эдикта³, отверг точку зрения К. Хёфлера, обвинявшего Гуса во враждебности к немецкой народности в связи с его участием в подготовке данного указа.

Историки-марксисты рассматривают возникновение Кутногорского эдикта и его сущность в связи со всем предшествующим развитием Чехии — подъемом экономики страны, бурным развитием городов и в то же время обострением социальных противоречий, ростом антифеодальных тенденций, развитием национального самосознания, реформационных идей. Национальные мотивы Декрета явились в последние годы объектом выступления ряда ученых. Польская исследовательница Е. Малечинская выступила⁴ против утверждения, что эдикт явился следствием растущих национальных противоречий между чехами и немцами. По ее мнению, этот документ появился в связи с политическими и религиозными обстоятельствами, а национальная сторона его проявилась позднее. На Пражской конференции 1959 года, посвященной 550-летию со дня издания эдикта, вновь возник вопрос о национальных мотивах эдикта 1409 г. К. Малы говорил о его значении в борьбе за национальный суверенитет Чехии⁵. Й. Кейрж в специальной статье о Декрете остановился и на его национальной стороне⁶. Он напомнил, что национальные противоречия проявились в университете задолго до издания указа.

¹ F. Seibt. Johannes Hus und der Abzug der deutschen Studenten aus Prag 1409.—«Archiv für Kulturgeschichte». XXXIX. 1957. См. также его книгу: Hussitica. Köln—Graz. 1965. Зейбт неправильно оценил национальные мотивы этого документа как несправедливые со стороны чешской нации. (Указ. соч., стр. 59).

² А. Дювернуа. Указ. соч., стр. 145.

³ К. Арсеньев. Указ. соч., стр. 361.

⁴ Е. Малечинская. Z dziejów interpretacji Dekretu Kutnohorskiego.—«Kwartalnik Historyczny». 3. 1959.

⁵ К. Malý. Dekret Kutnohorský z hlediska suverenity českého feudálního státu.—Acta universitatis Carolinae. Philosophica et Historica, 2. Praha, 1959.

⁶ J. Kejř. Sporné otázky v bádání o dekretu Kutnohorskem.—Acta universitatis Carolinae. Historica, t. III, fasc. 1. Praha. 1962.

занного документа и нашли в нем свое выражение с самого начала, наряду с мотивами политическими, а не позднее, как это полагает Е. Малечинская. Мнение Й. Кейржа кажется нам основательным.

Обстановка, в которой зародился и был подписан Кутногорский эдикт, была весьма сложной. Все более усиливающееся реформационное движение сопровождалось тогда полемикой между сторонниками номинализма, в числе которых в большинстве оказались немецкие профессора, и реализма, игравшего тогда положительную роль, в числе сторонников которого преобладали чехи. Идеологи гусизма, в том числе и сам Ян Гус, выступали тогда под знаком реализма. В университете шла непрерывная и все более острая борьба за руководство, за превращение этого крупного центра культуры и видного сосредоточия политической мысли в подлинный национальный чешский университет. События в университете являлись составной частью общечешского национально-освободительного и реформационного движения. Для дальнейшего развития чешской реформации победа ее сторонников в Пражском университете дала бы дополнительные возможности более быстрого и массового развития гуситского движения.

Засилье чужеземцев, главным образом немцев, в университете ограничивало возможности развития национальной культуры в стране, принижало национальное достоинство чешского народа и вызывало со стороны чехов все более решительный протест. Победа чехов в рассматриваемом вопросе была небезразличной и для ее политического развития. Она помогла бы дальнейшему упрочению централизованного национального чешского государства. Крупнейшие представители реформационных идей и национальной независимости своего народа — Ян Гус, Иероним Пражский, Ян из Есениц, Якоубек из Стржибра и др. — настаивали на том, чтобы король внес коренные изменения в положение в университете. Борьба вокруг намечавшегося эдикта короля теснейшим образом была связана и с важнейшими внешними событиями. В те годы шла борьба за ликвидацию раскола в католической церкви и ее преобразование, за что выступали деятели бюргерской оппозиции во главе с Яном Гусом. Король Вацлав IV стремился вернуть себе императорскую корону и поэтому являлся сторонником избрания нового папы, который поддержал бы его планы. Пражский архиепископ Збынек и немецкие магистры Пражского университета стояли за Григория XII и короля

Рупрехта, противника идеи созыва собора и конкурента Вацлава IV в вопросе об императорской короне. К этим соображениям, высказанным Й. Кейржем¹, следует добавить, что в Чехии уже развернулась к тому времени борьба между короной, светской властью и прелатами. Король поддерживал тогда Яна Гуса и его сторонников именно потому, что надеялся осуществить секуляризацию владений церкви и отнять у нее ее огромные политические права и влияние. Следовательно, предпосылки и причины издания Кутногорского эдикта были весьма многообразны: там мы встречаем мотивы политические, выражение идей реформации и национальные идеи чешского народа.

Сторонникам реформы университета удалось добиться издания королем Кутногорского эдикта, подписанного 18 января 1409 г.² В нем отмечалось, что «...немецкая народность, не имеющая в этом чешском королевстве наследственного права, присвоила себе во всем, касающемся учения в пражском университете, право трех голосов, между тем как чешский народ, законный наследник этой земли, имеет только один голос», что является несправедливым. Посему, читаем мы далее в указе, «...этим эдиктом мы определяем твердо и непреклонно и просто желаем, чтобы на будущее время чешский народ во всех совещаниях, судах, испытаниях (экзаменах), выборах, денежных стипендиях и во всех других делах университета, по примеру статута Парижского университета и тех преимуществ, которыми пользуются французы в своем университете в сравнении с народностями Ломбардии и Италии, имел право трех голосов и чтобы эти привилегии оставались за чешским народом в Пражском университете на вечное время без всяких препятствий и прекословий»³.

Немецкие профессора и студенты в своей значительной части выступили против Кутногорского эдикта и настаивали на его отмене. Они составили даже текст взаимной клятвы, которую каждый профессор и студент немецкой национальности должны были дать и следовать ей, чтобы сорвать выполнение королевского указа⁴.

¹ J. Kejr. Dve studie o husitském pravnictví.—...Rozpravy..., sesit 5, 1954. s. 3.

² Текст эдикта опубликован Ф. Палацким в сборнике «Documenta...», стр. 347—348. На русском языке он имеется в книге Вознесенского «Послания...», стр. 21—22.

³ Послания..., стр. 22.

⁴ F. Palacký. Dejiny..., t. 3, s. 82.

Реакционная немецкая профессура и студенты выступили явно националистически, грубо попирая национальные права чешского народа. Правда, справедливость была в данном случае на стороне чехов, которые защищали лишь свои национальные интересы, не посягая на права других народов и, наоборот, полностью признавая их. В то же время многие немецкие профессора и студенты университета выступили против Яна Гуса, обвиняя его в том, что он является виновником их неизбежного ухода из Пражского университета и из Чехии вообще. Однако эдикт вступил уже в силу и сорвать его выполнение не удалось. Большое число немецких профессоров и студентов покинули Чехию. Эти эмигранты и основали затем Лейпцигский университет.

В защиту Кутногорского эдикта и против продолжавшейся античешской клеветнической кампании за границей выступили Ян Гус, Иероним Пражский, Ян из Есениц. Особенно большое значение для понимания рассматриваемого вопроса имеют два небольших произведения магистра Яна из Есениц, друга и соратника Гуса в те годы. В небольшом трактате¹ магистр Ян из Есениц оправдывал Кутногорский эдикт и подробно мотивировал права короля Вацлава IV на вмешательство во внутриуниверситетские дела. Он исходил из идеи централизованной национальной монархии, считал светскую власть выше церковной. Главным его тезисом являлось положение о том, что каждый народ в своей стране должен занимать ведущие позиции. Естественно, что и в университетах той или иной страны решающие позиции должны принадлежать ее коренному населению, т. е. на первый план в трактате выступают национальные права жителей любого государства. Это утверждение, применительно к другим вопросам, мы неоднократно встречаем и в трудах Яна Гуса, что было совершенно не случайно. Идея национального суверенитета населения различных государств в их собственной стране — одно из основных программных положений бюргерской оппозиции. Автор трактата для подкрепления своего утверждения ссылался на Христа, апостолов, что являлось также обычным в период средневековья. Но, наряду с такого рода ссылками, он привлекал и современные ему факты. Он ссылался на практику Парижского и Болонского университетов, где местное население также имело три голоса при решении важнейших вопросов университетской жизни, на грамоту Карла I

¹ Текст его опубликован Ф. Палацким в «Documenta...», s. 355—363.

об основании Пражского университета. Наряду с положением о том, что население каждой страны должно иметь в ее жизни, делах решающий голос, соответственно выдвигалось утверждение, что иноземцы в другой стране не имеют права претендовать в ней на первое место. Последовательно рассматриваются и одна за другой отвергаются претензии большинства немецких профессоров и студентов на руководящую роль в университете в Праге. Автор совершенно основательно сравнивал положение в университетах в Праге, Вене, Гейдельберге¹, подчеркивая, что чехи не ставят вопроса о предоставлении им первенства в Венском и Гейдельбергском университетах и что немцы в них, конечно, не предоставят чехам такого огромного и несправедливого преимущества.

Следовательно, трактат Яна из Есеницы представляет большой интерес не только для изучения политических требований бюргерской оппозиции, но и для характеристики состояния национального вопроса в предгуситской Чехии. Кутногорский эдикт стал фактом, получив самую энергичную поддержку складывавшейся гуситской оппозиции, как ее умеренного, так и радикального направления, он явился составным элементом формирующейся гуситской идеологии, способствовал упрочению национального самосознания чехов в их борьбе за национальный суверенитет в стране, за руководство в университете в Праге.

Источники, современные событиям, отразили в своем содержании, как реагировали немецкие профессора и студенты на Кутногорский эдикт. Людольф Заганский отметил, что обострение борьбы в Пражском университете было связано с ростом гуситской ереси. В то же время, по его мнению, гуситы выступили там особенно против немцев, вследствие чего будто бы последние и были изгнаны из университета². В Лейпцигской хронике сообщалось³, что в университете были собраны тогда все четыре нации и им прочтен эдикт короля о преобразованиях в нем, согласно которому «...три немецкие нации будут иметь (имеют) один голос, чешская же нация имеет три голоса как на экзаменах, так и на выборах, совещаниях». После чего, записал хронист, *часть их* (т. е. немецких элементов) ушла в Лейпциг. В Лейпциге в гуситское время учились также некоторые чехи и моравяне. За 1409—1434 гг.

¹ Documenta..., s. 357.

² Der Tractatus..., s. 84.

³ Chronicon Lipsiense. Ab anno 1348—15 marta 1411.—«Fontes rerum Austriacarum». I abt., 2 bd. t. I, ed. K. Höfler. Wien. 1856. s. 10.

в числе студентов там названо 77 имен чехов и 5 имен моравян¹.

О национальных мотивах издания эдикта писали и авторы «Старых чешских летописей», сообщившие о том, что ушедшие из Чехии немецкие профессора и студенты уехали на Рейн, в Саксонию, Баварию и другие страны Европы. В одной из рукописей прямо указывалось, что они положили начало университету в Лейпциге².

Каков же наш общий вывод по рассматриваемому вопросу?

Национальный вопрос в предгуситской Чехии занимал весьма значительное место; значение его все более возрастало по мере приближения народного восстания. Жизнь ставила перед чехами множество задач и в этой области. В процессе борьбы против засилья Рима возникло стремление к созданию национальной церкви. Образование Пражского архиепископства было лишь первым шагом в этом направлении. Наряду с этим жизненно необходимым стало общее ограничение прав папы и кардиналов во внутренней жизни чешской церкви. Создание национальной церкви органически связано было с задачей формирования своего национального, чешского духовенства, с переходом к национальному языку в богослужении, в теологической и, тем более, светской литературе. В развитии национального языка были достигнуты крупные успехи, что, в свою очередь, стимулировало прогрессивное движение чешской национальной культуры. Убедительным свидетельством этих успехов явились труды Т. Штитного, Яна Гуса, появление Библии на чешском языке. Большое место в этом поступательном движении принадлежало Пражскому университету, Вифлеемской часовне как крупному центру гусизма.

Поскольку два направления в гусизме — умеренное и радикальное, т.е. бюргерская и плебейско-крестьянская оппозиция — в полной мере еще не сложились, то на первый план выступали общие для них задачи, цели национального характера. Разумеется, что степень заинтересованности, участия правого и левого крыла гуситов в решении этих задач была различной. Положительные итоги в этой области приносили умеренной или радикальной оппозиции совсем не одинако-

¹ J. V. Šimek. Указ. соч., — «С. С. М.» 1906, с. 3/4, с. 536—537.

² Starj letopisowe cessti. W Praze. 1829. — «Scriptorum rerum Bohemiarum», t. III.

вые плоды. Однако в это время главным было то общее, что объединяло их. Насущными задачами для страны являлись тогда: образование национальной церкви, оформление централизованного национального государства, ликвидация чужеземного засилья в управлении страной, в городской жизни, в экономике государства, всемерное развитие национального языка, культуры. Все эти вопросы, как мы уже видели, выдвигались в то время сторонниками гусизма прежде всего. Существенную положительную роль в их постановке и решении играла тогда и бюргерская оппозиция. Ее умеренность в программных требованиях и тактике, ограниченность дворянского патриотизма проявились еще далеко не в полной мере. Лишь в годы революционного восстания позиция бюргерства и дворянства и в национальном вопросе определится полностью. Станет очевидным решающее значение социальных, классовых интересов бюргерской оппозиции.

Постановка и решение, хотя бы и частичное, многих задач, связанных с проблемой национальных отношений в целом, говорят о том, что они были не случайностью, а закономерным итогом всего предшествующего социально-экономического, политического развития страны. Общий экономический подъем в XIV—начале XV вв. придавал все большую остроту различным сторонам национального вопроса. Бурное развитие городов в предшествующий период сделало неизбежным выступление массы чешского бюргерства против засилья немецкого патрициата. Эти экономические успехи делали необходимым окончательное складывание крепкого централизованного национального государства.

Конкретный анализ разных сторон национального вопроса в Чехии того времени показывает, что последний органически связан с социально-экономическим развитием страны, чего, обычно, не видят буржуазные историки; с жизнью политической — достаточно напомнить о теснейшей связи между формированием централизованного государства и государства национального.

В годы до вооруженного восстания складывавшаяся гуситская оппозиция смогла поставить ряд важнейших задач, связанных с решением национальной проблемы, и добиться некоторых реальных положительных результатов. Намечавшиеся гуситской оппозицией задачи в этой области стали составной частью всей гуситской идеологии. Они сыграли большую положительную роль в формировании и расширении антифеодалного лагеря, в углублении его требований.

Рассмотренные нами данные опровергают утверждение реакционных историков о крайнем национализме чехов, их всеобщей ненависти к немцам. Уже тогда в составе гуситской оппозиции были и немцы. Достаточно напомнить деятельность Николая Дрезденского в Праге. Общеизвестно, как хорошо простые горожане-немцы встречали Яна Гуса во время его поездки в Констанц через южную Германию.

Дальнейшее изучение рассматриваемого вопроса на материале периода гуситских войн позволит нам, очевидно, прийти к более полным выводам по рассматриваемой теме¹.

¹ Когда данная работа уже набиралась, была получена статья Ф. Грауса — F. Graus. Die Bildung eines Nationalbewußtseins im mittelalterlichen Böhmen (Die vorhussitische Zeit)—Historica XIII. Praha, 1966. Автор стремится проследить в ней постановку национального вопроса различными слоями чешского общества в период до середины XIV века.

Р. А. СТРУЧАЛИНА

ВОПРОСЫ БОРЬБЫ СЕВЕРОДУНАЙСКИХ ПЛЕМЕН С РИМОМ В БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Роль «варварских» нашествий в процессе падения античного мира неоднократно привлекала внимание ученых и часто ими даже переоценивалась¹. При этом, естественно, основное внимание уделялось племенам Средней и Восточной Европы, столкновения которых с империей имели особенно важное значение в периоды кризиса III века и агонии рабовладельческой формации в IV—V веках н. э.

Однако начальная стадия объединенного наступления «варваров» против Рима во II в. н. э. недостаточно еще исследована. А между тем вторжение задунайских племен в Северную Италию и многолетняя борьба Рима с воинственными полчищами германцев и сарматов при Марке Аврелии, известная под именем «Маркоманнской войны» (167—180 гг.), были, несомненно, первым этапом кризиса, закончившегося падением Римской империи на Западе и основанием на ее территории новых государств. Изучение событий этой Маркоманнской войны содействует как уяснению социально-экономических причин вторжений задунайских племен в пределы Римской империи, так и той роли, которую они играли в подрыве могущества империи.

Трудность изучения истории Маркоманнской войны обусловливается в значительной степени состоянием литературных источников, которые фрагментарны, нередко противоречивы или мало достоверны, в связи с чем вопрос о сугубо критическом их использовании приобретает особенную остроту.

¹ Fr. Altheim. Niedergang der alten Welt. Frankfurt am Main, 1953.

Сообщения римских историков — Диона Кассия и авторов *Scriptores Historiae Augustae* — дают основной материал для изучения отношений римлян с задунайскими племенами во II веке н. э. Однако их сведения в большинстве случаев весьма односторонни. Античные авторы, настроенные романтоцентристски, обращали все свое внимание на изображение «великих деяний» Рима и касались пограничных с ним племен лишь постольку, поскольку происходили их военные столкновения с Римом. Император, двор, сенат, армия — вот чем больше всего они интересуются. Отсюда почти полная непригодность обоих этих источников для социально-экономической характеристики племен, с которыми пришлось столкнуться Риму, а также для характеристики состояния придунайских провинций, в которых разыгрались события Маркоманнской войны.

Для истории самого хода войны наибольший интерес представляют свидетельства современников событий и в первую очередь Диона Кассия. Дион Кассий был крупным политическим деятелем и историком своего времени. По своим взглядам — это один из тех представителей высшего римского общества, которым приходилось слишком много и слишком часто приспосабливаться к деспотизму и сумасбродству императоров, приспосабливаться с единственной целью: сохранить свое положение, жизнь, состояние. Личность, настроения и образ мыслей автора целиком отражаются в его труде. Его политический идеал кратко можно выразить так: государь, формально утверждаемый сенатом и правящий при его помощи и содействии, но не от его лица. Сам автор с гордостью причисляет себя к сенаторскому сословию. Как настоящий представитель своего класса и своего времени, Дион Кассий в полной мере заражен его пороками. Он очень суеверен. Для объяснения событий он редко ищет объективные причины, прибегая обычно к сверхъестественному вмешательству божественных сил¹.

Эти недостатки источника (политическая тенденциозность, суеверие, субъективизм в оценке отдельных событий, несмотря на провозглашенную самим автором беспристрастность) всегда следует иметь в виду при его анализе. Однако важное достоинство Диона Кассия заключается в том, что он

¹ Спасение римлян, окруженных квадами в узком горном проходе, приписывает вмешательству божества, ниспославшего обильный дождь на римлян, томившихся от жажды, и молнии на их врагов (*Dio Cassio Cocceiani. Historiarum Romanorum, que supersunt. Barolini, 1926, 71, 8, 10*).

историк-современник. Правда, необходимо тут же отметить, что, хотя Дион Кассий был современником событий Маркоманнской войны¹, он не мог быть их очевидцем, поэтому должен был писать на основании рассказов участников или других источников. Источники эти оказываются не всегда доброкачественными, и тогда наш автор начинает путать события. Впрочем, о подлинном тексте Диона Кассия судить довольно трудно, так как значительная часть рассказа о Маркоманнской войне сохранилась в передаче Ксифилина. Рассказ этот в том виде, как он дошел до нас, чрезвычайно скуп и отрывочен. Трудно порой восстановить правильную последовательность событий, передаваемых Дионом Кассием, отдельные их подробности. Но местами, там, где автор, видимо, имел дело с хорошим источником, его рассказ приобретает живость, яркость почти такую же, какая свойственна рассказу очевидца. К таким, наиболее выразительным местам работы принадлежит, например, описание боя с язигами на льду Дуная². Все известия Диона Кассия нуждаются в проверке их показаниями других источников и сами по себе не дают полного представления о ходе Маркоманнской войны.

Не дает должного представления и труд другого современника или наиболее близкого по времени к изображаемым событиям автора исторического сочинения — Геродиана³, который лишь очень кратко упоминает о Маркоманнской войне Марка Аврелия и то лишь о самом конце ее, повествуя о кончине императора Марка Аврелия и о заключении мира с задунайскими племенами Коммодом. Поэтому этот труд не может быть использован не только как самостоятельный источник, но и для проверки фактов, сообщаемых Дионом Кассием. Его сведения охватывают слишком незначительный период Маркоманнской войны и не содержат ничего нового.

Гораздо больше интереса представляет другой, более позд-

¹ Даты его жизни приблизительно 150—225 годы. Лишь начиная с правления Коммода, Дион Кассий находит возможным сказать: «Об этом, равно как и о последующем, я повествую уже не на основании чужих слов, а по собственным наблюдениям» (*Ibid.*, 73, 4). Мысль об историческом труде пришла Диону Кассию в начале правления Септимия Севера (*Ibid.*, 73, 23, 2—4). Десять лет он был занят собиранием материала, двенадцать — его обработкой, но сначала довел свой труд лишь до эпохи Септимия Севера (*Ibid.*, 73, 23, 5), т. е. первая часть труда была закончена приблизительно к 216 году.

² *Dio Cass.*, 71, 7.

³ Геродиан. История в восьми книгах о Римской империи по кончине Марка Аврелия до избрания младшего Гордиана. М., 1829.

ний источник, сборник биографий римских императоров — *Scriptores Historiae Augustae*.

По поводу времени составления сборника и авторства его в исторической литературе в течение длительного времени существует спор. В настоящее время господствующим продолжает оставаться мнение Дессау, который привел весьма веские доказательства принадлежности сборника последнему десятилетию IV в. и авторства не шести, как полагали до него, а одного лица¹.

Против приверженцев Дессау стояли ученые, относившие составление этого сборника биографий императоров к концу III — началу IV веков². Промежуточную позицию занял Моммзен, который допускал переработку редактором времени Феодосия произведения, принадлежащего началу IV века. Он считал необходимым исследовать отдельно биографию каждого императора³. Домашевский находил возможным говорить уже не об одном, а о нескольких фальсификаторах, неоднократно обрабатывавших сборник до VI века⁴. Напротив, близко к точке зрения Дессау подходит английский ученый Норман Н. Байнс, который склонен относить это произведение ко второй половине IV в.⁵ Число авторов сборника Байнс определенно не указывает, но утверждает, что произведение это составлено по единому плану⁶. Точку зрения Дессау разделяет и новейший исследователь Хартке (Вернер)⁷. По мнению Хартке, как и по мнению Дессау, сборник «*Scriptores Historiae Augustae*» создан в конце IV в. одним автором, который к тому же принадлежал к высшим кругам римского общества, а потому пожелал оставаться неизвестным, выступив под шестью разными именами⁸.

¹ См.: Dessau. *Über Zeit und Persönlichkeit der Scriptores Historiae Augustae*. — «Hermes», 1889, 24.

² См., например: E. Kiebs. *Die vita des Avidius Cassius*. — «Rheinische Museum», 1888, XLIII. H. D. Sedgwick. *Marcus Aurelius a biography*. Oxford, 1921. J. Schwendemann. *Der historische Wert der vita Marci bei den Scriptores Historiae Augustae*. Heidelberg, 1923.

³ T. Mommsen. *Die Marcomannen Kriege unter dem Kaiser Marcus*. — Petersen — Domaszewski — Galderini. *Die Marcus-Säule auf Piazza Colonna in Rom Bd. III*, München, 1896, S. 70.

⁴ A. Domaszewski. *Geschichte der römischen Kaiser*. Bd. I, Leipzig, Auf. 3, s.

⁵ N. H. Bains. *The historia Augusta. Its Date and Purpose*. Oxford, 1926, p. 23.

⁶ *Ibid.*, p. 50.

⁷ W. Hartke. *Geschichte und Politik im spätantiken Rom. (Untersuchungen über die Scriptores Historiae Augustae)*. — «Klio», 1940, № 45.

⁸ *Ibid.*, S. 123.

Сборник «*Scriptores Historiae Augustae*» содержит биографии римских императоров от Адриана до Нумериана. Цель и задача его — доставить читателю интересное и пикантное чтение, что порождает погоню за занимательностью и фразой, нагромождение мелочей. Повествование почти не выходит за пределы дворцовых переворотов, интриг, сплетен и анекдотов. За нагромождением анекдотов и сплетен, за мелочами и деталями пропадает подчас существенное и важное. Хронология почти совсем отсутствует, даже не всегда наблюдается последовательность во времени между событиями¹. Суеверия и риторика переполняют сборник. Особенно много ложного в биографиях, для которых авторы не располагали большими материалами. Это, как правило, биографии противников императоров, например Авидия Кассия и Песценния Нигера. Вместе с тем в книге встречаются очень важные и интересные сведения, которых не содержат другие источники. Так, биография Марка Аврелия² сообщает о распродаже императорской казны, о наборе в войско гладиаторов, рабов и дарданских разбойников, о чем нет известий у Диона Кассия. Это сообщение является чрезвычайно важным, так как позволяет конкретнее и ярче представить обстановку в Римской империи в начале Маркоманнской войны.

Только в биографии Марка Аврелия встречаем мы перечень большинства племен, принимавших участие в наступлении на империю³, другие источники такого перечня не дают, а упоминают лишь отдельные племена. Количество примеров можно было бы увеличить.

Это заставляет считать сборник *Scriptores Historiae Augustae*, наряду с трудом Диона Кассия, одним из наиболее важных письменных источников по истории Маркоманнской войны.

Некоторые дополнительные сведения по быту придунайских племен встречаются у Тацита, Плиния Старшего, Веллея Патеркула, Геродиана, Евтропия, Аммиана Марцеллина. Наконец, особым источником являются географические сочинения древности, труды Страбона и, особенно, Птолемея. У последнего мы находим интересные сообщения о расселении задунайских племен.

При скудном и отрывочном характере сведений о Марко-

¹ Перестановка местами таких фактов, как вторжение мавров в Испанию и восстание буколов в Египте (SHA, v. M. Ant., 21).

² *Ibid.*, 17, 21.

³ *Ibid.*, 22.

маннской войне у древних авторов привлечение для исследования археологических источников, а особенно такого интересного и оригинального, как колонна Марка Аврелия, кажется нам чрезвычайно важным.

Эта покрытая рельефными изображениями колонна была сооружена по решению римского сената в честь побед, одержанных Марком Аврелием над задунайскими племенами, еще при жизни этого императора. Сами римляне, естественно, не понимали исторического значения событий Маркоманнской войны. Для них она была лишь одним из эпизодов, прославлявших римское оружие. Поэтому барельефы колонны изображают войну лишь как победоносный поход императора против «варваров». Однако несмотря на эту ограниченность источника, значение его чрезвычайно велико, так как он позволяет восстановить последовательность отдельных событий Маркоманнской войны, поскольку барельефы колонны представляют собой не отдельные разрозненные сцены, а картину последовательного развития событий, связанных друг с другом и понятных лишь в их взаимной связи.

Вместе с тем колонна не лишена интереса и как источник, содержащий богатый документальный материал, который позволяет судить о системе укреплений римской границы, о внутренней жизни и быте племен — противников римлян (их одежде, хижинах и поселках, породах скота).

Исследование колонны Марка Аврелия представляет большие трудности, так как барельефы не снабжены пояснительным текстом, а письменные источники, в силу указанных недостатков, не всегда могут быть использованы в качестве комментария к картинной хронике колонны. Поэтому, приступая к исследованию колонны Марка Аврелия, прежде всего следует разрешить вопрос о времени изображаемых событий. На всех барельефах колонны Марк Аврелий представлен один, без соправителей, сопровождавших его в начале (Люций Вер) и в конце (Коммод) войны. Естественно предположить, что это было в то время, когда Марк Аврелий один стоял во главе управления империей. Данное предположение подтверждается и тем, что вместе с Марком Аврелием фигурирует его зять Помпеян, который принимал участие в войне в качестве одного из полководцев¹. Итак, изображаемые события должны были развиваться между 169 годом (смерть Люция Вера) и 175 годом, когда вследствие начавшегося на Востоке восстания

¹ Dio Cass., 71, 3; SHA, v. Pert. 2, 4.

Авидия Кассия был заключен мир с язигами, а сын императора Коммод в 176 году сделан соправителем и возведен в сан Августа. Промежуток времени, охватываемый нашим источником, таким образом, очень невелик. В лучшем случае он насчитывает пять лет, так как трудно предположить, чтобы серьезные военные действия на Дунае начались в год смерти Вера. Дион Кассий и автор биографии Марка Аврелия сообщают о большой предварительной подготовке, которую провел император перед началом наступательного похода за Дунай. Следовательно, начало изображаемых на колонне событий следует относить к 170 году, не ранее. Такой крупный исследователь и знаток военной истории Рима, как Домашевский, склонен относить их даже к 171 году¹.

Одна из особенностей барельефов колонны заключается в том, что на ней изображены только те военные операции, в которых принимал участие сам император, то есть операции на центральном участке фронта, находившемся в Верхней Паннонии. Весьма крупные события, происходившие на дакийском фронте и в Нижней Паннонии, не нашли отражения в барельефах. То же следует сказать и о борьбе в Реции и Норике.

Таким образом, необходимо считаться с тем, что Маркоманнская война изображена и здесь далеко не полно.

И все же вызывает удивление, что такой важный источник, как колонна Марка Аврелия, мало привлекал ученых. Можно назвать лишь две крупные монографии, посвященные анализу барельефов колонны. Одна из них вышла еще в прошлом столетии², другая в 50-х годах XX в.³. В русской же литературе имеются только немногочисленные ссылки на этот памятник в работе Ф. В. Режабека⁴.

Известную роль в уточнении отдельных моментов, связанных с Маркоманнской войной, играют данные эпиграфики и нумизматики. Особенно это относится к таким вопросам, как

¹ Petersen—Domaszewski—Galderini. Die Marcus—Säule auf Piazza Colonna in Rom. Bd. III, S. 105.

² Ibid.

³ C. Caprito, A. Gollini, G. Gaatti, M. Pallottino, P. Romanelli. La Colonna di Marco Aurelio Roma L'Erme, 1955. Даже в специальных исследованиях о Маркоманнской войне колонна Марка Аврелия не привлекалась. Исключение составляет небольшая статья Т. Монтсен. Die Markomannen Kriege unter dem Kaiser Marcus, являющаяся частью большого труда, связанного с публикацией барельефов колонны в работе Petersen, Domaszewski, Galderini. Die Marcus—Säule auf Piazza Colonna in Rom. Bd. I—III, München, 1896.

⁴ Ф. В. Режабек. Маркоманские войны. Одесса, 1895.

размещение римских легионов в Дунайских провинциях, аграрные отношения и религиозные культы в этом районе, датировка некоторых событий.

Памятниками первостепенной важности являются и надписи. С одной стороны, они значительно дополняют, а с другой — и исправляют неточные или неверные сведения древних авторов. Вернее, этот контроль является взаимным, так как лишь произведения древних историков часто позволяют раскрыть и понять обычно крайне скупой на исторические сведения язык надписей. Так относящиеся к интересующей нас теме надписи позволяют в основном выяснить вопрос о размещении римских легионов в Дунайских провинциях, дают некоторое представление о развитии производства провинций, о культе, об аграрных отношениях. Обо всем этом молчат письменные источники. Иногда наличие надписей позволяет более точно датировать то или иное событие (особенно надписи о неоднократных провозглашениях Марка Аврелия императором). Но чаще случается так, что датировка надписей представляет большое затруднение. Там, где дата составления надписи не указана, ее приходится датировать приблизительно, с большей или меньшей точностью, по титулатуре императора, упоминанию воинских частей, дата стоянки которых в данном районе известна, а иногда и по употребляемой в них терминологии (например, упоминание *procuratoris Augusti* появляется в надписях не ранее III в. н. э.). Впрочем, необходимо учитывать, что многие надписи, особенно надписи официального происхождения, довольно тенденциозны.

Археологические источники оказались очень скудны и не обобщены, несмотря на то, что на территории Германии и Австро-Венгрии еще в XIX веке производились значительные раскопки. Интерес работавших здесь археологических комиссий (германской и австрийской) лежал в основном в области выявления римской границы и пограничных сооружений¹. Социально-экономические вопросы оставались незатронутыми даже в работе VI Интернационального конгресса археологов, проходившего в Берлине в августе 1939 г.² Некоторый свет на эти

¹ Труды этих комиссий публиковались в течение нескольких десятков лет. Труды германской археологической комиссии — *Der Obergermanisch-gaetische Limes des Römerreiches im Auftrage der Reichs-Limeskommission, 1894—1910*; труды австрийской археологической комиссии — *Der römische Limes in Österreich, 1900—1924*.

² Bericht über den VI. Internationalen Kongress für Archäologie. Berlin, 1940.

вопросы проливают лишь находки, сделанные недавно на территории современных Венгрии и Румынии (раскопки Пятра Роши, Кампоны и Аквинка).

Таким образом, отдельные источники часто характеризуют разные стороны вопроса, уточняя и дополняя друг друга. Поэтому только сравнительный анализ всех видов источников дает возможность в известной мере воссоздать общую картину взаимоотношений задунайских племен с Римом, уяснить причины крушения римской агрессии на Дунае и перехода империи к обороне.

Состояние источников было одной из причин, объяснявших, почему Маркоманнская война до последнего времени не привлекала внимания ученых. Другая причина заключалась в том, что после грандиозных завоеваний Траяна, после военных походов при Антонине Пие военные действия на северных границах при Марке Аврелии, не приведшие ни к значительным завоеваниям, ни к потере римской территории, казались настолько незначительными, настолько безрезультатными, что исследователи обходили вопрос о Маркоманнской войне. Место Маркоманнской войны в политической истории Рима не было определено должным образом.

Первые исследования, в которых поднимался вопрос о Маркоманнской войне, были написаны целиком на основании свидетельств античных авторов¹. Маркоманнская война в них рассматривалась как один из эпизодов объединенного наступления германских племен против Рима. Эта мысль была высказана Опицом еще в 1867 г.² Он же связал наступление германских племен с передвижением готов³. Эта точка зрения получила дальнейшее развитие в работе Бруно Раппопорта, который уже не сомневался, что Маркоманнская война была

¹ Th. Opitz. Die Germanen im römischen Imperium in der Zeit vor der grossen Völkerwanderung. Leipzig, 1867. Bruno Rappoport. Die Einfälle der Goten in das Römische Reich bis auf Constantin. Leipzig, 1899. Браун. Разыскания в области готско-славянских отношений. Сборник отделения русского языка и словесности императорской Академии Наук, т. 62, СПб, 1899, № 12.

² См.: Th. Opitz. Die Germanen im römischen Imperium in der Zeit vor der grossen Völkerwanderung, S. 4.

³ «Hier an der Ostsee und Weichsel, hatten die Goten und andere stammverwandelte Völker und Volksteile vom Instinkte ihres Weltberufes ergriffen, jene großartige Wanderung nach Süden zum Pontus und zu der Donau begonnen, welche den ersten Akt der Roms Vernichtung geltenden Völkerwanderung bildet». Ibid., S. 4—5.

вызвана началом перемещения готов¹. Причем Раппорт считал, что готы принимали в ней непосредственное и довольно активное участие². Однако, поскольку источники не содержат прямых сведений об участии готов в Маркоманнской войне³, Раппорт прибегал к косвенным доказательствам, в ряду которых важнейшим аргументом служит то, что император Максимин, родившийся во Фракии, был сыном аланки и гота⁴. Эту точку зрения на готов как непосредственных виновников Маркоманнской войны разделял и Браун, хотя вопрос о самих военных событиях интересовал его мало⁵.

Таким образом, все вышеназванные авторы не выясняли причины Маркоманнской войны по существу, никто из них и не пытался выяснить, что же вызвало передвижение самих готов. Попытка Опица объяснить это инстинктом широкого призвания германских племен⁶ сводит все к «германскому духу» и, конечно, не может быть воспринята как серьезное научное объяснение. Вопросы внутреннего развития племен — противников Рима, даже готских племен, лежат за пределами внимания авторов⁷. История Маркоманнской войны служит для них лишь одним из аргументов в пользу величия и силы готских племен. Поэтому Маркоманнская война не получает в вышеназванных работах должного освещения, ход войны не анализируется, ни о какой периодизации военных событий не может быть и речи.

В 1885 году вышел последний, пятый том капитальной работы Моммзена «История Рима», посвященный истории римских провинций от Цезаря до Диоклетиана. Излагая историю каждой провинции, Моммзен останавливается на наиболее значительных исторических явлениях (восстания, войны), дает характеристику наиболее значительных экономических и

¹ Brune Rappoport. Die Einfälle der Goten in das Römische Reich..., S. 13.

² Ibid., S. 14—17.

³ Об участии соседних с Римом племен в Маркоманнской войне см.: SHA v. M. Ant. 22, I; Dio Cass., 71, 3, 1, 71, 12, 3; 71, 20; и только одно место SHA дает возможность для некоторых предположений относительно участия готов: «...gentibus, quae pulsae a superioribus barbaris fugerant nisi reciperentur bellum inferretibus» (SHA, v. Marc. Ant., 14, I).

⁴ О происхождении Максимиана см.: SHA, v. Maxim. 1, 5; Br. Rappoport. Die Einfälle der Goten in das Römische Reich..., S. 17.

⁵ Браун. Разыскания в области гото-славянских отношений, стр. 18 и сл.

⁶ См.: Th. Opitz. Die Germanen im römischen Imperium in der Zeit vor der grossen Völkerwanderung, S. 4—5.

⁷ См., например: Br. Rappoport. Die Einfälle der Goten in das Römische Reich..., S. 18—27.

культурных центров. Моммзен широко использовал данные литературных источников, но исключительно важную роль в его работе над историей провинций сыграл эпиграфический материал. Немалое значение имел V том «Истории Рима» Моммзена для изучения внешнеполитической истории империи. Если до выхода V тома эта история сводилась к описанию удачных и неудачных войн, которые располагались по царствованиям, то Моммзен избрал географический принцип распределения материала. «В результате появилась возможность говорить о римско-германских или римско-парфянских отношениях на протяжении нескольких веков исторического развития»¹. Но и в V томе автор не отрешился от типично немецкого национализма. Это особенно сказывается на части, посвященной истории столкновения Рима с германцами².

В духе общей концепции составлено Моммзеном и описание Маркоманнской войны. Ее причину, «ближайшую причину», как оговаривается сам автор, он видит в передвижении народов, «происходивших далеко за пределами кругозора римлян»³. В этом отношении Моммзен непосредственно следует за источником⁴, причем это стремление следовать источнику заходит так далеко, что автор даже не пытается его анализировать, не пытается установить, кого имеет в виду источник под *superioribus barbaris*, а только подкрепляет свою мысль ссылкой на другой источник⁵. Из соединения свидетельств этих двух источников и возникает у Моммзена картина начала Маркоманнской войны. Она выглядит приблизительно так: под напором дальних варваров соседние с Римом племена вторгаются в его пределы и требуют мест для поселения. «После того, как эти племена были оттеснены высланными против них войсками, они отправили маркоманнского князя Балломария и с ним по одному представителю от десяти причастных к этому делу племен с целью возобновить просьбу об отведении им земель для поселения. Однако наместник не дал им никакого ответа и принудил их вернуться за Дунай. Таково было начало великой войны на Дунае»⁶. Как видим, причины войны и

¹ Н. А. Машкин. Предисловие к русскому переводу V тома «Истории Рима» Моммзена.—В кн.: Т. Моммзен. История Рима, ИЛ, М., т. V, 1949, стр. 8.

² Там же, стр. 199—204.

³ Там же, стр. 199.

⁴ SHA, v. Marc. Ant., 14, I.

⁵ Petrus Particius. Fragmenta historicorum Graecarum Ed. C. Müller, t. IV, fr. 6.

⁶ Т. Моммзен. История Рима, т. V, стр. 199.

повод к ней здесь смешаны. События, описанные на основании источников Моммзенем, могут быть расценены только как повод к войне, но не как ее причина. Вопрос о причине по существу даже не поставлен исследователем. События военных лет излагаются очень бегло, фрагментарно и главным образом по письменным источникам.

В труде Моммзена мало внимания уделено археологическому материалу. Обусловлено это и тем, что в то время раскопки на территории провинций только еще начинались, и тем, что Моммзен вообще недооценивал значение археологического материала. Вероятно, именно это обстоятельство привело автора к игнорированию барельефов колонны императора Марка Аврелия, которые позволяют дать более систематическое изложение военных событий.

И все же, при всей фрагментарности изложения, Моммзен пытается наметить определенные периоды в развитии военных действий. Так, первый период войны (Моммзен называет его первой войной) он заканчивает 172 годом н. э.¹ Дата начала войны автором не оговорена, но, судя по тому, что к моменту смерти Марка Аврелия Моммзен насчитывает 14 почти непрерывных военных лет, должна быть отнесена к 166 году н. э.² Вторая, «завершающая война», по мнению Моммзена, была начата в 178 году н. э.³ Дата окончания ее в работе не оговорена, но, вероятно, должна быть отнесена к 181 году н. э.⁴ Хотя инициатива в развязывании войны, по мнению Моммзена, принадлежала германским племенам, он характеризует в целом Маркоманскую войну как войну наступательную для Рима и считает, что она упрочила на будущее время римское господство в этих местах⁵.

В последующей своей работе, вышедшей почти через десять лет, Моммзен в целом придерживается этой же концепции в отношении Маркоманнской войны⁶, хотя и вносит некоторые уточнения. В статье «Der Marcomannen Krieg unter Kaiser Marcus» Моммзен на основании эпиграфического материала и письменных источников, далеко не всегда, впрочем, ссылаясь на них, реконструирует ход военных событий. Правда, не

¹ Т. Моммзен. История Рима, т. V, стр. 203.

² Там же, стр. 204.

³ Там же, стр. 203.

⁴ Там же, стр. 204.

⁵ Там же, стр. 205.

⁶ Т. Моммсен. Die Marcomannen Kriege unter Kaiser Marcus. — Petersen, Domaszewski, Galderini. Die Marcus—Säule..., Bd. III.

езде эта реконструкция кажется нам достаточно правильной и обоснованной. Так, «чудесный дождь» Моммзен относит ко времени второго похода против квадов¹, тогда как на основании барельефов колонны² его можно отнести скорее всего к 171 году, то есть ко времени первого похода. Автор ограничивается лишь описанием военных событий, даже не ставя вопросов, связанных с внутренним состоянием племен, с состоянием самой империи. Отсюда и выводы из статьи получаются весьма ограниченные и односторонние. Автор говорит лишь об ослаблении германских племен в результате войны, умалчивая о тех результатах, которые она имела для самой Римской империи³.

Некоторые изменения претерпел здесь и вопрос о периодизации войны. Моммзен также намечает два периода войны, но хронологические рамки их определены более четко и несколько изменены, по сравнению с предшествующей работой. Так, первый период — 167—175 годы н. э., второй — 177—180 годы⁴. Эта периодизация дается без какой-либо аргументации и обусловлена, на наш взгляд, только перерывом в ходе военных действий, связанных с восстанием Авидия Кассия.

Чрезвычайно интересной представляется статья Домашевского, являющаяся попыткой реконструкции событий Маркоманнской войны на основании барельефов колонны. Домашевский делает это очень тонко и умело, используя в качестве вспомогательных данных сведения других источников. Но статья Домашевского имеет еще более ограниченные рамки, чем работа Моммзена: она посвящена событиям 170—175 годов, то есть лишь одного периода войны, поскольку разбираемый источник относится лишь к этим событиям⁵. Уже сам по себе характер статьи исключает постановку в ней широких проблем, возможность охвата всего события в целом. Не делает этого Домашевский и в своей капитальной работе «Geschichte der römischen Kaiser», где, излагая историю Маркоманнской войны, он ограничивается в основном пересказом указанной выше статьи, к тому же без ссылки на источники.

Причины войны Домашевский не выясняет. Он просто кон-

¹ Т. Моммсен. Die Marcomannen Kriege..., S. 491.

² Petersen, Domaszewski, Galderini. Die Marcus—Säule..., XVI, описание, S. 58—59.

³ Т. Моммсен. Die Marcomannen Kriege unter dem Kaiser Marcus.—Petersen, Domaszewski, Galderini. Die Marcus—Säule. Bd. III, S. 502.

⁴ Ibid., S. 489.

⁵ A. Domaszewski. Erläuterung der Bildwerke.—Petersen—Domaszewski—Calderini. Die Marcus—Säule..., Bd. III, S. 108—122.

стативирует, что соседи Рима объединились в мощный союз племен и требовали места для поселения внутри империи; чем было вызвано это движение, источники с достоверностью не передают¹. Таким образом, Домашевский, как и Моммзен, лишь пересказывает источник, но даже без ссылки на него.

В монографии Домашевского очень сильно ощущается шовинизм автора, особенно, когда речь заходит о стремлении римского правительства создать две новые провинции², когда выясняется вопрос о поселении германских племен на территории империи³ или, наконец, сообщается об участии славянских племен в Маркоманнской войне⁴. Домашевский не дает периодизации военных событий, хотя в целом придерживается при их изложении той же последовательности, что и Моммзен. Совершенно невыясненным остается вопрос о значении Маркоманнской войны.

Для настоящего времени представляет интерес лишь та часть его работы, где на основе анализа барельефов колонны Марка Аврелия реконструируется ход военных действий.

Довольно подробно вопрос о Маркоманнской войне разбирается в статье Франка «*Markomanni*»⁵. Маркоманнская война рассматривается здесь как один из эпизодов истории племени маркоманнов. Однако вся история этого племени подается с романоцентристских позиций, с точки зрения взаимоотношений Рима с макроманнами. Конечно, при таком подходе к вопросу он получает весьма одностороннее освещение.

Из работ дореволюционных русских историков, интересовавшихся проблемами Маркоманнской войны, мы можем назвать уже упоминавшуюся работу Ф. В. Режабека.

Работа Ф. В. Режабека богата ценным фактическим материалом. Первая ее часть посвящена выяснению территории племен, принимавших участие в войне, а также их этнической принадлежности⁶. Таким образом, выявляется район военных действий и этнический состав участников войны. Остается лишь пожалеть, что автор не идет дальше и не выясняет соци-

¹ A. Domaszewski. Geschichte der römischen Kaiser, Bd. II, S. 221.

² Ibid., S. 224.

³ Ibid., S. 226.

⁴ «Durch die Pässe von Eger in Röhmen eindringend, stieß Marcus auf ein Volk, das auf den Bildwerken der Säule in seiner Körperlichen Bildung deutlich die Slaven erkennen läßt. Auch die kampflöse, feige Interwerfung vor der römischen Übermacht ist nicht deutsche Art». Ibid.

⁵ Frank. Markomanni. Pauly Wissowa Crol. Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft.

⁶ Ф. В. Режабек. Маркоманские войны, стр. 25—95.

ально-экономического положения племен, участвовавших в войне. Необходимость этого вытекает сама собой из этнических различий племен, а также из большей или меньшей степени римского влияния на них. Но автор пошел по другому пути, и невольно напрашивается мысль, что выяснение вопроса об этнической принадлежности племен оказывается для него необходимым, чтобы доказать этническое превосходство их над римлянами.

Вторая часть работы посвящена анализу самих событий войны, преимущественно на основании письменных источников (Дион Кассий, *Scriptores Historiae Augustae*), с привлечением изредка эпиграфического и нумизматического материала. Такой источник, как барельефы колонны Марка Аврелия, тоже известен Ф. В. Режабеку, хотя использован им мало.

Однако в определении причин войны Режабек не избежал общей ошибки. Все же и он приходит к выводу, что задунайские племена напали на империю, будучи теснимы готами¹. Правда, по мнению автора, причина передвижения готов — их борьба со славянами². Таким образом, получается, что причина Маркоманнской войны лежит в борьбе славян с готами, т. е., как и у указанных выше авторов, эта причина является внешней по отношению к задунайским племенам, напавшим на империю. Это оказывается единственно возможным стимулом, если не считаться (как то делает буржуазная историография) с социально-экономическим состоянием племен.

Периодизация военных действий дана Ф. В. Режабеком так же, как и в работах Моммзена и Домашевского, т. е. Маркоманнская война рассматривается как две войны, перерывом между которыми служат события на Востоке, связанные с восстанием Авидия Кассия³.

Режабек, пожалуй, более подробно, чем даже Моммзен и Домашевский, исследует все сообщения письменных источников о Маркоманнской войне и в его работе меньше тенденциозности, чем в работах его западных коллег, хотя и наблюдается некоторое стремление к переоценке роли славян в событиях II в. н. э.⁴

Таким образом, сложившаяся к концу XIX века в буржуазной литературе концепция Маркоманнской войны была связана с определенной переоценкой роли германских племен, и

¹ Ф. В. Режабек. Маркоманские войны, стр. 23.

² Там же, стр. 23—24.

³ Там же, стр. 95.

⁴ Там же, стр. 23—28, 98.

прежде всего готов, в событиях этой войны, хотя эта переоценка в какой-то мере опиралась на материал первоисточника. Общая тенденция к переоценке роли германского элемента выразилась и в том, что совершенно не получил освещения вопрос о значении Маркоманнской войны для истории самих племен, а если даже он и затрагивался, то только для того, чтобы указать, что Маркоманнская война «разбудила» их сознание и привела в начале III в. к новому германскому наступлению на западе¹. Периодизация войны, попытка рассматривать Маркоманнскую войну как две германские войны выдержана тоже в духе этой позиции, причем даже вопреки свидетельствам античных авторов, которые рассматривают Маркоманнскую войну как единое целое², выделяя в качестве особой войны войну с сарматами³.

Реакцией на эту германоцентристскую теорию Маркоманнской войны послужило создание в начале XX века теории романоцентристской. Ее создателями и активными защитниками были английские ученые. Приверженцы этой теории рассматривали Маркоманнскую войну в значительной мере как дело римлян, хотя и не отрицали того факта, что не Рим выступил инициатором войны⁴. Война якобы велась за расширение римских территорий, за создание двух новых провинций, Маркоманнии и Сарматии⁵, обеспечивавших линию обороны северных границ империи⁶.

Проримская тенденция изображения Маркоманнской войны нашла отражение и в ее периодизации.

Так, Клайтон-Дув пишет о трех германских войнах при Марке Аврелии, различая их в зависимости от главнокомандующих⁷. Таким образом, получалось, что первая война — кампания Марка Аврелия и Люция Вера — 167—169 годы, вторая — одного Марка Аврелия — 170—175 годы, третья — Мар-

¹ Th. Opitz. Die Germanen im römischen Imperium in der Zeit vor der grossen Völkerwanderung, S. 6.

² SHA, v. Marc. Ant. 12, 13; 13, I; v. Avid. Cass., 3, 6, Eutrop. VI, 13 употребляют выражение «bellum Marcomannicum».

³ Dio Cass., 71, 12.

⁴ Clayton—Dove. Marcus Aurelius Antoninus his life and times. London, 1930, p. 23. The Cambridge ancient history, vol., XI, IX, W. Weber. The Antonines.

⁵ Это мнение базируется на сообщении источника, который говорит о Марке Аврелии: «voluit Marcomanniam provinciam voluit etiam Sarmatiam facere» (SHA, v. Marc. Ant., 24, 5).

⁶ Clayton—Dove. Marcus Aurelius Antoninus..., p. 28. ASL. Farquharson. Marcus Aurelius his life and his world. Oxford, 1951, p. 53.

⁷ Ibid., p. 30.

ка Аврелия и Коммода—177—180 гг.¹. Вряд ли справедливо все военные действия ставить в зависимость только от личности главнокомандующего, но всякая иная постановка вопроса должна бы была привести к постановке экономических проблем, а это как раз и не устраивает автора.

Большой интерес в современной буржуазной историографии представляет работа немецкого исследователя Альтгейма². Она является как бы реакцией определенной части буржуазных исследователей на события второй мировой войны. Особое внимание Альтгейм обращает на события III в. н. э., которые, по его мнению, лучше всего могут быть объяснены на основании событий современности и в то же время лучше всего могут объяснить современную ситуацию³. Излагая события III века, он постоянно имеет в виду современное положение.

Интерес представляет первый том работы, содержащий описание периферии Римской империи. Отдельные главы этого тома посвящены истории отдельных народов и стран в первые века нашей эры: Иран, Китай, готы, арабы, угрофинны, Тибет, Япония находят свое место на страницах этой книги. По замыслу эта часть очень интересна. Альтгейм стремится показать быт народов, с которыми Римская империя вступала в соприкосновение, влияние их на империю и друг на друга. Однако история вне римского мира подается как военно-политическая и культурная история. Автор видит в ней только одно — выступление на историческую арену «молодых народов», обладавших «революционным видом вооружения — конницей»⁴. Необходимость для Римской империи в целях обороны ввести у себя этот «революционный вид вооружения» истощала ее силы, приводила к подрыву ее могущества⁵.

Таким образом, кризис Римской империи Альтгейм сводит к действию одних внешнеполитических и военных факторов, что следует считать наиболее слабой стороной его концепции.

Особый интерес представляет для нас глава, посвященная истории готов. Собственно, содержание ее значительно шире: автор рассматривает в ней также проблему ранних варварских вторжений на римскую территорию. Однако в этой главе особенно ярко сказываются националистические взгляды автора,

¹ Clayton—Dove. Marcus Aurelius Antoninus..., p. 30.

² Fr. Altheim. Niedergang der alten Welt. Bd. I, II, Frankfurt am Main, 1953.

³ Ibid., Bd. I, S. 5.

⁴ Ibid., S. 75.

⁵ Ibid., S. 76.

приведшие его к преувеличению роли германских племен¹.

В вопросе о причинах вторжения племен на территорию империи автор стоит на старой традиционной точке зрения: перемещение племен, теснимых готами, явилось важнейшей причиной антиримских войн². Чем вызвано перемещение самих готов, неизвестно, так как, рассматривая все племена и народности, окружавшие страны древней цивилизации, Альтгейм почти не касается их социально-экономических отношений, выяснение которых может дать единственно правильный ответ на вопрос, почему эти племена пришли в движение.

Второй том работы посвящен собственно римской истории. Наиболее интересна первая часть его, озаглавленная «Империя и имперский кризис». Ближайшую причину кризиса III века Альтгейм видит в том, что на Рейне и Дунае римляне разгромили государственные образования пограничных племен. Этот успех римской экспансии привел якобы к уничтожению заградительной зоны, отделявшей имперские границы от племен между Балтикой и Черным морем. В образовавшуюся брешь хлынули новые племена, которые были полны молодой силы, тогда как племена, соседние с Римом, переживали болезненный процесс разложения вследствие длительного мира и контакта с римской культурой. Прибытие новых племен всколыхнуло соседей Рима, которых пришельцы увлекли за собой. Такая постановка вопроса и здесь сужает значение кризиса III века лишь до внешнеполитического. Социально-экономическая сторона кризиса III в. не затрагивается. Такой подход к явлениям прошлого, конечно, наиболее удобно увязывается с событиями современности, если в них тоже отбросить социально-экономическую сторону. Именно такую связь событий автор и имеет в виду во вступлении к своей работе³.

Неверно и другое положение Альтгейма, положение о «заградительной зоне», которую будто бы образовывали пограничные с Римом племена во II в. н. э. Эти племена были издавна важнейшими противниками Рима, а вовсе не «заградительной зоной», примером чему могут служить события Маркоманнской войны. Поражение племен в этой войне не привело к прочному миру на Рейне и Дунае — столкновения продолжали нарастать и после ее окончания. Причину этого, конеч-

¹ Fr. Altheim. Niedergang der alten Welt, S. 79.

² Ibid., Bd. I, S. 78, Bd. II, S. 75.

³ Ibid., Bd. I, S. 5.

но, следует искать в социально-экономических отношениях этих племен, поскольку они устанавливали все более тесные их связи между собой и их общую враждебную ориентацию к Римской империи.

Мы остановились так подробно на труде Альтгейма, поскольку он представляется нам наиболее выдающимся явлением в современной буржуазной историографии, трактующей проблемы кризиса Римской империи. Его выводы довольно широки и относительно оригинальны, но метод Альтгейма в сильной мере страдает пороками, свойственными современной буржуазной историографии.

СОДЕРЖАНИЕ

С. М. Стам. Складывание городского рынка средневековой Тулузы (продовольственные товары)	3
Т. М. Негуляева. Возникновение свободной земельной собственности в Страсбурге и ее судьбы в XIII—начале XIV века	61
В. А. Ермолаев. Городское землевладение на территории Нюрнбергского бургграфства в XV веке.	77
В. И. Осипов. Складывание патрициата в Монпелье (XII—XIII вв.).	94
А. И. Озолин. Складывание национальной программы бюргерской оппозиции в Чехии конца XIV—начала XV века	111
Р. А. Стручалина. Вопросы борьбы северодунайских племен с Римом в буржуазной историографии	165

Средневековый город

Сборник статей

Редактор **М. П. Ларина**

Технический редактор *В. В. Зенин.*

Корректоры: *А. Д. Черноцкая, З. И. Шевченко.*

НГ 97302. Сдано в набор 23.IV.1968 г. Подписано в печати 9.VII.1968 г.
Формат 60×84¹/₁₆ Печ. л. 11,5. Уч.-изд. л. 11.
Тираж 700 экз. Заказ 2056. Цена 66 коп.

Издательство Саратовского университета, Университетская, 42
Типография издательства «Коммунист», пр. Ленина, 94